

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко»

На правах рукописи

ОБУХОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ
ПРОСТРАНСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Н.Н. Орехова

Ижевск 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основания исследования.....	14
1.1. Различные подходы к исследованию картины мира	14
1.2. Методология и стратегия исследования художественной картины мира.....	40
1.3. Картина мира Средневековья и ее корреляция с ключевыми категориями средневековой культуры.....	48
Выводы по главе 1.....	52
Глава 2. Моделирование пространства в художественной картине мира Средневековья.....	54
2.1. Проекция вертикального членения мира и миромоделирующие элементы пространства.....	54
2.2. Категоризация пространства в проекции горизонтального членения мира	71
2.2.1. Пространственные аспекты языковой категоризации “свой” – “чужой”	73
2.2.2. Топонимическое пространство в художественной картине мира Средневековья.....	84
Выводы по главе 2.....	95
Глава 3. Особенности языковой репрезентации когнитивной модели пространства в художественной картине мира Средневековья	99
3.1. Особенности языковой объективации сакрального пространства	99
3.2. Языковое выражение пространства земного мира	113
3.3. Языковая репрезентация пространства инфернального мира	145
Выводы по главе 3.....	154
Заключение.....	159
Список литературы.....	163
Список словарей и справочников.....	179
Список источников иллюстративного материала.....	182
Приложение 1.....	183
Приложение 2.....	190

Принятые сокращения

ММ – модель мира

КМ – картина мира

ОМ – образ мира

ЯКМ – языковая картина мира

ХКМ – художественная картина мира

ЯХКМ – языковая художественная картина мира

Названия языков и диалектов

греч. – греческий

герм. – германский

гот. – готский

д.-в.-н. – древневерхненемецкий

др.-англ. – древнеанглийский

и.-е. – индоевропейский

праиндоевроп. – праиндоевропейский

ср.-в.-нем. – средневерхненемецкий

ср.-лат. – средневековый латинский

ср.-англ. – среднеанглийский

ст.-франц. – старофранцузский

Введение

В рамках когнитивной парадигмы в современной лингвистике на новый уровень выходят исследования художественного текста как ценностной концептуальной системы, на основе которой изучаются моделирующие возможности механизмов языковой концептуализации и категоризации действительности, а также когнитивный потенциал структур знаний, зафиксированных в тексте в их ключевых и вариативных семантических категориях.

В общей системе современных лингвистических исследований, в частности, в рамках научного направления когнитивной лингвистики, актуальными являются исследования, посвященные вопросам концептуализации и категоризации действительности, специфике мыслительной деятельности человека (восприятие и осмысление действительности), а также проблемам моделирования связи языка и познания, формирования, организации и хранения знаний о мире (работы Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, А.П. Бабушкина, А.В. Бондарко, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, А.А. Леонтьева, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, В.Н. Телия и др.). Это направление предполагает, в свою очередь, концептуальные исследования языка, единиц семантического пространства языка, отражающие социо- и этнокультурные особенности восприятия и осмысления фрагментов языковой действительности.

Настоящая работа посвящена изучению когнитивных механизмов реконструкции культурно- и социальнорелевантной модели категоризации действительности, системному описанию особенностей языковой репрезентации когнитивной модели пространства в художественной картине мира Средневековья.

Пространство как универсальная категория является фундаментальным понятием культуры, играющим важную роль в человеческом мышлении. В

общей системе наук о человеке универсальная категория пространства выступает базовой концептуальной структурой, на основе которой формируются представления и знания человека об окружающей действительности.

Актуальность работы определяется неослабевающим интересом в современной науке к феномену “пространство” как онтологической категории. Изучение особенностей процесса познания мира, механизмов концептуализации и категоризации действительности, выявление закономерностей концептуального моделирования с когнитивных позиций представляет особый интерес с точки зрения устройства и функционирования языка. Предлагаемый в работе когнитивный подход к анализу и интерпретации языковых фактов позволяет выявить и описать когнитивные модели и лежащие в их основе структуры представлений и знаний о пространстве, раскрыть связь и корреляции структур этих знаний и объективирующих их языковых феноменов.

Актуальным для лингвистического исследования является, наряду с проработкой представлений о содержании и структуре пространства, выявление универсальных и национально-культурных механизмов восприятия и оценки категории “пространство” носителями разных языков в эпоху Средневековья. **Научная значимость** диссертационного исследования состоит также в том, что впервые категория “пространство” рассматривается в ракурсе диахронического подхода на основе комплексного изучения памятников культурного наследия Средневековья. Нельзя не отметить в этом плане фактор преемственности культур: архетип современной западноевропейской материальной и духовной культуры во многом складывается в эпоху Средних веков. Современная западноевропейская цивилизация опирается на средневековую традицию, с которой она связана культурно-языковым родством. С этой точки зрения данное когнитивное исследование заслуживает самого пристального внимания.

Объектом исследования являются языковые единицы, служащие для экспликации универсальных и национально-культурных аспектов категоризации и концептуализации пространства в художественной картине мира эпохи Средних веков.

Предметом исследования служат способы и средства категоризации и концептуализации когнитивной модели пространства в культурно-ментальном континууме произведений средневековой немецкой, английской, французской и латинской словесности XII–XIV вв.

Цель настоящей работы заключается в реконструкции когнитивной модели пространства посредством описания особенностей категоризации и языковой репрезентации пространства в художественной картине мира эпохи Средних веков.

В соответствии с поставленной целью выдвигаются следующие **задачи**:

1. Изучить и обобщить современные подходы к исследованию картины мира как базового междисциплинарного понятия когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики, литературоведения, философии; определить основные методологические направления в изучении феномена “картина мира”, проанализировать конструктивные способы и методы реконструкции картины мира.

2. Выделить, систематизировать и описать средства вербализации категории пространства на материале средневековых художественных произведений.

3. Выявить критерии описания когнитивной модели и разработать стратегию проведения анализа на материале текстов средневековых романов; на основе полученных данных выявить моделирующие элементы художественной картины мира Средневековья; разработать когнитивную модель категоризации пространства в ракурсе отображаемых в художественной картине мира представлений об окружающей действительности.

4. Определить универсальные свойства и этно- и социокультурные особенности объективации когнитивной модели пространства в художественной картине мира Средневековья.

Теоретико-методологической базой исследования послужили теоретические положения, изложенные в трудах отечественных и зарубежных ученых в следующих сферах:

1) лингвистики, лингвокультурологии, концептологии, психолингвистики (Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, А. Вежбицкая, Т.И. Вендина, Г.Д. Гачев, В.З. Демьянков, М. Джонсон, А.А. Залевская, В.И. Карасик, Г.В. Колшанский, О.А. Корнилов, Е.С. Кубрякова, Т.Ф. Кузнецова, Дж. Лакофф, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, Д.С. Лихачев, М.М. Маковский, В.А. Маслова, Л.Б. Никитина, З.Д. Попова, Е.В. Рахилина, Б.А. Серебренников, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, В.Н. Топоров, Т.В. Топорова, Е.В. Урысон, Н.В. Уфимцева, Р.М. Фрумкина, Н.Д. Шмелев, Т.А. van Dijk);

2) медиевистики и теории литературы (М.М. Бахтин, М.Е. Беркович, Ю.Л. Бессмертный, П.М. Бицилли, А. Брайант, А.А. Васильев, Г. Вейс, Э.Э. Виоле-ле-Дюк, Ж. ле Гофф, А.Я. Гуревич, Ж. Дюби, Ф. Кардини, М. Кин, Н.Ф. Колесницкий, А.Д. Михайлов, Ж.Ф. Мишо, Б.И. Пуришев, Ж.Ж. Руа, Р. Фоссье, Й. Хейзинга, О.Г. Эксле, А.Л. Ястребицкая, Н.-W. Goetz, С.Р. Backman, Н. Voockmann, J. Knight, D. Power).

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что объективированные в средневековых художественных текстах знания о мире представляют собой особым образом организованные модели со сложной семантической структурой, состоящие из общих или сходных семантических характеристик и социо- и этнокультурных коннотаций, отражающих особенности освоения и восприятия мира.

Материалом исследования послужили тексты немецких рыцарских романов Генриха фон Фельдеке «Энеида» (ок. 1180 г.), Гартмана фон Ауэ «Бедный Генрих» (ок. 1195 г.), Готфрида Страсбургского «Тристан»

(ок. 1210 г.), английских романов «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь» (ок. 1362 г.), «Сэр Орфео» (ок. 1330 г.), лирической поэмы «Жемчужина» (ок. 1364 г.) и французского романа «Песнь о Роланде» (середина XII в.), а также фрагмента поэмы Вальтера Шатильонского «Алексаидра» на латинском языке (ок. 1178–1182 гг.). Всего было проанализировано 39772 строки (895 страниц печатного текста на языке оригинала). Исследовательский корпус составил 1458 примеров, в качестве иллюстративного материала в работе приведено 500 примеров, объемные текстовые фрагменты вынесены в приложение (Приложение 2, пр. 1–254).

Выбор в качестве источников произведений средневековой словесности обусловлен тем фактом, что XII–XIV вв. являются ключевым периодом в истории Европы, эпохой рождения и расцвета новых культурных традиций и тенденций. В то же время период Зрелого Средневековья знаменуется переходом литературных произведений с латыни на национальные языки. Художественные тексты этого исторического периода являются единственным источником данных о национальных языках Средневековья.

В работе используются общенаучные **методы** исследования, которые дополняют и конкретизируют друг друга (анализ, синтез, классификация, обобщение, описание, моделирование). Основным методом исследования был выбран метод контент-анализа. Привлечение данного метода к анализу материала позволяет рассмотреть обнаруженные явления с большой степенью объективности и достоверности. Методологический арсенал контент-анализа включает в себя следующие приемы и методики: метод сплошной выборки с последующей группировкой языковых единиц по определенным (ключевым) категориям; квантитативный метод (количественный подсчет проявления исследуемых языковых феноменов); корреляционный анализ для выявления взаимосвязей репрезентантов ключевых категорий в анализируемых художественных текстах. Широко

используется контекстуальный и интерпретационный анализ, лексико-семантический и лексико-этимологический анализ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Основной единицей настоящего исследования является когнитивная модель, которая представляет собой “концептуальный каркас”, заключающий в условные модальные рамки объективированные в языке структурные элементы (образы действительности) и тематически объединяемые общими представлениями (ключевыми категориями) этноса в целом, отдельной страты.

2. Когнитивная модель пространства соединяет основные принципы категоризации окружающего мира: членение мира по онтологическому принципу (согласно законам бытия) и эгоцентрическому принципу. Эти способы организации знаний и представлений об окружающем мире являются закономерными для западноевропейской культуры Средневековья.

3. Моделирование структуры человеческого сознания осуществляется посредством выявления и фиксации универсальных представлений и знаний о мире, а также экспликации этнокультурной информации, связанной с социальной структурой социума, межэтническими и межкультурными отношениями, системой аксиологических приоритетов.

4. Средством выражения категории “пространство” являются языковые единицы, сформированные на основе практического освоения окружающего мира, спроецированные в мир идеальных сущностей посредством ассоциаций, которые представляют собой результат когнитивного освоения окружающего мира.

Научная новизна исследования заключается в описании механизмов концептуализации и категоризации человеческого опыта и знаний посредством моделируемых структур языкового сознания носителей разных этнокультур и языков эпохи Средних веков. Следует особо отметить, что впервые художественные произведения средневековой словесности исследованы в аспекте когнитивного моделирования. Помимо этого,

разработана базовая модель концептуализации и категоризации действительности на уровне художественного текста.

Теоретическая значимость выполненной работы заключается в дальнейшей разработке и уточнении положений когнитивной лингвистики, этнолингвистики и лингвокультурологии, выявлении ценностных лингвокогнитивных доминант (ключевых категорий) в средневековой культуре на материале средневекового рыцарского романа (средневековой поэмы) как значимого этапа становления западноевропейской литературы.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов исследования в процессе преподавания теоретических курсов по теории языка и германистике, при разработке и чтении курсов по лексикологии и стилистике, спецкурсов и семинаров по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Материалы исследования могут быть использованы в практике обучения иностранным языкам. Кроме того, методологическая стратегия анализа когнитивных моделей может использоваться для изучения механизмов моделирования структур знания, категоризации и концептуализации действительности в картине мира других этносов.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования были представлены в форме докладов и сообщений на научных, научно-методических конференциях разного уровня: международных научно-практических конференциях: IV Международная научная конференция «Концепт и культура», Кемерово, 2010; Международные конференции «Актуальные проблемы лингвистики XXI в.», Киров: ВятГГУ, 2010, 2012, 2014; Всероссийские научно-практические конференции с международным участием «Языки и этнокультуры Европы», Глазов: ГГПИ, 2010, 2012, 2014; Региональные научно-практические конференции «Достижения науки и практики в деятельности общеобразовательных учреждений», Глазов: ГГПИ, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013. Материалы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры

иностранных языков и методики преподавания ФГБОУ ВПО «Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко», на семинарах аспирантов и соискателей.

Основные теоретические аспекты и практические результаты настоящего диссертационного исследования отражены в 13 публикациях, три из них опубликованы в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК РФ: научный журнал «Вестник Иркутского государственного лингвистического университета» № 1(9), 2010; научный журнал «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета» № 3(2), 2011; научный журнал «Казанская наука» № 5, 2013.

Диссертационное исследование обсуждалось на расширенном заседании кафедры иностранных языков и методики преподавания ФГБОУ ВПО «Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко» (апрель, 2014).

Структура диссертационной работы определяется ее целью и поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 176 наименований первоисточников на русском, немецком, английском и латинском языке, списка словарей и справочников, 25 наименований, списка иллюстративного материала, 9 наименований, приложений.

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, его актуальность и научная новизна, формулируются цели и задачи работы, характеризуются методы исследования, аргументируются его теоретическая значимость, научная новизна и практическая ценность результатов исследования.

В **главе 1 «Теоретические основания исследования»** рассматриваются основные теоретические и методологические вопросы отечественной и зарубежной лингвистики, посвященные изучению концептуальных систем и когнитивных аспектов языка. Проводится обзор основных точек зрения на феномен “картина мира” (КМ), а также сходных по

значению понятий “модель мира” (ММ), “образ мира” (ОМ). Приводится краткая характеристика средневековой КМ и ключевых категорий как моделирующих факторов КМ. Отдельно рассматривается алгоритм ментальной переработки информации о мире и способы ее фиксации средствами языка в виде когнитивной модели, выстраивается программа исследования.

В главе 2 «Моделирование пространства в художественной картине мира Средневековья» проводится анализ пространственных представлений средневекового человека на материале немецких, английских, французских и латинских текстов XII–XIV вв. Осуществляется анализ механизмов осмысления и описания средневековым человеком пространства окружающего мира. В результате комплексного анализа реконструируется когнитивная модель пространства, специфика которой в значительной степени определяется общими (универсальными) параметрами, а также социо- и этнокультурными особенностями языковой категоризации окружающего мира.

В главе 3 «Особенности языковой репрезентации когнитивной модели пространства в художественной картине мира Средневековья» проводится комплексное описание средств языковой объективации пространства на материале средневековых произведений на немецком, английском, французском и латинском языках. Осуществляется анализ особенностей репрезентации пространственных отношений на языковом уровне, механизмов и моделей категоризации знаний. Выявляются общие для носителей средневековой европейской культуры знания и представления о пространстве, способы их объективации в языке. Рассматриваются социо- и национально-культурные особенности вербализации пространства.

В Заключении обобщаются основные результаты исследования, формулируются выводы, намечаются перспективы дальнейшей разработки проблемы.

Список использованной литературы содержит 176 наименований первоисточников на русском, немецком, английском и латинском языке, 25 наименований словарей и справочников, 9 источников иллюстративного материала.

В **Приложении** представлены таблицы рекуррентности языковых единиц, текстовые фрагменты.

ГЛАВА 1. Теоретические основания исследования

1.1. Различные подходы к исследованию картины мира

В настоящее время в лингвистических исследованиях, посвященных изучению концептуальных систем и когнитивных аспектов языка, в частности, таких как состав и концептуализация знаний, способов организации и репрезентации знаний, формирующих картину мира языкового коллектива, особый интерес у ученых вызывают механизмы моделирования картины мира. Современная наука оперирует рядом категорий, среди которых основными выступают «модель мира» (ММ), «картина мира» (КМ), «образ мира» (ОМ). Использование этих сходных по значению, но не вполне конгруэнтных терминов требует внести большую определенность в их понимание. Не ставя перед собой цель, дать новое определение или классифицирующий обзор существующих точек зрения, остановимся на распространенных в философии, лингвистике, культурологии, литературоведении, психологии и др. определениях с тем, чтобы заново их осмыслить и выявить основные составляющие в трактовке данных феноменов. Одним из первых термин КМ ввел в науку в начале XX в. немецкий физик Г. Герц, в трудах которого КМ получает естественнонаучное толкование [Серебренников 1988: 12–13]. В философии термин КМ связывают с именем известного австрийского философа Л. Витгенштейна, который, рассматривая картину или, выражаясь его словами, «модель действительности», определяет данный феномен как «целокупность истинных мыслей» [Витгенштейн 1994: 8–10]. Немецкий философ М. Хайдеггер ставит вопрос несколько иначе: «Что такое картина мира? По-видимому, изображение мира» [Хайдеггер 1993: 49]. В то же время КМ, по образному выражению ученого, представляет «сам мир, его, сущее в целом», «конструкт опредмечивающего представления» [там же: 49–52]. В современной философии и философии науки КМ представляет собой «целостный образ мира, имеющий исторически обусловленный характер» [ФС 2001: 234], «сумму наглядного знания о мире» [ФС 2003: 200], картину

исследуемой реальности, особый тип теоретического знания, некоторую теоретическую модель исследуемой реальности [Энциклопедия эпистемологии и философии науки 2009: 581]. Наряду с КМ в философии используется также смежное понятие “модель” как «мысленно или практически созданная структура, которая воспроизводит ту или иную часть действительности в схематизированной или идеализированной, в упрощенной или наглядной формах [Общие проблемы философии науки 2007: 145–146].

Термин КМ также получает психологическую интерпретацию: «представления человека о мире», «один из уровней модели мира, или образа мира, <...> содержащий модально-специфические представления» [Психологический словарь 2007: 294–295]. В настоящее время в психологии наряду с КМ оперируют понятиями “модель”, “образ”, “схема”. Анализируя специфику функционирования форм сознания человека, И.Ю. Морковина и Ю.А. Сорокин определяют КМ как “результат сложного взаимодействия языкового / речевого сознания с окружающей действительностью” [Морковина 1993: 118]. Суждение Р.М. Фрумкиной с большой наглядностью демонстрирует психологическую направленность в интерпретации данных категорий: «Человек не может жить и развиваться, не построив – обязательно с помощью какой-либо знаковой системы – модель окружающего его мира» [Фрумкина 2001: 86]. Однако, в определениях КМ, ММ и ОМ не менее очевиден также акцент на дифференцированный подход, который связан с редукционной концепцией, точнее говоря, с выделением пределов понятийных категорий. В этом плане иллюстративной становится формулировка содержания ММ как предельного обобщения представлений людей [Большой психологический словарь 2004: 536]. Как правило, ОМ трактуется в психологии шире, чем КМ. В этом смысле ОМ понимается как центральное образование познавательной сферы, которое лежит в основе представлений человека о мире, как результат процесса восприятия человеком объективного мира [Леонтьев 1983: 255]. Как одну из реализаций

этой предпосылки следует рассматривать существующее в психолингвистике определение Е.Ф. Тарасова, который трактует ОМ как «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» (цит. по: [Ушакова 2006: 96]). А.А. Залевская, разграничивая понятия КМ и ОМ, подчеркивает, что «картина мира много беднее образа мира и отображает лишь его часть» [Залевская 2001: 43]. Нельзя в этой связи не привести обобщающее определение ОМ, сформулированное А.А. Леонтьевым: «Образ мира <...> – это отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающиеся сознательной рефлексии» [Леонтьев 1993: 18].

В литературоведении термин КМ применяется в исследованиях идейно-тематической, сюжетно-композиционной организации художественных текстов, точнее говоря, «внутреннего мира художественного произведения» [Лихачев 1968: 74]. Д.С. Лихачев трактует мир художественного произведения как «результат и верного отображения, и активного преобразования действительности» [там же: 76]. Наряду с определением мира художественного произведения в работах Д.С. Лихачева получает очертания термин “картина”. Ученый отмечает, что «из символов и понятий писатель строит картину, в которой только во вторичном плане могут быть заметны черты правдоподобного изображения действительности» [Лихачев 2006: 45].

Словосочетания ММ и КМ встречаются в поэтике М.М. Бахтина. И хотя ученый не дает четкого определения понятиям, некоторые положения концепции художественного произведения, в частности трактовка категории и формы, содержания и материала в его трудах по эстетической поэтике помогают раскрыть значимые характеристики КМ и ММ. Модель мира, по словам М.М. Бахтина, лежит в основе художественного образа, в основе этой модели лежат «пространственные и временные представления», «ее смысловые и ценностные измерения и градации» [Бахтин 1986а: 518]. И

здесь любопытно отметить еще одно высказывание, в котором отражается сходная авторская установка: «Архитектоника мира художественного видения упорядочивает не только пространственные и временные моменты, но и чисто смысловые; форма бывает не только пространственной и временной, но и смысловой» [Бахтин 1986б: 128]. В соответствии с утверждением ученого, “модель” представляет собой схему, в которой «практика определяет познание» [Бахтин 1986а: 518]. В этом плане произведение как «организованный материал», «словесное целое» представляет собой “картину” [там же: 38]. Суммируя сказанное, нельзя не отметить близкое современному толкованию КМ определение М.М. Бахтина: «Мир художественного видения есть мир организованный, упорядоченный и завершённый» [Бахтин 1986б: 172].

В послесловии к книге Э. Хильшера, содержащей очерки о творчестве выдающихся немецкоязычных писателей XIX–XX вв., С. Апт раскрывает сущность термина “поэтическая картина мира”: «Творчество всякого большого художника и в самом деле создает особый, имеющий свою атмосферу, свои краски, свои законы мир, картину» [Хильшер 1979: 191].

Обратимся еще к одному определению поэтической КМ. В общих чертах можно отметить, что в рамках литературоведения, несмотря на их широкое употребление, термины КМ и ММ не получают достаточно четкого определения. Ярким подтверждением тому служит отсутствие в словарях и энциклопедиях по литературоведению статей, разъясняющих данные понятия (см.: [Литературный энциклопедический словарь 1987; Мещерякова 1998; Энциклопедический словарь юного литературоведа 1988]), а также различные номинации анализируемого феномена: “мир художественного произведения”, “модель мира”, “поэтическая картина мира”, “художественная картина мира”, “мир художественного видения”.

В терминологических словарях по культуре и культурологии даны следующие определения КМ: «система интуитивных представлений о

реальности» [Руднев 1999: 127], «общекультурные, т.е. свойственные всем культурам представления о мире» [Степанов 1997: 108]. При этом некоторые ученые употребляют выражения КМ, ММ, ОМ синонимично и считают, что данные категории представляют собой систему понятий и ценностей [Гачев 1988, 2008; Гуревич 1984]. Выдающийся отечественный историк-медиевист, культуролог А.Я. Гуревич в исследованиях, посвященных реконструкции средневекового мира, подчеркивает, что термин “модель”, не применяется им в «каком-либо специальном кибернетическом смысле», как равнозначные ученый предлагает использовать выражения “модель мира”, “картина мира”, “видение мира” [Гуревич 1984: 15]. Важным в аспекте сравнительно-исторического исследования ММ является следующая трактовка понятия: ММ – это «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [Мифы народов мира 1988: 161].

Не ставя своей задачей дать точную трактовку понятия, Г.Д. Гачев раскрывает сущность предмета исследования – национального ОМ, «в упрощенном выражении – модель мира» [Гачев 2008: 19] – в следующем высказывании: «Нас интересует не национальный характер, а национальное воззрение на мир, не психология, а так сказать, гносеология, национальная логика, склад мышления: какой “сеткой координат” данный народ улавливает мир и, соответственно, какой Космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами и реализуется в его стиле существования, отражается в созданиях искусства и теориях науки» [там же: 16]. Для нас наиболее существенно в работах Г.Д. Гачева положение о том, что КМ – это «особая система координат и шкала ценностей», которая «складывается у каждого народа» и которой «человек пользуется в своем поведении и мыслях» [Гачев 2002: 16]. Такая точка зрения высказывалась ранее А.Я. Гуревичем, который рассматривал ММ как «“сетку координат”, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в сознании» [Гуревич 1984: 15–16]. ММ в каждой

культуре, по его словам, состоит из набора взаимосвязанных категорий (универсальных понятий и представлений) – основного семантического “инвентаря” культуры [там же: 16]. Исследователь отмечает в этой связи, что «эти категории могут быть обнаружены в языке и во всех других семиотических системах» [там же: 19].

Весьма сходными с концепцией А.Я. Гуревича представляются нам наблюдения М.М. Маковского, который в своей работе «Язык – миф – культура: Символы жизни и жизнь символов» раскрывает значения КМ и ММ. По определению автора, «КМ есть субъектный образ-гештальт объективного мира; КМ является неким идеальным образованием, которое может определяться в знаковых формах различного вида, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них. ММ является знаковым выражением КМ» [Маковский 1996а: 15–16].

С точки зрения Т.П. Григорьевой, КМ – это «представления о мире и его законах, которые за века становятся органичны сознанию» [Григорьева 1987: 271]. КМ предстает в ее работе как «формообразующее начало человеческой деятельности, в значительной степени определяя характер мышления и то, что этим мышлением производится, тип духовного производства» [там же: 271]. С.В. Иванова также дифференцирует термины КМ и ММ, отмечая, что «в широком смысле модель мира имеет объяснительную силу, картина мира – описательную, констатирующую» [Иванова 2003: 42].

Излагая и критически переосмысливая философские и естественнонаучные представления и взгляды ученых на КМ, Т.Ф. Кузнецова делает вывод о том, что «в перспективе введение понятия “картина мира” было нацелено на обобщенное представление о мире или на некую общую онтологию и мировоззрение» [Кузнецова¹ 2008].

¹ Ссылка: URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Kuznetsova/> (дата обращения: 20.01.2014).

Одним из центральных понятий культурологии является культурная КМ. В свете культурологических исследований Т.Ф. Кузнецова и Вл. А. Луков предлагают свою интерпретацию КМ: «образ мира, включающий в себя логические и образные представления в форме системы художественных констант и динамических структур и цепочек (дискурсивных практик, кодов и т.д.)» [Кузнецова, Луков 2009: 66].

В новейших работах по культурологии ключевыми в определении КМ становятся атрибуты “ценностный” и “аксиологический”, в этом отношении КМ представляет собой «целостный комплекс, систему наиболее значимых ценностей, имеющих смысложизненный характер и определяющих общие мировоззренческие представления и ориентиры субъектов данной культуры» [Сухина 2012: 236]. Следует отметить интересные суждения исследователей об интегральном характере КМ, которая, инкорпорирует в качестве сегментов научную картину мира, социальную картину мира, художественную картину мира и т.д. [там же: 66].

Не менее интересны и лингвистические концепции содержания анализируемых явлений, они, как правило, разнонаправлены, иногда противоречивы, но все же следует отметить некоторые точки соприкосновения во взглядах представителей современных направлений в лингвистике. Остановимся подробнее на двух направлениях – лингвокогнитивном и этнолингвистическом. Предпосылки, обуславливающие статус терминологического значения КМ в когнитивной лингвистике, мы находим у Н.Ф. Алефиренко, который указывает на следующие важнейшие признаки КМ: когнитивная составляющая, интерпретационный потенциал и семиотическая природа. Применительно к исходному положению когнитивной природы этого феномена ученый трактует КМ как результат отражения физической картины мира в коллективном сознании того или иного сообщества [Алефиренко 2006: 102].

Г.В. Колшанский подмечает одно исключительно важное качество КМ, указывая на то, что «картина мира есть прежде всего познавательный,

когнитивный феномен» [Колшанский 1990: 62]. По определению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, КМ представляет «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин 2007: 4].

В.А. Маслова отождествляет КМ и ОМ, определяя КМ как «целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром» [Маслова 2007: 64]. В этом же ряду лингвокогнитивных определений КМ можно выделить следующее: «в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или КМ, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью» [Урысон 2003: 9]. Е.В. Урысон на основе анализа системы русского языка выявляет универсальную особенность КМ, которая заключается в соотношении в структуре КМ двух миров – материального (видимого) и идеального (невидимого). Она пишет: «Объекты мироздания бывают двух типов – видимые (и осязаемые) и невидимые, неосязаемые, причем реальность объектов второго типа ничуть не меньше, чем реальность объектов второго типа ничуть не меньше, чем реальность обычных видимых предметов» [там же: 19]. При всем этом, как отмечает Е.В. Рахилина, специфика организации КМ заключается прежде всего в том, что «картина не копирует, а отображает действительность, и это отображение, конечно, в каком-то смысле означает ее искажение: некоторые свойства объектов при изображении неизбежно теряются, а остаются только безусловно значимые» [Рахилина 2008: 15]. Важным в этом отношении является тезис Г.В. Колшанского о существовании «вторичного идеального мира в языковой плоти», «идеальной картины мира как продукта человеческого сознания» [Колшанский 1990: 18]. В соответствии с этим положением автор трактует КМ «не как совокупность отдельных явлений, а как идеальное представление

всей взаимосвязанности объективных предметов и процессов», как «совокупность знаний о мире» [там же: 18–21].

Неоднозначность в толковании термина КМ, замена этого понятия в современной науке иными, сходными по значению, но не вполне конгруэнтными терминами ММ и ОМ, слабая конкретизация их содержания приводит к размытости и отсутствию терминологической четкости в их понимании, а также в определении их содержания. Анализируя работы лингвистов можно констатировать, что термины КМ, ММ и ОМ как понятийные составляющие науки о языке и смежных с ней дисциплин трактуются по-разному. В частности, М.М. Маковский разводит понятия КМ и ММ, отмечая, что «реальная действительность отражается в виде глобального идеального объекта КМ, которая структурируется при помощи и посредством ММ, а последняя в свою очередь репрезентируется с помощью языка» [Маковский 1996а: 16].

В одной из своих работ С.В. Ракитина значительное внимание уделяет соотношению между КМ, ММ, и ОМ, которые складывается на основе их функциональной зависимости. Автор пишет: «Модель мира представляет собой схему, которая заполняется отображенными в сознании объектами окружающей действительности, другими словами, включает содержание КМ. Образ мира в таком соотношении есть оживленная в действующих образах КМ» [Ракитина 2006: 121]. Различия, высказанные С.В. Ракитиной в определении феноменов, несколько отличаются от приведенных ранее разграничений в отношении к КМ, ММ и ОМ. “Модель мира” рассматривается шире понятий КМ и ОМ. При этом ММ представляет собой двумерную “сетку координат” или “каркас”, в рамках которой создаются КМ и ОМ. “Картина мира” и “образ мира” динамичны, подвержены изменениям, в то время как ММ представляет собой более стабильную систему [там же: 121–123]. В широком смысле КМ представляет собой сформированный в сознании образ целостного мира, в котором опосредованно через знаковые семиотические системы (в частности, язык) отражаются представления о

действительности, а также способы восприятия мира. Соответственно определяются отношения КМ и ММ, в которых ММ выступает конструктором описания КМ. Иначе говоря, ММ структурирует КМ, организует ее согласно присущим ей принципам.

Но все эти рассуждения не получают завершенности, если в целях создания единого, системного видения предмета исследования не обратиться к достаточно широкому спектру подходов и методов их исследования в современной лингвистике и в смежных с ней дисциплинах. Остановимся на трех основных направлениях исследований, объединенных установкой на реконструкцию и описание данных явлений.

Первый подход разработан в рамках когнитивной лингвистики зарубежными и отечественными учеными Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкиным, В.З. Демьянковым, Е.С. Кубряковой, Т.А. ван Дейком, Г.В. Колшанским, Дж. Лакоффом, З.Д. Поповой, И.А. Стерниным, Н.Д. Шмелевым и др. Сущность когнитивного подхода заключается в понимании и изучении языка «как средства формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями» [Болдырев 2004: 19]. В целом эти исследования объединяет стремление ответить на вопросы: каковы «модели деятельности сознания» [Кубрякова, Демьянков 2007: 11], «механизмы познавательных процессов, связанных с формированием системы знаний (картины мира)» [Болдырев 2004: 24]. В качестве иллюстративного примера подобного рода исследований можно привести материалы конференций Института языкознания РАН, объединенные в серию «Логический анализ языка» [Логический анализ языка 1991, 1999, 2000], сборник публикаций Е.С. Кубряковой «Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения» [Кубрякова 2004], коллективную монографию иркутских ученых «Концептуализация и категоризация в языке» [Костюшкина 2006], работы Е.В. Рахилиной «Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость» [Рахилина 2008] и

А.П. Бабушкина «“Возможные миры” в семантическом пространстве языка» [Бабушкин 2001].

Для того чтобы составить адекватные представления о феномене КМ, необходимо рассмотреть, как интерпретируется в рамках когнитивной лингвистики проблема взаимоотношения языка как знакового средства отражения действительности, с одной стороны, сознания как системы знаний, функционирующей в процессе освоения действительного мира, и КМ как результата отражения действительности в сознании – с другой.

Предпосылкой исследований феномена КМ как результата взаимодействия языка с когнитивными системами является постулат выдающегося немецкого мыслителя В. фон Гумбольдта: «Я намереваюсь исследовать функционирование языка в его широчайшем объеме – не просто в его отношении к речи и к ее непосредственному продукту, набору лексических элементов, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия» [Гумбольдт 2000: 75]. Такая постановка задачи позволяет по-новому подойти к вопросу о роли языка «в акте превращения мира в мысль» [там же: 67], с помощью которого, по словам Л. Вейсгербера, осуществляется «мыслительное преобразование мира» (цит. по: [Звегинцев 1962: 304]). Основой этого направления исследований являются концепции Л. Вейсгербера и Й. Трира о наличии в языке структурно расчлененных понятийных сфер, которые получают новое осмысление и развитие в работах отечественных и зарубежных ученых. Так, Й. Трир пишет: «Каждый язык представляет систему отбора, стоящую над объективной реальностью и противопоставляемую ей. Фактически язык создает самостоятельный и законченный образ действительности. Каждый язык членит реальность по-своему и таким образом устанавливает элементы реальности, которые свойственны только данному языку. <...> Они представляют собой лингвистико-концепциальную реализацию картины действительности на основе неоднородной, но определенным образом членящейся модели <...>» (цит. по: [Звегинцев 1962: 305]).

Е.В. Урысон подчеркивает ведущую роль языка в процессах категоризации и концептуализации мира, отмечая, что «каждый естественный язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой специфичный способ его концептуализации» [Урысон 2003: 9]. Не без основания З.Х. Бижева отмечает фактор влияния языка на формирование представлений о мире. По ее мнению, «ментальные репрезентации, связанные не с самим миром как таковым, а с его моделями, предопределены в какой-то степени и лингвистическими представлениями этого мира (т.е. языковой репрезентацией)» [Бижева 2003: 15]. Рассуждая о языковых и когнитивных механизмах, Н.Ф. Алефиренко пишет: «Структурированные в нашем сознании образы не только отражают мир, в котором мы живем, но и порождают различные модели мира» [Алефиренко 2005: 182]. При этом ученый несколько иначе ставит вопрос о роли языка в когниции, подчеркивая, что «язык – главное средство формирования и выражения мысли» [там же: 182].

Вслед за Э. Сепиром и Б.Л. Уорфом сторонники гипотезы лингвистического релятивизма признают довлеющее воздействие языка как инструмента познания на образ мыслей и восприятие мира его носителями [Сепир 1993: 260]. Приведем в качестве иллюстрации образное высказывание Б.Л. Уорфа: «Мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Уорф 1960: 174]. Иного мнения придерживается В.В. Маслова, которая, критикуя теорию Э. Сепира и Б.Л. Уорфа, подчеркивает, что КМ – это «вторичное существование мира, закрепленное и реализованное в особой материальной форме, языке» [Маслова 2007: 70]. В.П. Даниленко, признавая ошибочность взглядов американских лингвистов, делает принципиально важное замечание в отношении влияния языка на познание: «<...> познавательная деятельность человека осуществляется не только с помощью языка, но и без этой помощи – в абстракции языковых форм, с помощью

которых предмет познания может быть в дальнейшем описан» [Даниленко² 2009]. В этом свете исследователь объясняет существование языкового (вербального) и неязыкового путей познания. «Реальная действительность отражается в виде КМ, которая структурируется при помощи и посредством модели мира, а эта последняя, в свою очередь, субъективируется с помощью семиотических систем второго порядка, в частности, языка» [Костюшкина, Озонова, Попова 2006: 46]. Это положение теснейшим образом связано с проблемой взаимодействия важнейших величин триединства “язык – мышление – действительность”. Так, Б.А. Серебренников пишет: «При исследовании проблемы отражения картины мира в человеческом языке обычно исходят из простой триады: окружающая действительность, отражение этой действительности в мозгу человека и выражение результатов этого отражения в языке» [Серебренников 1998: 87].

А.И. Фефилов также рассматривает формирование КМ через соотношение элементов “язык – сознание – действительность”, в котором становление КМ обусловлено отношением сознания к осознаваемой или осознанной действительности. Лингвотворческая деятельность сознания (отношение сознания к языку) обуславливает транспозицию концептуальной картины мира в языковую картину мира (ЯКМ) [Фефилов 1997: 25–26]. Г.В. Колшанский, напротив, считает неправомерным утверждение соотношения “мир – язык – сознание”, аргументируя тем, что «язык не выступает отдельной сущностью и не стоит между миром и мышлением» [Колшанский 1990: 19]. Из наблюдений ученого можно прийти к мысли, что язык выступает «вторичной формой существования мышления». Исходя из того, что «язык выражает мышление, а мышление отображает действительность», исследователь делает вывод: «Это принципиальное положение неумолимо означает, что картина мира, т.е. знания о мире, – это

² Ссылка: URL: <http://old.islu.ru/danilenko/articles/sepirkart.htm> (дата обращения: 05.12.2012).

атрибут мыслительной деятельности, а формой существования этой картины мира в сознании человека является абстракция в виде понятий и их отношений (схематично)» [там же: 23]. Эти установки предполагают переосмысление установившихся в науке о языке представлений и прежде всего сдвига многих акцентов в практике исследования КМ.

Одним из важных положений в когнитивной лингвистике является идея конструирования получаемых человеком в процессе его когнитивной деятельности знаний «в соответствии с познавательными стереотипами и нормами» [Петров, Герасимов 1988: 8]. Не случайно А.П. Бабушкин пишет, что «действительность отражается в человеческом сознании, формируя образ мира, его картину» [Бабушкин 2001: 4]. В основе этой идеи лежит принцип концептуализации и категоризации человеческого опыта и знаний посредством моделируемых структур языкового сознания, которые в работах современных исследователей получили название (лингво)когнитивные модели [Алефиренко 2006; Дейк 1988; Лакофф 1988; Пименова 2005; Dijk 1977].

Как правило, модели языка и языкового использования в работах отечественных и зарубежных исследователей строятся на уровневой основе: морфонология, синтаксис, семантика и прагматика. Дж. Лакофф выделяет модели 4 типов: пропозициональные модели, схематические модели образов, метафорические модели, метонимические модели [Лакофф 1988: 31–32]. Как отмечает Т.А. ван Дейк, «обозначаемый мир не является когнитивно релевантным: то, что мы видим и представляем, – опять-таки некая конструкция, модель ситуации» [Дейк 1988: 178]. Согласно его теории когнитивных моделей, конструирование в сознании образов реального мира обусловлено принципом схематизации эмпирического опыта жизнедеятельности человека и существующими в его сознании прототипическими схемами представления и организации знаний (т.н.

моделями ситуации) [Dijk³ 1977, 1997: 213–217]. Сходные мысли высказывает М.В. Пименова, которая определяет когнитивную модель как «некоторый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт, знания о мире» [Пименова 2005: 16]. Важную роль при этом исследователь отводит языковым схемам, представляющими собой формы и способы языковой репрезентации знаний о фрагментах мира.

Н.Ф. Алефиренко предлагает новый подход в рамках когнитивных исследований, разработав уровневую модель КМ. Автор представляет ее в виде «синергетической пирамиды». КМ, по его мнению, имеет шесть уровней. Первый уровень – физическая КМ, представляющая отражение действительности в результате логического и чувственного познания действительности. Второй уровень – типовая ситуация (этномикромир). Третий уровень – КМ, представленный логической и языковой КМ. Первый и третий уровень представляют, по словам автора, единый логико-лингвальный конструкт. Четвертый уровень – дискурс, сложное когнитивно-коммуникативное явление, в состав которого входит не только текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, события, мнения, ценностные приоритеты), играющие важную роль в понимании и восприятии информации. Следующие уровни – культурема и концепт. Под культуремой ученый понимает все, что относится к культуре (культурные артефакты). Концепты, согласно Н.Ф. Алефиренко, «особые ментальные образования», образующиеся в результате членения ЯКМ на некие микромиры. И высший уровень включает в себя языковое сознание и ЯКМ [Алефиренко 2006: 102–107].

Таким образом, когнитивное моделирование предполагает формирование алгоритмов ментальной переработки информации о мире и способов ее репрезентации средствами языка.

³ Ссылка: URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Semantic%20MacroStructures%20and%20Knowledge%20Frames%20in%20Discourse.pdf> (дата обращения: 16.03.2012).

В рамках лингвокогнитивного направления можно выделить еще одну проблемную область исследований, которая непосредственно затрагивает вопрос осмысления, оценки содержательности КМ. Это, в частности отчетливо демонстрирует С.М. Толстая: «Не ясно прежде всего, идет ли речь о картине внешнего мира, существующего отдельно от человека и независимо от него, или о картине ментального мира, т.е. представлений человека о мире» [Толстая 2002: 117]. Л.Б. Никитина при описании КМ как целостного феномена признает необходимость учитывать ряд следующих признаков: «субъект, творящий картину мира; объект (мир или его фрагмент), образ которого воссоздается с помощью творческой активности субъекта; форма представления объекта (мира или его фрагмента)» [Никитина 2006а: 42]. Предлагаемый путь исследования обладает, однако, существенным недостатком: описание КМ представлено непосредственно в статическом, точнее говоря, “застывшем” виде, в этом случае вряд ли представляется возможным реконструировать происходящие в ней изменения или ее развитие, если только речь не идет об отражении результатов изменения или развития КМ. И если принять во внимание, что «когнитивная лингвистика нацелена на моделирование КМ, на моделирование языкового сознания» [Маслова 2007: 13], то модальной установкой в исследованиях КМ является обращение к языку (как к динамическому явлению), так как «именно он формирует понятия и организует восприятие в связную картину мира» [Вендина 2002а: 45].

С.М. Толстая предлагает два подхода к изучению КМ – семантический (семасиологический) и ономасиологический. Ономасиологический подход позволяет реконструировать «образ мира, в слове явленный», семантический подход позволяет вскрыть тонкие механизмы сознания и восприятия мира на основе выявления и анализа компонентов лексического значения. [Толстая 2002: 118]. В частности, метод реконструкции обозначенных в языке семантических структур был применен Т.В. Топоровой с целью анализа языкового воплощения древнегерманской модели мира, ее

восстановления на основе языковых данных. В ее работе были использованы разные стратегии описания моделей мира, включая «анализ семантических мотивировок ключевых понятий», исследование контекста (непосредственного окружения слова), этимологический анализ и метод семантической реконструкции [Топорова 1994: 7, 12–14].

Важным в плане исследования КМ является метод реконструкции, разработанный Н.И. Толстым, сущность которого, по словам ученого, сводится к «восстановлению, или лучше сказать – выведению некоторого инварианта из множества» [Толстой 1995: 60]. Подобным образом автор реконструирует этимологическое значение слов, которые в материальной и духовной культуре архаических обществ являются ценностными категориями.

Методы реконструкции КМ и фрагментов КМ по содержательным признакам широко применяются в работах отечественных ученых [Иванов, Топоров 1965; Топоров 1983, 2010; Топорова 1994, 1996; Вендина 2002б; Рахилина 2008; Рылов 2006; Урысон 2003].

В качестве одного из ведущих методов исследования КМ является описание универсальных знаковых комплексов, с помощью которых конструируется модель мира [Цивьян 2006: 6; Топоров⁴ 1980]. Исходя из представлений В. фон Гумбольдта о языковой концептуализации мира, «специфичной для каждого отдельного языка и находящей отражение в особенностях пользующейся этим языком культуры» [Шмелев 2002: 296], А.Д. Шмелев предлагает лексико-семантический анализ лексических единиц языка, которые служат своего рода “ключом” к пониманию картины мира [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 10]. Так, ключевыми для русской ЯКМ, по мнению А.А. Зализняка, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева, являются лингвоспецифичные слова “душа”, “судьба”, “тоска”, “счастье”, “разлука”, “справедливость” [там же: 10]. В этом отношении важным для описания

⁴ Ссылка: URL: <http://philologos.narod.ru/myth/modelmira.htm> (дата обращения: 23.02.2012).

содержания КМ является высказывание В.А. Масловой: «Картина мира может быть представлена с помощью пространственных (верх – низ, правый – левый, восток – запад, далекий – близкий), временных (день – ночь, зима – лето), количественных, этических и других параметров» [Маслова 2004: 64]. Необходимость использования сопоставительного метода осознается исследователями как один из основных методологических приемов с целью выявления национальных особенностей КМ [Попова, Стернин 2007: 39–57].

Сторонниками лингвокультурологического подхода являются В.И. Карасик и его школа, В.А. Маслова и др. Цель исследований в рамках данного подхода заключается в выявлении национально-культурной значимой информации, проявляющейся в знаках культуры и языках разных народов и воплощенной в КМ. «Язык не только закрепляет и хранит в своих единицах концепты и установки культуры: через него эти концепты и установки воспроизводятся в менталитете народа или отдельных его социальных групп» [Опарина 1999: 31]. С этой сферой представления взаимосвязи и взаимоотношения языка и культуры соотносятся выявление и исследование «определенного набора общих фоновых знаний, связывающих культурно маркированные единицы языка с “квантами” культуры» [там же: 32].

Можно выделить следующие аспекты культурологического и лингвокультурологического исследования КМ: анализ знаков культуры и языка в диахронии и синхронии, способы отображения семиотических знаков культуры и языка, реконструкция и способы вербализации культурных концептов, интерпретация категорий культуры и способы их воплощения в КМ – языковых и неязыковых семиотических моделирующих системах. На таких основаниях построены, к примеру, этнолингвистические исследования, цель которых заключается, по словам Е.О. Опариной, в реконструкции на основе данных культуры этноса КМ, воплощенной в языке [Опарина 1999: 28]. Это, к примеру, реконструкция древнегерманской ММ Т.В. Топоровой [Топорова 1994, 1996, 1999], исследования народной славянской культуры

Н.И. Толстого [Толстой 1995], реконструкция архаичной КМ этрусков [Тимофеева 1980], моделирование образа пространства в русской ЯКМ [Порядина, Гынгазова, Эмер 2007], описание балканской ММ [Цивьян 2006].

Оригинальные методы описания КМ, которые сам автор называет опытами художественного исследования, мы находим в трудах Г.Д. Гачева: «Ментальности народов мира» [Гачев 2008], «Национальные образы мира» [Гачев 1988, 1997, 1999, 2002]. Подход исследователя к национальным ОМ разных стран и народов основывается на убеждении, что «каждый народ видит мир особым образом» [Гачев 1999: 9], «у каждого народа есть особый склад мышления, система своих категорий или особое соотношение понятий, присущих другим народам» [Гачев 1988: 180]. Ученый выдвигает предположение, что особый склад мышления каждой нации «предопределяет картину мира, <...> сообразуясь с которой и развивается история, и ведет себя человек, и слагает мысли в ряд, который для него доказателен, а для другого нет» [Гачев 2002: 21–22]. В связи с этим Г.Д. Гачев пишет: «Каждый новый изученный национальный тип культуры становится прожектором-объяснителем всех предыдущих <...>. Каждый одновременно – и объект, и инструмент анализа» [Гачев 1988: 8]. Разработанные Г.Д. Гачевым методы сравнительно-сопоставительного описания КМ, выражаясь его же словами, спектрального анализа национальных мировоззрений [Гачев 1997: 489], формируют новый вектор исследований КМ.

Указывая на необходимость онтологического способа исследования КМ как некой «образованной на основе разных взаимосвязанных между собой уровней мирозерцания, миропонимания» многослойной системы, содержащей «различные уровни и способы постижения, освоения, конструирования мира», О.В. Первушина предлагает феноменологический метод, который, позволяет анализировать при изучении «механизмов образования одного из значимых феноменов культурного бытия человека в

мире – картины мира» все стороны познавательного опыта человека [Первушина 2009: 126].

В рамках лингвокультурологического подхода к изучению КМ можно выделить аксиологическое направление, которое направлено на описание КМ путем реконструкции комплексной системы ценностных координат, выявление ценностных ориентаций и установок по данным языка, определение их значимости для человека и общества в целом. Как правило, единицами исследования аксиологической КМ выступают ценности и нормы, которыми человек и общество руководствуются в жизнедеятельности. И.Г. Сухина представляет КМ в виде “семантической матрицы” или “семантической сетки значений” [Сухина 2012: 238–239], в которой «ценности выступают смысловым (семантическим) форматом человеческой жизни» [там же: 235]. На сегодняшний день аксиологическое направление представлено многочисленными статьями и лишь несколькими крупными работами, наиболее интересной из которых, с нашей точки зрения, является сборник работ под редакцией Н.Д. Арутюновой «Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного» [Логический анализ языка 2004], а также работа А. Вежбицкой «Понимание культур через посредство ключевых слов» [Вежбицкая 2001], монография Л.В. Баемой «Ценности изменяющегося мира» [Баева 2004].

Психолингвистический подход позволяет выявлять природу и сущность КМ через исследование соотношения языка и сознания, феноменов мышления и восприятия человеком внутреннего и внешнего мира. Исходя из особенностей языкового и неязыкового сознания, структуры сознания и других психических феноменов, в современной науке разрабатываются возможные схемы освоения мира, модели формирования знаний человека о мире [И.А. Зимняя 1993; А.А. Леонтьев 1993; А.Н. Леонтьев 1983; И.Ю. Морковина, Ю.А. Сорокин 1993; Н.В. Уфимцева 1993; Р.М. Фрумкина 1984]. Этой установке соответствует и методологический принцип рассмотрения языкового сознания «как одного из уровней в

структуре целостной картины мира человека» [Стеценко 1993: 33] «за пределами “материи” языка – в “материи” сознания» [там же: 24].

Понимание языкового сознания как «области, где сознание выражает себя вовне вербально, а также принимает на себя языковые воздействия» [Ушакова⁵ 2000] или, выражаясь словами И.А. Зимней, как «формы существования и функционирования когнитивного сознания», единицами которого являются «понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее систематизированную “картину мира”» [Зимняя 1993: 52], выводит исследования КМ на междисциплинарный (психолингвистический) уровень. Реализацией этой предпосылки следует рассматривать идею разграничения языковой и когнитивной КМ. Возвращаясь к проблеме описания КМ, отметим еще одну общую для лингвистики и психологии черту – антропологическую ориентацию на изучение КМ (модели мира, образа мира). Нельзя в этой связи не признать справедливым утверждение Е.Ф. Тарасова: «Человеческий способ осмысления мира естественным образом выражается в стремлении сделать умопостижимыми познаваемые явления, придавая этим же явлениям уже ранее осмысленную в практике законосообразность» [Тарасов 1993: 91].

В упрощенном виде Р.М. Фрумкина представляет схему “осознания мира посредством языка”: языковой факт ↔ акт сознания ↔ гипотеза о том, какая картина мира отражена в данном языковом факте ↔ акт осознания ↔ мое пользование языком ↔ акт осознания ↔ уточнение отраженной наивной картины мира в моем пользовании языком ↔ акт осознания...» [Фрумкина 1984: 29]. А.А. Леонтьев предлагает новое направление в исследовании языка и сознания – этнопсихолингвистическое. «Пора понять, что в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем.

⁵ Ссылка: URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-2.html (дата обращения: 15.02.2011).

Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено» [Леонтьев 1993: 20].

Как видим, современные лингвистические направления ориентированы на исследования языкового сознания как явления психической феноменологии. В этом плане с целью повышения валидности (достоверности) результатов исследования, обеспечения репрезентативности и верификации данных применяются психологические методы, в первую очередь приемы экспериментального исследования: свободный и направленный ассоциативный эксперимент [Вахтель, Фридман 2002: 38–45; Залевская 2001: 36–44; Леонтьев 2003: 75; Попова, Стернин 2007: 166–167; Уфимцева 2001: 65–71], классификационный эксперимент [Фрумкина 2001: 64–85], сопоставительный [Морковина, Сорокин 1993: 118–134], рецептивный эксперимент [Попова, Стернин 2007: 186–193], метод субъектного шкалирования [Глазанова 2004: 46–55].

Наконец, необходимо затронуть еще одну теоретическую проблему, которая заключается во взаимосвязи ЯКМ и художественной картиной мира (ХКМ). Обратившись к проблеме исследования феномена ЯКМ, отметим, что описание и реконструкция ЯКМ представлены главным образом в исследованиях отечественных ученых (З.Х. Бижева, В.П. Даниленко, А.А. Зализняк, Л.Б. Никитина, Е.С. Кубрякова, Н.Ю. Шведова, А.Д. Шмелев и др.). В таких работах внимание исследователей обращено к выявлению и описанию отдельных фрагментов КМ, изучение которых, несомненно, позволяет получить информацию о специфике восприятия и описания мира. Выделяя особый статус ЯКМ в системе представлений о мире, Л.Б. Никитина подчеркивает ее связь со всеми видами КМ «по причине того, что все картины мира находят в том или ином объеме свое языковое выражение» [Никитина 2006б: 44]. ЯКМ отражает действительность во всем ее многообразии при помощи средств языка.

Концептуально важным в определении ЯКМ является то, что «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства

мира» [Зализняк 2005: 9]. В этом плане становится понятным определение Н.Ю. Шведовой, которая рассматривает ЯКМ как «выработанное вековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство, время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [Шведова 1999: 15]. При этом ЯКМ характеризуется рядом специфических свойств: 1) опосредованный характер ЯКМ; 2) этнокультурная обусловленность ЯКМ; 3) космологический и антропологический характер ЯКМ. Опосредованный характер, как один из важнейших параметров ЯКМ, отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин: «Языковая картина мира – это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков» [Попова, Стернин 2007: 54]. Вместе с тем, свою работу, посвященную проблемам интегрального описания языка, Ю.Д. Апресян предваряет весьма важным замечанием, согласующимся с одним из существенных свойств ЯКМ: «Языковая картина мира лингво-, или этноспецифична, т.е. отражает особый способ мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-то других языков» [Апресян, Бабева 2006: 35]. По его словам, «“особый способ мировидения” проявляется в национально специфичном наборе ключевых идей» [там же: 35]. Таким образом, ученый указывает на то, что на характер ЯКМ мощное воздействие оказывает национально-культурный фактор, проявляющийся, по словам Г.А. Золотовой, в специфике опосредованного отражения действительности в языковых формах и ее организации в сознании «соответственно ее лингвистическому видению тем или иным национально-языковым коллективом» [Золотова 2001: 25]. Наличие

этнического компонента в ЯКМ выдвигается на первый план у Ю.А. Рылова, который «представлен картиной мира и совокупностью традиций, обычаев, верований, суеверий» [Рылов 2006: 7].

ХКМ, по мнению большинства исследователей, представляет собой результат эстетической категоризации мира в процессе познавательной деятельности человека, «обобщающий созданный искусством мир художественных образов» [Петрова 2006: 19]. А.И. Демченко рассматривает системный характер ХКМ, отмечая, что она складывается на основе обобщенных представлений о той или иной исторической эпохе в процессе осмысления произведений искусства, принадлежащих данному периоду [Демченко 2011: 17]. При этом, нетрудно заметить, что ценность произведений художественной литературы заключается для ученого в их аккумулятивной функции: «За кажущейся иллюзорностью художественных текстов скрывается огромный материк своеобразно запечатленного человеческого бытия, представленного как в характерном для своего времени спектре идей, побуждений, мотиваций, так и во всевозможных эмоциональных, интеллектуальных, нравственно-психологических и двигательных-динамических проявлениях» [там же: 17]. Иной более узкий подход к пониманию ХКМ демонстрируют авторы коллективной монографии «Художественная картина мира в фольклоре и творчестве русских писателей», определяющие ХКМ как «важнейший элемент художественного произведения» [Бельская, Бычков, Громова 2011: 4].

В целом, любое художественное произведение воплощает когнитивный и социокультурный опыт не только автора, но и всего этноязыкового сообщества. Об этом, в частности, пишет Е.С. Кубрякова: «Все художественные произведения, создаваемые человеком на естественном языке, являются вербализующими репрезентациями вымышленного мира, первоначально возникающими в сознании автора произведения» [Кубрякова 2007: 12]. С этой точки зрения мы можем рассматривать художественный текст как ценностную концептуальную систему, в которой

моделируются ментальные, образные представления автора, этнокультурного социума о мире, его сущностных свойствах. Все это говорит о чрезвычайно важном обстоятельстве в организации ХКМ: вторичности ее характера, обусловленного, с одной стороны языком, с другой стороны, представлениями о действительности, пропущенными через призму авторского сознания. На эту особенность ХКМ указывают З.Д. Попова и И.А. Стернин: «Художественная картина мира – это вторичная картина мира, подобная языковой. Она возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения (или в сознании зрителя, слушателя – при восприятии других произведений искусства)» [Попова, Стернин 2007: 56]. И далее: «КМ в художественном тексте создается языковыми средствами, при этом она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя» [там же: 56].

Такое представление о природе ХКМ подразумевает взаимодействие двух систем – ХКМ автора и ХКМ читателя. Об этом говорит Л.Г. Гынгазова: «Между тем реконструкция индивидуальной картины мира, проявленной в созданных языковой личностью текстах, призвана отразить не только способ интерпретации мира индивидуальным сознанием, но и корреляцию типа языковой личности с типом культуры, носителем которой она выступает» [Гынгазова 2007: 79]. Под этим разумеется не только очевидный факт отражения в ХКМ субъективных представлений автора об окружающей действительности, но и факт трансляции элементов объективной реальности. Аналогичные мысли высказывал ранее Д.С. Лихачев: «<...> внутренний мир художественного произведения <...> зависит от реальности, он «отражает» мир действительности, но то преобразование этого мира, которое допускает художественное произведение, имеет целостный и целенаправленный характер. Преобразование действительности связано с идеей произведения, с теми задачами, которые художник ставит перед собой» [Лихачев 1968: 75]. В этом определении ученый выдвигает на передний план субъективный характер КМ художественного произведения, подчеркивая тем самым

кардинальное отличие ХКМ и ЯКМ. Л.Б. Никитина также исходит из того, что «авторское начало ЯКМ носит относительный характер». Не отрицая роль человеческого фактора в создании ЯКМ, исследователь исходит из того, что «в силу своей долговечности, устойчивости, стереотипности целостная ЯКМ утратила авторство» [Никитина 2006б: 46].

С.Б. Аюпова выделяет характерные отличия ЯКМ и языковой художественной картины мира (ЯХКМ), которые заключаются: 1) в субъективной духовности и эстетизме ЯХКМ; 2) в образном способе осмысления действительности в ЯХКМ; 3) в различном объеме языкового инвентаря; 4) в неисчерпаемой сочетаемости словесного материала; 5) в структурном составе с точки зрения несовпадения элементов фрагментов данных КМ; 6) в более широком понимании ЯХКМ, которая «может включать взгляд на мир, характерный для представителей других национальностей» [Аюпова 2012: 3–4].

В целом, ХКМ представляет собой специфический вид КМ, отображаемый образ мира в которой представляет собой результат художественного преобразования действительности творческим субъектом. ЯКМ предстает как: 1) совокупность знаний о мире, опосредованно отраженных в сознании и запечатленных в языковой форме; 2) зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности [Яковлева 1994: 9].

Обобщая вышесказанное, приходим к выводу о том, что выражение КМ получает распространение в самых различных областях гуманитарных и естественных наук. Учитывая точки зрения авторитетных ученых, представителей разных научных направлений, существующие в современной науке, КМ можно классифицировать по следующим основаниям:

– по уровню объективности отражения и средствам моделирования действительности: концептуальная КМ, языковая КМ, художественная КМ, когнитивная КМ;

– «по форме представления объекта, определяемой сферой деятельности субъекта познания» [Никитина 2006б: 43]: физическая КМ, философская КМ, биологическая КМ, культурная КМ, религиозная КМ и т.д.;

– по форме существования: общечеловеческая КМ, социоэтническая КМ, индивидуальная КМ, универсальная КМ, индивидуально-авторская КМ (КМ писателя, поэта и т.п.) и т.д.;

– в зависимости от способа и метода познания: рациональная и чувственная; диалектическая и метафизическая; материалистическая и идеалистическая; теоретическая и эмпирическая, научная и “наивная”, естественнонаучная и религиозная; физическая, химическая и т.д.

1.2. Методология и стратегия исследования художественной картины мира

ХКМ – сложный феномен, представление о котором складывается на основе комбинации и взаимосвязи концептуальных элементов (ключевых / миромоделирующих категорий), репрезентируемых в инвариантных структурах (когнитивных моделях), с одной стороны. С другой стороны, это результат эмпирического и абстрагированного восприятия мира носителями культуры, а также образное воплощение субъективных представлений автора о мире. По своей структуре КМ может быть представлена, по образному выражению О.А. Корнилова, многомерной «сеткой координат, улавливающей мир» [Корнилов 2003: 77], в которой зафиксированные в сознании носителей языка фрагменты действительности отражены опосредованно (через язык) в их иерархической организации. Вслед за С.Б. Аюповой мы понимаем под ХКМ «синкретичное образование, возникающее в результате воплощения художественных смыслов в речи и представляющее собой целостный, многогранный образ художественного мира, создаваемый средствами языка» [Аюпова 2012: 8].

В структуре ХКМ следует выделить элементы, которые в нашем понимании представляют собой ментально зафиксированные фрагменты действительности, запечатленные образными средствами языка в виде когнитивных моделей – «моделей организации культурного знания» [Маслова 2007: 48]. В целом когнитивную модель можно представить как некий “концептуальный каркас”, заключающий в условные модальные рамки структурные элементы (базисные образы действительности), тематически объединяемые общими представлениями (ключевыми категориями) и реконструируемые на основе языковых данных. Когнитивная модель может быть объективирована в виде концептуальной структуры, которая представляет собой специфическую для носителей данной культуры схему восприятия действительности (идейную основу модели), базирующуюся на отношении “знание – практика”.

В основе комплексного многоаспектного изучения когнитивной модели лежит контент-анализ – «метод содержательного качественного анализа источников» [Хвостова 1989: 136]. Данный метод предполагает фронтальный анализ корпуса языковых данных с целью обнаружения и фиксации доминантных слов, выделяющихся по своей весовой характеристике, точнее говоря, по частоте употребления и “степени концентрированности” лексических единиц в художественных текстах.

Графически приведем иллюстрации контент-анализа немецких рыцарских романов. На начальном этапе посредством сплошной выборки из художественных текстов путем их сопоставления были выделены частотные языковые единицы (Приложение 1, Таблицы 1–3). Выборочный метод с целенаправленной группировкой языковых единиц по ключевым категориям позволил провести систематизацию и количественный анализ наиболее частотных единиц (доминантных слов) содержания. Не следует упускать из виду и то обстоятельство, что семантическая нагрузка доминантных слов и ключевых категорий может сильно варьироваться. В таком случае фиксация языковых единиц осуществляется в соответствии с интерпретацией

контекстуального окружения, позволяющей фиксировать не только эксплицитные признаки исследуемых единиц и определить специфику доминантных слов, но и выявить их скрытые импликации. Вместе с тем жанровая особенность анализируемых рыцарских романов и поэм периода XII–XIV вв. заключается в наличии большого количества речевых штампов и общепринятых лексических значений в средневековом культурно-ментальном художественном континууме. Соответственно, контент-анализ позволяет получить адекватный срез содержания языковых единиц для отождествления их содержания с категориями средневековой культуры.

В ходе контент-анализа подсчитывается частотность доминантных слов, вычисляется их соотношение к общему объему языковых единиц, составляющих корпус каждого из исследуемых текстов. Для этого была использована формула $p = \frac{m}{n}$ [Головин 1970: 20], где p – доля вербальных репрезентантов ключевых категорий в общем корпусе языковых единиц художественного текста, m – частота появлений доминантных слов к общему корпусу языковых единиц художественного текста – n (табл. 1).

ключевые категории	коэффициент доли вербальных репрезентантов ключевых категорий		
	«Тристан»	«Бедный Генрих»	«Энеида»
земной мир	0,0747	0,0051	0,0088
инфернальный мир	0,0002	0,0012	0,0019
сакральное пространство	0,0028	0,0071	0,0011
свое – чужое пространство	0,0019	0,0014	0,0044

Табл. 1. Доля вербальных репрезентантов ключевых категорий когнитивной модели пространства в общем корпусе языковых единиц

Доля вербальных репрезентантов ключевых категорий когнитивной модели пространства в немецкой ХКМ эпохи Средних веков схематически представлена в Таблице 1. Подсчет коэффициента рекуррентности вербальных репрезентантов ключевых категорий, который, как правило, стремится к величине 1, свидетельствует о частотности их проявления в текстах рыцарских романов (средневековых поэм). С высоким значением коэффициента доли вербальных репрезентантов в ХКМ выступают следующие ключевые категории: “земной мир”, “сакральное пространство”, “свое пространство” – “чужое пространство”. Доля ключевой категории “инфернальный мир” отличается чуть более низким коэффициентом.

Для сравнения отношения долей одной и той же категории в разных статических совокупностях фактов (языковых репрезентантов ключевых категорий в каждом из анализируемых художественных текстов) применена формула квадратичного отклонения, предложенная Б.Н. Головиным:

$$E_{1.2} = \sqrt{p \cdot q \left(\frac{1}{n_1} + \frac{1}{n_2} \right)} \quad [\text{Головин } 1970: 37]. \quad E_{1.2.3} - \text{величина квадратичного}$$

отклонения средней доли двух сравниваемых совокупностей ключевых категорий, p и q – сравнение (для совокупности ключевых слов двух категорий) доли изучаемых явлений, n_1 и n_2 – общий корпус языковых единиц двух сравниваемых художественных текстов. Метод выявления коэффициента корреляций долей применяется в исследовании для обнаружения и выявления тесноты взаимосвязи и распределения ключевых категорий реконструируемой когнитивной модели пространства.

Зафиксированный коэффициент соотношения совокупности ключевых категорий когнитивной модели пространства в немецкой ХКМ эпохи Средних веков позволяет установить, что величина квадратичного отклонения средней их доли невысока и лежит в интервале 0,004 – 0,002: E «Бедный Генрих» и E «Тристан». – 0,004; E «Бедный Генрих» и E «Энеида» – 0,004; E «Тристан» и E «Энеида» – 0,002 (таблица 2).

текст	n	p	текст	n	p	текст	n	p
1	9120	0,015	1	9120	0,015	2	110250	0,012
2	110250	0,012	3	63961	0,016	3	63961	0,016
q		0,99	q		0,98	q		0,99
e		0,004	e		0,004	e		0,002
p1–p2		0,003	p1–p2		0,001	p1–p2		0,004

Табл. 2. Корреляция ключевых категорий когнитивной модели пространства⁶

Этот факт показывает сходное (по количественному критерию) соотношение между ключевыми категориями в разных текстах и свидетельствует о достаточно высокой релевантности ключевых категорий когнитивной модели пространства в ХКМ эпохи Средних веков. Однако коэффициенты корреляции ключевых категорий разнятся, что свидетельствует об их вариативности в культурно-ментальном пространстве анализируемых художественных текстов.

Для анализа когнитивной модели в текстах исследуемых художественных произведений в соответствии с принципами концептуального анализа, предложенного В.И. Карасиком [Карасик 1999: 39–40], а также методов анализа ключевых слов (универсалий) [Вежбицкая 2001: 13–61; Степин 2011: 8–16] были выделены следующие критерии:

1) репрезентация знания / представления о мире:

а) в виде корпуса явлений / категорий – вербальных репрезентаций объектов, предметов, действий, событий, качеств – как результата когнитивной деятельности субъекта(ов) в ходе контакта с окружающим миром;

⁶ Текст 1 – Гартман фон Ауэ «Бедный Генрих»
Текст 2 – Готфрид Страсбургский «Тристан»
Текст 3 – Генрих фон Фельдеке «Энеида»

б) в виде образа действительности – концептуальной формы представления объектов, предметов, действий, событий, качеств;

2) оценочно-маркированный аспект: оценочная позиция субъекта(ов) по отношению к отражаемой в рамках когнитивной модели ситуации (предметам, действиям, событиям, качествам):

- положительное / отрицательное отношение субъекта(ов) (импликация / экспликация оценочных значений) к ситуации (предметам, действиям, событиям, качествам);

- объективная, нейтральная позиция субъекта(ов) по отношению к отражаемой ситуации (предметам, действиям, событиям, качествам);

- особые случаи оценочного отношения субъекта(ов) к ситуации (предметам, действиям, событиям, качествам);

3) аксиологический аспект (действия и реакции субъекта(ов), детерминированные ценностными приоритетами, а также отражение поведенческой стратегии субъекта(ов):

а) витальные (жизненно необходимые) потребности;

б) нормы поведения (ценностно-значимые, утилитарные (прагматические) стереотипы социального взаимодействия людей);

в) символический потенциал;

г) особые случаи действий и реакций субъекта(ов) по отношению к отражаемой в рамках когнитивной модели ситуации (к предметам, действиям, событиям, качествам) – этноконнотативный потенциал.

В работе принята следующая стратегия проведения многоаспектного анализа когнитивной модели:

1) методом сплошной выборки из исследуемых текстов, также посредством контент-анализа выявить доминантные слова, их вариативные обозначения; провести систематизацию и категоризацию доминантных слов;

2) выявить частотность употребления зафиксированных в художественных текстах ключевых составляющих когнитивной модели

пространства; определить посредством количественного анализа их релевантность;

3) установить корреляции ключевых категорий, аккумулированных в когнитивной модели пространства, по ряду параметров:

а) содержательный параметр (на основе методов компонентного анализа, разработанных З.Д. Поповой, И. А. Стерниным [Попова, Стернин 2007: 159–217], а также формально-структурного подхода Е.Л. Березович [Березович 2003: 3–24, 2004: 19–35]:

- общие или сходные семантические характеристики анализируемой ключевой категории, вокруг которой выстраивается пространство зафиксированного в его языковом выражении фрагмента действительности;

- общая исходная (этимологическая) форма, архисема, общая или сходная денотативная первичная сема, производно-номинативная сема (в терминологии З.Д. Поповой, И.А. Стернина) ключевых составляющих когнитивной модели;

- индикаторы символичности и этнокультурного своеобразия ключевых составляющих когнитивной модели, обнаруживающие сходства или общие значения на коннотативном семантическом уровне (на основе анализа переносных значений доминантных составляющих);

б) формально-структурный параметр:

- свойства и качества наиболее существенных признаков ключевой составляющей, выводимой в когнитивной модели;

в) ценностно-нормативный параметр: моральные, утилитарные и субутилитарные (в терминологии В.И. Карасика) характеристики;

4) описать особенности языковой репрезентации когнитивной модели пространства.

Рассматриваемая когнитивная модель представляет иерархическое многоуровневое объединение концептуальных параметров в их формально-логической связи (схема 1).

Схема 1. Когнитивная модель

В основе организации когнитивной модели лежат отношения структурных элементов (группирующихся по общему признаку, а также обладающие способностью выступать в вариативных формах) к базисному образу. Образ – концептуальная форма представления объектов, предметов,

действий, событий, качеств, вербально выраженных в условных модальных рамках художественно обработанного фрагмента действительности. Механизм исследования когнитивной модели предполагает выявление и описание ключевых категорий – специфически организованных (универсальных / показательных для каждой культуры) знаний и представлений о мире как результат художественного преобразования мира. Предложенная стратегия анализа когнитивной модели позволяет не только выстроить схему восприятия действительности субъектом, но и установить универсальное и национально-специфическое в представлении знаний о мире.

1.3. Картина мира Средневековья и ее корреляция с ключевыми категориями средневековой культуры

Эпоха Средневековья – более чем тысячелетний период в истории развития общества, который, по признанию многих историков-медиевистов представлял собой «темное время» [Гуревич 2007: 21; Power 2006: 3; Vaskman 2003: 57; Woockman 1992: 19], «темные века» [Гофф 2005: 45; Кардини 1987: 249; Фоссье 2010: 251]. В этих определениях скрыта скорее всего не уничижительная оценка отсталости, бескультурья, бесправия характерных для Средних веков [Гуревич 1984: 5], а тот своеобразный и противоречивый характер системы мировосприятия и мировоззрения средневекового социума, который подчас остается непостижимым для исследователей Средневековья.

КМ эпохи Средневековья весьма сложна и противоречива. Она обусловлена иерархической природой средневекового социума, антагонистическими отношениями между социальными классами феодального общества. По верному замечанию А.Л. Ястребицкой, «это была эпоха со своими особыми социальными отношениями и особой культурой» [Ястребицкая 1978: 6]. В подтверждении данному тезису И.Г. Сухина отмечает, что «каждая культура вырабатывает свое специфическое видение

мира, и картина мира удостоверяет тот целостный семантический образ бытия, который формируется в рамках ее базовых ценностных установках» [Сухина 2012: 237].

Не случайно А.Я. Гуревич определяет господствующим в мирозерцании средневекового человека «вертикальное мышление» [Гуревич 1984: 84]. Это означает, что средневековый тип мышления обусловлен смылопорождающей и аксиологической вертикалью “верх” – “низ”, как «задающей всему меру границей мира» [Михайлов 1997: 845]. На одном полюсе средневекового общества находилось духовенство (клир), которое в силу своего особого социального статуса выступало как высшее, первое, сословие феодального общества [Чекалов 2005: 188; Эксле 2003: 19], на другом – крестьянство. Важнейшую и значимую часть структуры средневекового общества составляло рыцарство, которое, в эпоху Средних веков считалось «привилегированной верхушкой свободных, связанной с сеньором лишь вассальными обязательствами» [Репина 1995: 57], ведущей фигурой власти [Брайант 2001: 42], «этос доминирующего светского сословия христианской Европы» [Кин 2000: 448].

Следует отметить, ХКМ эпохи Средних веков моделирует “поликультурное” религиозное пространство, представляющее собой сферу взаимопроникновения, по меньшей мере, элементов трех культурно-религиозных систем – средневековой, древнеримской и германской языческой. Рассмотренная через призму восприятия парадигм христианской культуры, древнеримской и языческой культур, мировоззренческая система создает в сознании средневекового человека синкретическую модель бытия в многогранной культуре того времени.

Представления о пространстве в эпоху Средних веков имеют непосредственное отношение к опыту античной философской мысли. В концепциях средневековых мыслителей в отличие от предшествующих онтологических и космологических учений древнегреческих ученых пространство организуется по теоцентрическому принципу. В концепциях

античных философов мир предстает в виде упорядоченной космогонической структуры универсума (Пифагор, Платон, Аристотель). Согласно западноевропейской христианской традиции, Бог предстает центральной организующей фигурой Мироздания (Теодор Шартрский, Бернар Клервоский, Бонавентура, Майстер Экхарт, Фома Аквинский). Общий порядок зависит от разума и воли Бога, божественный разум объемлет природу мира и законы его развития [Боэций 1990: 247–248, 275]. Это утверждение полностью отвечает господствующей в эпоху Средних веков монотеистической религиозности. Именно в единстве и гармонической упорядоченности средневековые авторы (в частности, Фома Аквинский) видят совершенство Мироздания. Идея Бога в организации пространства универсума находит также отражение в труде Оттона Фрейзингского «Хроника, или История о двух Градах», который по праву считается последователем учения Св. Августина «О граде Божиим».

С точки зрения выдающихся авторов ортодоксальных христианских учений (Св. Августина, Майстер Экхарт, Н. Кузанский) мир, происходящий от Бога, изначально представляет собой своего рода протяженность, которая бесконечна и соответствует неизменной вечности бытия Бога. В анонимном трактате «Книга двадцати четырех философов» прослеживается идентичная мысль о бесконечности божественного существа в пространстве: Бог есть бесконечная сфера, центр которой повсюду, а окружность – нигде» (цит по: [Виллер 2002: 299]).

Анализируя произведения античных и средневековых мыслителей (Ориген, Платон, Св. Августин, Гр. Назианзин, Псевдо-Дионисий Ареопагит и др.), С. Аверинцев отмечает, что средневековый образ мира членится в пространстве на две части, которые неравны по своему достоинству: “поднебесный мир” и “занебесный мир” [Аверинцев 1975: 280]. Концепция членения мира находит отражение в трудах А.Я. Гуревича, который отмечает, что «средневековое мирозерцание отличается неискоренимой двумирностью» [Гуревич 2005: 210].

Идея универсальной иерархии (как определяющей формы организации окружающего мира) получает отражение в представлениях Фомы Аквинского. И здесь мыслитель разделяет пространство окружающего мира на мир небесный, земной и человеческий. Иначе говоря, Бог является создателем всех существ на земле, они подчинены божественному провидению. Земной мир предстает в этом плане как материальное отражение высшей невидимой реальности (Суггерий из Сен-Дени, Фома Аквинский). Как и в небесном мире существует своя иерархия (ангелов по степени их совершенства), так и в основе организации земного мира лежит духовная и светская иерархия.

Известно, что все сферы жизни средневекового общества были обусловлены господством христианской церкви и религиозной идеологией. Для эпохи Средних веков абсолютную ценность представлял Бог. С одной стороны, из христианской религии средневековый человек знает о Всевышнем Боге, он удостоверяет сакральную действительность Бога, стоящего над миром земным и над человеком. Бог выступает в этом отношении «конечным регулятивным принципом» жизни средневекового человека [Вендина 2002б: 63]. С другой стороны, человек верит во власть судьбы и всемогущие божественные силы, точнее говоря, мифические божества, регулирующие происходящее в его земной и загробной жизни. Христианская мировоззренческая доктрина обусловила деление мира на «добро» – «зло», «божественное (сакральное)» – «дьявольское (инфернальное)» – «земное (профанное)». В сознании средневекового человека жизнь проходит в двух планах: находясь в пространстве земной жизни, человек обладает телесной и духовной ипостасью, после смерти он теряет телесное воплощение, душа его переходит из пространства земного в потусторонний мир [Аверинцев 1975: 278–280].

Обращаясь к вопросу формирования системы ценностей в Средние века, Х. Рекеляйн подчеркивает, что «ценности и нормы не обладали в Средневековье универсальной действенностью и не охватывали всех

индивидов, они были относительными, действовали в тех или конкретных жизненных ситуациях, для конкретных групп, в определенных функциях» [Рекеляйн 2003: 31]. Авторитетный французский историк-медиевист Р. Фоссье, исследуя природу средневекового человека с его взглядами на мир, приводит, в соответствии с учением Фомы Аквинского, семь «теологических добродетелей – веру, надежду и милосердие, составляющие минимум для верующего, но также благоразумие, справедливость, твердость духа и умеренность» [Фоссье 2010: 283].

Итак, для носителей средневековой культуры было характерно собственное специфическое моделирование пространства, соответствующее их представлениям о мире и человеке, обусловленными ценностными ориентациями и идеалами средневековой эпохи и их среды (например, сакральный характер пространства, иерархический принцип миропорядка, добродетель и др.).

Выводы по главе 1

Выражение КМ получает распространение в самых различных областях гуманитарных и естественных наук. Обзор близких по содержанию КМ понятий ММ и ОМ позволяет наглядно представить ряд важных положений, связанных с пониманием КМ:

1. В последнее время в связи с появлением новых направлений в лингвистической науке (в частности, антропоцентрического подхода) количество дефиниций КМ значительно возросло. Сжатый обзор существующих точек зрения свидетельствует об отсутствии единства в трактовке содержания понятия КМ наряду с перманентным интересом научного сообщества к данной сфере. В научной терминологической системе современной науке оперируют также термины ММ и ОМ.

2. Многообразие дефиниций и концепций исследования КМ позволяет, с одной стороны, полнее раскрыть сущность этого многогранного феномена. С другой стороны, отсутствие единого основания исследования

КМ, а также неразработанность общеметодологических подходов в изучении КМ усложняет определение сущности этого явления.

3. КМ представляет собой сложное явление, диалектическое единство статики и динамики, «она необычайно вариативна, изменчива, непостоянна» [Серебренников 1988: 6]. КМ формируется на основе духовного опыта, представляет результат обобщения и категоризации представлений о мире в процессе познавательной деятельности.

4. Лингвистические и междисциплинарные исследования КМ базируются главным образом на реконструкции отдельных фрагментов КМ в историко-типологическом или сопоставительном аспектах и носят преимущественно синхронический характер. Вместе с тем в современных исследованиях КМ не проводилось системного описания КМ в транскультурной и диахронической перспективе. На наш взгляд, перспективным направлением в этом плане становится разработка когнитивных моделей для описания целостной КМ или для фрагментов КМ.

5. В настоящей работе основным исследовательским методом является контент-анализ, позволяющий по количественным характеристикам корпуса языковых данных с последующей их интерпретацией обнаружить закономерности и особенности моделирования реконструируемого фрагмента ХКМ. Проведенный контент-анализ позволил выявить в корпусе средневековых художественных текстов частотные слова – репрезентанты ключевых категорий пространства (“мир земной”, “сакральное пространство”, “инфернальный мир”, “свое пространство” – “чужое пространство”), установить уровень их релевантности в культурно-ментальном пространстве средневековых художественных текстов.

Глава 2. Моделирование пространства в художественной картине мира Средневековья

2.1. Проекция вертикального членения мира и миромоделирующие элементы пространства

Среди универсальных категорий культуры, важнейших форм бытия человека “прототипической” для КМ, безусловно, является категория пространства, играющая исключительную роль в мире и жизни человека. С точки зрения А.Я. Гуревича, пространство есть одна из «основных, универсальных категорий культуры», образующих «семантический “инвентарь” культуры», и вместе с тем одна из «определяющих категорий человеческого сознания», с помощью которых человек конструирует в сознании современную ему ММ [Гуревич 1984: 31]. Идея фундаментальности этой категории при моделировании мира прослеживается в исследованиях Т.В. Топоровой [Топорова 2000], Е.Г. Бруновой [Брунова 2007].

Категория “пространство” рассматривается в работах Д.С. Лихачева [2006], А.Я. Гуревича [1984, 1999, 2007], В.Н. Топорова [1980, 1983], Т.В. Топоровой [1994, 1999], Е.В. Урысон [2003], Т.В. Цивьян [2006], Е.С. Яковлевой [1994]. В трудах Н.Д. Арутюновой [1999], В.В. Корневой [2008], Ю.Н. Караулова [2010], Е.С. Кубряковой [2004], Е.В. Рахилиной [2008], О.В. Мякшевой [2008], Н.Л. Шамне [2000] представлены приемы исследования пространства на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Вопросы концептуализации пространства художественного текста имеют место в исследованиях А. Вежбицкой [1996, 2001], Н.С. Болотновой [2007], А. Николовой [2002].

В работах ученых следует отметить трактовку данной категории как результата когнитивной деятельности человека. Как справедливо отмечает В.В. Корнева, «многомерность и всеобъемлющий характер пространства, его значимость для жизнедеятельности человека и для познания окружающей действительности приводят к тому, что язык создает разнообразные способы

и средства для объективации пространственных представлений» [Корнева 2008: 3]. С точки зрения объективной реальности, пространство – «одна из основных категорий бытия, форма существования материи, отражающая протяженность и расположение предметов в мировом континууме и их положение относительно друг друга» [Большой энциклопедический словарь⁷ 1997].

Исходя из различных концепций, можно выделить своего рода типологию пространства. Так, например, В.Н. Топоров выделяет научное, бытовое и мифопоэтическое пространство. При этом автор, исходя из мифопоэтических представлений, разделяет пространство на профаническое и сакральное [Топоров⁸ 1983: 229–233]. Ю.М. Лотман выдвигает свой вариант модели пространства, опираясь на анализ семиотического пространства и сопоставляя его с моделью Вселенной: «Пространственная картина мира многослойна: она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовой “здоровый смысл” [Лотман 2000: 334]. Ученый различает внутреннее (“наше”, “свое”, “культурное”, “безопасное”, “гармонически организованное”, геометрическое, географическое, астрономическое и космическое, абсолютное и относительное, пустое, абстрактное, обжитое, пространство и внешнее (“их-пространство”, “чужое”, “враждебное”, “опасное”, “хаотическое”) [там же: 257].

Отмечая специфический характер концептуализации пространства в человеческом сознании и языке, А. Николова выделяет следующие типы пространства: реальное, перцептуальное, концептуальное, умозрительное, физическое, антропоцентрическое, социальное, мифологическое, художественное и др. [Николова⁹ 2003]. Н.С. Болотнова, обобщая опыт

⁷ Ссылка: URL: <http://www.vedu.ru/bigencdic/> (дата обращения: 21.07.2014).

⁸ Ссылка: URL: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Toporov_Space.html (дата обращения: 25.04.2011).

⁹ Ссылка: URL: <http://www.russian.slavica.org/article113.html> (дата обращения: 22.07.2010).

отечественных ученых, приводит классификацию типов пространства как глобальной категории художественного текста: реальное (объективное и субъективное или концептуальное) и ирреальное (астральное и инфернальное, волшебное и фантастическое, зазеркалье), открытое и замкнутое, конкретное и абстрактное, реально видимое персонажем и воображаемое [Болотнова 2007: 179].

Несомненный интерес вызывает уровневый, или иерархический, метод описания пространственной ММ, предлагаемый Вяч.Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым. В ходе описания КМ славянских культур авторы выявляют набор абстрактных и конкретных классификаторов, иначе говоря, некий набор разных уровней, которые «в целом определяют картину мира, его происхождения, пространственного и временного развертывания его, а также оценки отдельных его частей или событий, происходящих в нем, с точки зрения человека или человеческого коллектива» [Иванов, Топоров 1965: 190].

В этом отношении показательны исследования Е.С. Яковлевой, которая на основе бинарных противопоставлений пространственных обозначений проводит анализ фрагментов пространства русской КМ и дает следующую интерпретацию этой категории: «... пространство не является простымместилищем объектов, а скорее наоборот – конституируется ими и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам» [Яковлева 1994: 20–21].

На основе изучения изложенных и ряда других индивидуально-авторских моделей [Аюпова 2012; Брунова 2007; Иванов, Топоров 1965; Лотман 1996, 2000; Мякшева 2009; Топоров 2010; Топорова 1999; Яковлева 1994], мы принимаем за основу концепцию структурированного пространства Ю.М. Лотмана и метод реконструкции модели древнего славянского мира, разработанный Вяч.Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым.

Обращаясь к когнитивному аспекту категоризации пространства, следует выделить ряд универсальных параметров, которые лежат в основе членения пространства. По мнению ряда ученых, это – система противопоставлений: “небо” – “земля” и “земля” – “преисподняя”, “юг” –

“север”, “море” – “суша”, “свой” – “чужой”, “сакральный” – “мирской” и др. [Иванов, Топоров 1965: 100–192]; “близко” – “далеко” [Яковлева 1994: 16–81]; “потусторонний мир” – “райский верхний мир” [Гофф 2001: 141–150]; “близкий” – “далекий” [Богуславская 2000: 20–29]; “верх” – “низ” [Топорова 2000: 35–46; Гжегорчикова 2000: 78–83]; “внутри” (свой) – “снаружи” (внешний, чужой) [Лотман¹⁰ 1988], “центр” – “периферия” [Гуревич 2002: 46]. А.Я. Гуревич, Ю.М. Лотман выделяют конститутивным критерием организации пространства средневекового мира вертикальную шкалу религиозно-нравственных ценностей, обуславливающую оппозиции “земля” – “небо”, “земная жизнь” – “загробная жизнь” [Гуревич 2002: 47–51; Лотман 1996: 239–249].

Наши исследования показали, что в ХКМ эпохи Средних веков наиболее релевантными являются следующие универсальные параметры категоризации пространства, а именно:

- сакральный мир (ср.-в.-нем. *himele* / ср.-англ. *space* / ст.-франц. *ciel* / ср.-лат. *sydera sedes* – земной мир (ср.-в.-нем. *werlde* / ср.-англ. *worlde* / ст.-франц. *tere* / ср.-лат. *orbis*);
- инфернальный мир (ср.-в.-нем. *abgrunde* / ср.-англ. *helle* / ст.-франц. *enfer* / ср.-лат. *Tartareum* – земной мир (ср.-в.-нем. *werlde* / ср.-англ. *worlde* / ср.-лат. *orbis* / ст.-франц. *tere*);
- сакральный мир (ср.-в.-нем. *himele* / ср.-англ. *space* / ст.-франц. *ciel* / ср.-лат. *sydera sedes* – инфернальный мир (ср.-в.-нем. *abgrunde* / ср.-англ. *helle* / ст.-франц. *enfer* / ср.-лат. *Tartareum*);
- верх (ср.-в.-нем. *hō* / ср.-англ. *vpon* / ст.-франц. *desuz* / ср.-лат. *sumtum(superum)* – низ (ср.-в.-нем. *nider* / ср.-англ. *adoun* / ср.-лат. – *vltima*);
- свой (ср.-в.-нем. *sîne* / ср.-англ. *home* / ст.-франц. *la lur tere icele*) – чужой (ср.-в.-нем. *fremde* / ср.-англ. *uncouthe thede* / ст.-франц. *estrangle*).

¹⁰ Ссылка: URL: <http://philologos.narod.ru/lotman/gogolSPACE.htm> (дата обращения: 09.11.2010).

Структура когнитивной модели пространства выстраивается на ключевых для средневековой культуры бинарных категориях “сакральный мир” – “земной мир”, “инфернальный мир” – “земной мир”, “верх” – “низ”, “свой” – “чужой”. Следует отметить, что значимость выделенных универсальных параметров в модели пространства проявляется в специфическом восприятии и отражении окружающей действительности носителями средневековой культуры. Схематически совокупность ключевых категорий, зафиксированных в когнитивной модели пространства, их языковая репрезентация представлены в Таблицах 3–6.

Наши исследования показали, что в немецкой ХКМ Средневековья релевантными являются 9 ключевых категорий (таблица 3), а именно: ср.-в.-нем. *himele* ‘небо’ *werlde (ertriche)*, ‘земной мир’, *abgrunde (helle)* ‘подземный (инфернальный) мир’, *sine* ‘свой’, *fremde* ‘чужой’, *hō* ‘высоко, вверх’, *nider* ‘вниз’.

мир божественных существ	под земный мир		человек		верх	
	земной мир	земной мир	свой	чужой	низ	низ
<i>himmel(e)</i> <i>paradise</i>	<i>abgrunde / helle</i>	<i>werlde (werlt) / ertriche</i> <i>êrde</i>	<i>heim / unser lant</i>	<i>fremde / vremede lande</i>	<i>himele</i>	<i>helle / abgrunde</i>
<i>gote / gotinnen</i>	<i>tiuwel</i>	<i>lant / rîche</i>			<i>der hôste gote</i>	<i>der niderste gote</i>
- - - <i>mere</i> -	<i>walt / wâltrîsse</i> - - <i>flut</i>	<i>walt / walde</i> <i>welt / velde</i> <i>wîsen</i> <i>mere / sê</i> <i>flut</i>	<i>sîn hûs / sine</i>	<i>veinde</i>	<i>hō</i>	<i>nider</i>

Табл. 3. Языковая репрезентация ключевых категорий модели пространства немецкой ХКМ Средневековья

Ключевые категории “небо” – “земной мир” репрезентированы следующими номинациями: *himmel(e)* ‘небо’, *paradise-werlt* ‘рай’, *êrde* ‘земной

мир’, *lant* ‘страна’, *(ert)rîche* ‘земной мир’, а также языковыми единицами, служащими для обозначения объектов окружающего мира (например, *mere* ‘море’, *walt* ‘лес’, *velt* ‘поле’, *wissen* ‘луг’ и др.). Категории “сакральный мир” – “инфернальный мир” представлены лексемами *himel(e)* ‘небо’, *paradise* ‘рай’ – *abgrunde* ‘подземный мир’, *helle* ‘ад’; *gote / gotinnen* ‘боги / богини’, *der hôste gote* ‘Господь Бог’ – *tiuvel* ‘дьявол’, *der niderste gote* ‘дьявол’; *hō* ‘верх’ – *nider* ‘низ’. Дихотомия “сакральный мир” – “инфернальный мир” включает языковые единицы, соотносящиеся с денотатами “земного мира” (*mere* ‘море’, *walt* ‘лес’, *wiltnisse* ‘чаща’, *flut* ‘река’). В немецкой ХКМ эпохи Средних веков средствами объективации категории “свой” – “чужой” служат номинации *heim* ‘дом’, *unser (lant)* ‘наша страна’, *sîne / sîn (hûs)* ‘его / их дом’ – *fremde* ‘чужой’, *veinde* ‘враги’.

Релевантные номинации языковой категоризации когнитивной модели пространства в английской ХКМ Средневековья отражены в Таблице 4:

мир божественных сущностей	под земный мир		свой		верх	
	земной мир	чужой	ЧЕЛОВЕК	чужой	НИЗ	
space heuen(ryche) godes y-hold kyndom of God feyrè/fair cuntry God aungelez King (Pluto/Juno)	helle deuele deuocioun	worlde erþe londe/ grounde	home	meruayl uncouth thede	space holy place heuenesse clere	helle
<i>mote</i> - - <i>rawez</i>	- - - -	<i>forest/wod</i> <i>wylde/</i> <i>wilderness</i> <i>(bent-)felde</i> <i>mer</i>	<i>mi</i> kingdom	<i>hethenisse</i>	<i>vrþe</i> <i>vrþon</i>	<i>adoun</i>

Табл. 4. Языковая репрезентация ключевых категорий модели пространства английской ХКМ Средневековья

Категории “сакральный мир” – “земной мир” представлены следующими номинациями: ср.-англ. *space* ‘небо’, *heuen(ryche)* ‘Град

Небесный – *worlde* ‘земной мир’, *londe* ‘страна’, *grounde* ‘земля’, *godes yhold* ‘владения Бога’, *kyndom of God* ‘Царство Господа’, *feyré (fair) country* ‘страна фэйери’, *God* ‘Бог’, *King (Pluto, Juno)* ‘бог (Плутон, Юпитер)’. Дихотомия “сакральный мир” – “земной мир” инкорпорирует частотные языковые единицы, соотносящиеся с денотатами “земного мира” (*forest* ‘лес’, *wylde* ‘чаща’, *felde* ‘поле’ и др.). Для вербальной репрезентации ключевой категории “инфернальный мир” служит доминантное слово *helle* ‘ад’. В общем корпусе языковых единиц художественных текстов на среднеанглийском языке следует выделить вербализаторы ключевых категорий “верх” – “низ”: *space* ‘небо’, *holy place* ‘святое место’, *heuenesse clere* ‘небесная сфера’, *vpon-helle* ‘ад’, *adoun* ‘вниз’. Дихотомия “свой” – “чужой” включает доминантные номинации *home* ‘родной кров, дом’, *mi (kingdom)* ‘мое королевство’ – *meruayl* ‘далекий, неведомый’, *uncouthe thede* ‘неизведанные земли, чужие страны’, *hethenisse* ‘языческий’.

Доминантные языковые единицы в когнитивной модели пространства в ХКМ на старофранцузском языке представлены в Таблице 5.

мир божественных существ	под земный мир		свой		верх	
	земной мир	чужой	человек	чужой	низ	низ
le ciel seint pareïs Deu d'angel	le enfer icele tere Sathanas diabls	la tere terez	la lur tere	l'estrange cuntree estrange marche	le ciel desuz	- -
- -	- -	<i>el champ / le camp la pree la bois la mer</i>		niveles	- -	- -

Табл. 5. Языковая репрезентация ключевых категорий модели пространства немецкой ХКМ Средневековья

Среди актуальных вербализаторов ключевых категорий “сакральный мир” – “земной мир” следует выделить номинации ст.-франц. *le ciel* ‘небо’, *seint pareïs* ‘рай’ – *la tere* ‘земля’, *Deu* ‘Бог’. Ключевая категория “земной мир” включает следующие номинации объектов действительности: *el champ* ‘поле’, *la pree* ‘луг’, *la mer* ‘море’. В качестве языковых репрезентантов ключевой категории “инфернальный мир” выступают лексемы *le enfer* ‘ад’, *icele (tere)* ‘земля нехристей’, *Sathanas* ‘Сатана’, *diabls* ‘черти’. Репрезентантами дихотомии “свой” – “чужой” служат доминанты *la lur tere icele* ‘родной край’ – *l’estrangle cuntree* ‘чуждый край’, *estrangle marche* ‘чужая земля’, *nuvels* ‘язычник’.

Категория “пространство” представлена в ХКМ на средневековой латыни ограниченным набором номинаций (таблица 6):

мир божественных существ	под земный мир		свой		верх	
	земной мир	чужой	человек		низ	
<i>ether sydera sedes</i>	<i>Tartaeum que subit</i>	<i>terrarum orbis terra</i>	<i>patriae solum patrium</i>	-	<i>summum</i>	-
<i>summum deinceps Olympum diuinos</i>	<i>feruore baratri</i>	<i>terrarum</i>		-		-
-	<i>Stigs</i>	<i>oceani</i>	-	-	-	-
-			-	-	-	-

Табл. 6. Языковая репрезентация ключевых категорий модели пространства в ХКМ на средневековой латыни

Релевантными для языковой категоризации пространства являются 5 параметров: ср.-лат. *ether* ‘эфир (небесный свод)’, *terrarum orbis* ‘земной мир’, *Tartareum* ‘подземный (инфернальный) мир’, *solum* ‘родной (свой)’, *summum* ‘высший’. Для актуализации “сакрального мира” в ХКМ на

средневековой латыни служат номинации ср.-лат. *ether* ‘эфир (небесный свод)’, *sydera sedes* ‘звездный престол’, *summum deinceps Olympum* ‘вершина Олимпа’, коррелирующие с атрибутами *diuinos* ‘божественный’, *summum* ‘высший’. Анализ языкового материала позволил выявить две доминанты, актуализирующие ключевую категорию “инфернальный мир”: *Tartareum que subit* ‘недра Тартара’ и *feruore baratri* ‘пламенная бездна’. Ключевая категория “земной мир” репрезентирована номинациями *orbis* ‘земной мир’ и *terra* ‘земля’, а также атрибутом *terrarum* ‘земной’. В анализируемом фрагменте текста на средневековой латыни были выявлены три языковые единицы, вербализующие денотат “земного мира” – морскую стихию: *fretum* ‘море’, *equoreos fluctus* ‘морское течение’, *Oceani* ‘океан’. Дихотомическая категория “свое пространство” – “чужое пространство” обнаруживает лишь номинации, связанные с координатой “свой”, в частности, *patriae* ‘отчизна’, а также *solum patrium* ‘родной край’.

В ХКМ на средневековой латыни обнаруживаются интересные закономерности. Фронтальный анализ текста выявил следующую особенность: в центре внимания оказываются, согласно традициям древнегреческой поэзии (Гомер, Эмпедокл, Эсхил, Гораций и др.), космологические и космогонические идеи эфира, хаоса и природы, вокруг которых кристаллизуются представления о пространстве. Так, в ХКМ на средневековой латыни ср.-лат. *Natura* ‘Природа’, считающаяся первоосновой мира, наделена мироорганизующей и мирорегулирующей функцией, ср.: ср.-лат. *Ponit et in primam redit assumitque figuram quam dederat Natura creans cum sydere solis* ‘образом тем заменил изначальным, который Природа некогда встарь даровала ему, его создавая’; ср.-лат. ср.-лат. *Omnia Naturam digne uenerantur et orant <...> Illa suis grates referens seruare statutas Iussit et in nullo naturae excedere metas* ‘все поклонились Природе <...> И повелела Природа блюсти заветы благие’; ср.-лат. *Interea memori recolens Natura dolore / Principis obprobrium mundo commune sibi* ‘этой порою Природе на

память пришло, что жестоко ей оскорбление властитель нанес и всему мирозданию'. Приведем примеры:

Omnia Naturam digne uenerantur et orant <> Illa suis grates referens seruare statutas / Iussit et in nullo naturae excedere metas [Galteri de Castellione 1978: 21–25].

Ponit et in primam redit assumitque figuram / Quam dederat Natura creans cum sydere solis [Galteri de Castellione 1978: 78–79].

Interea memori recolens Natura dolore / Principis obprobrium mundo commune sibi que [Galteri de Castellione 1978: 6–7].

В немецкой, английской и французской ХКМ Средневековья понятия “природа” и “хаос” не получают отражения, хотя в текстах реализуются отдельные номинации для обозначения денотатов природного окружения и ландшафта.

В тексте на средневековой латыни обнаружена также соотнесенность с эсхатологическими концепциями древнегреческих ученых: мир – это “космос”, иначе говоря «законосообразная и симметричная пространственная структура» [Аверинцев 1996: 36], разделенная на верхний мир (эфир) и нижний мир. В этом плане в ХКМ находит выражение идея “эфира” (ср.-лат. *ether* ‘эфир’) как “небесного мира”, “мира небожителей” в противопоставлении с “подземным миром” (ср.-лат. *Tartareum*), который в контекстуальном сочетании имплицирован номинативным сочетанием ср.-лат. *terrarum nocte* ‘темные (ночные) земли’, ср.: ср.-лат. *summum deinceps recturus Olympum ad maiora uocor, et me uocat arduus ether* ‘и отныне я править на кручах Олимпа призван высшей судьбой, и зовет меня бездна эфира’; ср.-лат. *Quem, ne nulla tibi perdenti sydera sedes esset, in hac saltem terrarum nocte recepi* ‘но твоя гордость тебя с твердыни эфира низвергла, хотя ты давно уж утратил звездный престол, и должна я тебя посещать в этом мраке’. Приведем в качестве иллюстрации фрагменты текста на средневековой латыни:

summum deinceps recturus Olympum / Ad maiora uocor, et me uocat arduus ether/ Vt solium regni et sedem sortitus in astris [Galteri de Castellione 1978: 405–407].

Quem matutini superantem lumine uultum / Luciferi tumor etherea deiecit ab arce / <...> Quem, ne nulla tibi perdenti sydera sedes / Esset, in hac saltem terrarum nocte recepi [Galteri de Castellione 1978: 83–87].

Необходимо отметить, что, такие конститутивные критерии как ‘строгая ограниченность’ (ср.-лат. *archanasque sui partes aperire* ‘сокрытые области мира’) и ‘замкнутость’ (ср.-лат. *qui nimis angustum* ‘слишком тесное пространство’) пространства “земного мира”, совпадают с философскими концепциями древнегреческих ученых об организации Мироздания, ср.: ср.-лат. *Qui nimis angustum terrarum dixerat orbem, archanasque sui partes aperire parabat* ‘слишком тесными он назвал пределы земные, ныне готовиться стал он сокрытые области мира перед войсками своим раскрыть’ Не менее интересными в плане структуры пространства являются в ХКМ на средневековой латыни представления о “земном мире” как одном из элементов Мироздания. Известный немецкий филолог, историк Герман Дильс писал: «Пифагорейцы говорили: земля обладает формой куба, огонь – пирамиды, воздух – октаэдра, вода – икосаэдра» [Diels 1879; 334] (перевод наш – О.О.). Приведем два примера:

Qui nimis angustum terrarum dixerat orbem / Archanasque sui partes aperire parabat / Gentibus armatis [Galteri de Castellione 1978: 8–10].

Iam regnat, iam seruit ei quadrangulus orbis [Galteri de Castellione 1978: 193].

Итак, выявленные доминантные слова объективируют универсальные ключевые категории, в которых сконцентрированы знания и представления о действительности носителей западноевропейских культур эпохи Средних веков (XII–XIV вв.). Общезначимые параметры формирования ключевых категорий “мир земной”, “инфернальный мир”, “сакральное пространство”, “свое пространство” – “чужое пространство” в немецкой, английской,

французской ХКМ, а также в ХКМ на средневековой латыни дают основания для построения универсальной когнитивной модели пространства в ХКМ Средневековья.

Организирующей структурой для когнитивной модели пространства являются ориентационные представления, которые возникают в сознании человека «вследствие того, что человеку присуще тело определенной формы, взаимодействующее с материальным миром» [Лакофф 2004: 35]. Ориентационные взгляды носителей средневековой культуры связаны непосредственно с антропоморфной моделью мира, в соответствии с которой «человек и космос – едины и в точности повторяют друг друга» [Маковский 1996б: 116]. Голова человека направлена вверх и, согласно, древним антропологическим представлениям, олицетворяет небо, туловище человека символизирует, как правило, мир земной, а ноги – нижний мир.

Пространство концептуализируется, согласно господствующей в Средние века теории двух реальностей, по модели универсума, в структуру которой входит верхний (сакральный / небесный) мир, срединный (земной) мир и нижний (инфернальный / загробный) мир. (рисунок 1).

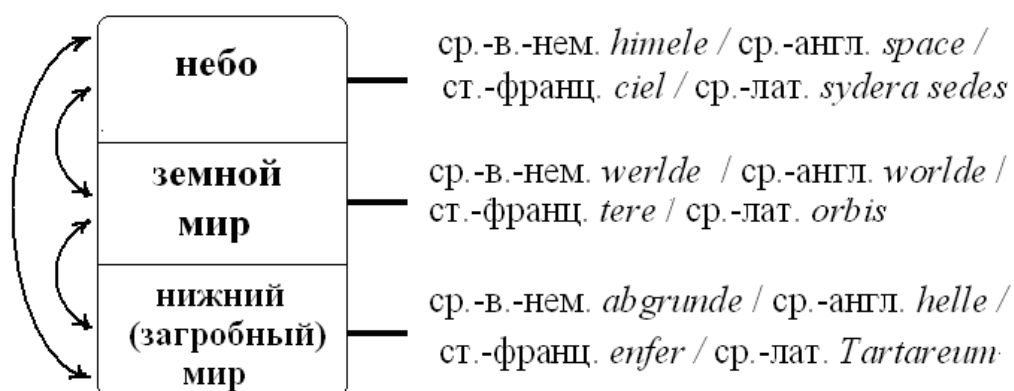

Рис. 1. Реконструируемая трехуровневая модель мира в проекции вертикального членения мира

Особо следует отметить, что круг представлений в виде вербальных репрезентаций объектов (образов) действительности, репрезентированных в

когнитивной модели пространства, очерчен в ХКМ Средневековья Священным Писанием, религиозными догмами и нравственно-религиозными приоритетами.

Когнитивная модель пространства в проекции вертикального членения мира организована двумя характерными для средневекового сознания координатами “верх” – “низ”, “сакральный ” – “земной”. Соответственно способу концептуальной организации пространства ядерным компонентом пространственной модели является триада “сакральный мир” – “земной мир” – “инфернальный мир”, поскольку в ней реализуются основные когнитивно обусловленные представления носителей средневековой культуры об окружающем мире. Структура когнитивной модели пространства соотносится с макрокосмическими представлениями средневекового человека, в основе которых лежит его физический и культурный опыт: небо находится вверху, земля – внизу.

В ХКМ эпохи Средних веков представления о вертикальной структуре мира манифестируются рядом языковых единиц, которые выступают в качестве экспликаторов пространственно-ориентационных категорий, демонстрирующих соотношенность с архетипической антиномией “верх” – “низ”. Основываясь на фактическом материале, отметим, что данный универсальный знаковый комплекс вербализован в когнитивной модели пространства следующими оппозициями:

- “небо” – “подземный мир”: ср.-в.-нем. *himele* / ср.-англ. *space* (*heuen*) / ст.-франц. *ciel* / ср.-лат. *ether* – ср.-в.-нем. *abgrunde* (*helle*) / ср.-англ. *helle* / ст.-франц. *enfer* / ср.-лат. *Tartareum*;
- “небо” – “земля”: ср.-в.-нем. *himele* / ср.-англ. *space* (*heuen*) / ст.-франц. *ciel* / ср.-лат. *ether* – ср.-в.-нем. *werlde* (*ertrîche*) / ср.-англ. *worlde* (*erþe*, “*syȝt of pes*”) / ст.-франц. *tere* / ср.-лат. *terra* (*terrarum orbis*);
- “земля” – “подземный мир”: ср.-в.-нем. *werlde* (*ertrîche*) / ср.-англ. *worlde* (*erþe*, “*syȝt of pes*”) / ст.-франц. *tere* ‘земной мир’ / ср.-лат. *terra*

(*terrarum orbis*) – ср.-в.-нем. *abgrunde (helle)* / ср.-англ. *helle* / ст.-франц. *enfer* / ср.-лат. *Tartareum*.

Данные языковые единицы можно рассматривать в качестве ядерных компонентов когнитивной модели, из соотношения которых строятся представления средневекового человека о пространственной организации мира.

Дифференциальный признак ‘небо – потусторонний мир’ отчетливо проявляется в комбинаторных выражениях, базирующихся на универсальной дифференциальной системе “верх” – “низ”, ср.: ср.-в.-нем. *niderste und hôste gote* ‘низшие и высшие боги’, ср.-в.-нем. *unser obersten gote unde nidere* ‘наши высшие боги и низшие’, ср.-англ. *godes y-hold* ‘владения Бога’, ср.-лат. *summum deinceps Olympum* ‘вершина Олимпа’, ср.-лат. *feruore baratri* ‘пламенная бездна’, ст.-франц. *le ciel* ‘небо’, ст.-франц. *l’or desuz ciel* ‘вверху на небесах’, ст.-франц. *diabes* ‘черти’. Семантический анализ языковых средств репрезентации пространственных категорий “низ” – “верх” позволяет выявить две значимые сакральные сущности, которые манифестированы компонентами ср.-в.-нем. *got* ‘Бог’ / *gote* ‘боги’ и *tiuvel (valant)* ‘дьявол’; ср.-англ. *God* ‘Бог’ / *King* ‘Бог’ (лексема служит для номинации богов из древнегреческой мифологии), ср.-англ. *Dryȝtyn* ‘Спаситель’, ст.-франц. *Deu* ‘Бог’ / *Sathanas* ‘Сатана’, ср.-лат. *diuinos* ‘божественный’ / *Luciferi* ‘Люцифер’:

<...> hie mite bat er sich wîsen / hin, dâ des vâlandes barn / mit dem roube wider solte varn [Gottfried von Straßburg 2001б: 15960–15963].

den egeslîchen trachen. / der warf ûz sînem rachen / rouch unde vlammen unde wint / alse des tiuveles kint / und kêrte gein im aldort her [Gottfried von Straßburg 2001a: 8969–8972].

E dist al rei: Salvez seiez de Deu / Le glorius, que devuns aûrer! [La chanson de Roland 1922: 123–124]. daz begunde er allez kêren / stætlîchen hin ze gote / und warte sînem gebote / baz dan er ê tæte [Hartmann von Aue 2006: 84].

so gehelfe mir mîn trethîn / und al die heiligen, die der sîn, / ze saelden und ze heile / an disem urteile! [Gottfried von Straßburg 2001б: 15715–5720].

Quem matutini superantem lumine uultum / Luciferi tumor etherea deiecit ab arce [Galteri de Castellione 1978: 83–84].

Религиозные представления о сакральных и десакральных образах в ХКМ эпохи Средних веков эксплицированы номинациями ср.-в.-нем. *der heilic geist* ‘святой дух’, ср.-в.-нем. *heiligen* ‘святые’, ср.-в.-нем. *der hohe portenaere* ‘небесный привратник’, ср.-англ. *sant* ‘святой’ и, соответственно, ср.-в.-нем. *hellegeist* ‘адский дух’, ср.-в.-нем. *des tiuvels kint* ‘исчадие дьявола’, ср.-в.-нем. *des tiuvels genôz* ‘спутник дьявола’, ср.-в.-нем. *hellehunde* ‘исчадия дьявола’, ср.-в.-нем. *hellesch* ‘адский’, ср.-в.-нем. *des vâlandes antwerc* ‘порождение дьявола’, ср.-англ. *sayn* ‘святой’, ср.-англ. *holy* ‘святой’, ср.-англ. *Krist* ‘Иисус Христос’, ст.-франц. *seint* ‘святой’, ст.-франц. *diablies* ‘черти’, *icele* ‘проклятый, ледяной’, ср.-лат. *diuinos* ‘божественный’, ср.-лат. *Leuiathan* ‘Левиафан’ (Приложение 2, пр. 1–8). Приведем в качестве иллюстрации несколько примеров:

dâ sal der tôt uns læsen / von den hellegeisten böesen. / des tôdes genese wir / und ich verre baz dan ir [Heinrich von Veldeke 1986: 852–855].

si jâhen, daz der heilic geist / der rede wære ir volleist, / der ouch sant Niklaus phlac [Hartmann von Aue 2006: 863–865].

Penne hatz he hendly of his helme, and heȝly he þonkez / Jesus and sayn Gilian [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 773–74].

Syþen he comez to þe kyng and to his cort-ferez, / Lachez lufty his leue at lordez and ladyez; / And þay hym kyst and conueyed, bikende hym to Krist [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 594–596].

Icele tere, co dit, dun il esteit, / Soleill n’i luist, ne blet n’i poet pas creistre, / Pluie n’i chet, rusee n’i adeiset, / Piere n’i ad que tute ne seit neire: / Dient alquanz que diables i meignent [La chanson de Roland 1922: 979–983].

Diuiuos rimare apices, mansuesce rogatus [Galteri de Castellione 1978: 179].

Leuiathan, medii stans in feruore baratri <...> ora colubri [Galteri de Castellione 1978: 74–77].

Категоризация пространства обусловлена также представлениями носителей средневековой культуры о социальной стратификации мира. ИмPLICITную соотнесенность с иерархическим делением общества на низшие и высшие классы в немецкой ХКМ эпохи Средних веков проявляют лексемы ср.-в.-нем. *oberst* ‘высший’, ср.-в.-нем. *hōst* ‘высший’ и ср.-в.-нем. *niderst* ‘низший’, а также ср.-в.-нем. *nider* ‘низший’ в сочетании с номинациями богов, к примеру, ср.: ср.-в.-нем. *die gote habent mich gesant, der niderste und der hōste* букв. ‘боги послали меня, низший и верховный’. Весьма показательно с этой точки зрения использование в средневековых английских текстах лексемы ср.-англ. *lorde* ‘господин, сеньор’ для номинации Бога, ср.: ср.-англ. *so me oure lorde help* ‘да поможет мне, наш Господь’. Приведем следующие примеры:

Sun, ez is dir gūt vernomen, / dorch daz ich her ûf bin komen / âz der helle ûf daz lant. / die gote habent mich gesant, / der niderste und der hōste [Heinrich von Veldeke 1986: 2554–2555].

I nolde bot if I hit negh myȝt on New Zeres morne / For alle þe londe inwyth Logres, so me oure lorde help! [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 1054–1055].

Функционирование данных лексем в художественных текстах эпохи Средних веков позволяет выявить корреляцию с рядом ценностных духовных категорий “верх” – “низ”, “сакральный” – “десакральный”, “добро” – “зло”, “высший” – “низший”, сущность которых обусловлена аксиологической системой воззрений средневекового общества. Замыкает эту шкалу категорий метафорическая формула власти: «власть и сила ориентированы наверх; подчинение контролю или силе – вниз» [Лакофф 2004: 37].

Как известно, социальный статус коррелирует с положением в обществе, система статусных приоритетов в западноевропейском обществе эпохи Средних веков выстраивается также по вертикальному организующему принципу. Лексемы ср.-в.-нем. *niderst*, ср.-в.-нем. *nider* с архетипическим признаком 'низ' коннотируют в сочетании с номинацией ср.-в.-нем. *gote* 'божества' сему 'низшие, непривилегированные круги общества'. В лексико-семантической структуре лексемы ср.-в.-нем. *hōst* 'высший' наряду с основным значением выявляется семантический признак 'высокого происхождения (благородный)', который получает реализацию в сочетании лексемы *got* 'Бог' с номинациями ср.-в.-нем. *herre* 'господин', *trethîn* 'господин', а также в манифестации лексемы ср.-англ. *Dryȝtyn* 'господин' с ярко выраженной коннотацией 'высшие слои общества', ср.: ср.-в.-нем. *owê got hêrre* 'Господи, о горе мне'; ср.-англ. *þat Dryȝtyn for oure destynè to deȝe watz borne* 'вспомним Спасителя, кто в мир к нам явился' (Приложение 2, пр. 9–11).

Итак, рассматривая особенности смысловой структуры оппозиции "верх" – "низ", следует отметить наличие в пространственной модели ярко выраженного семиотического кодового знака "добро" – "зло". Всё связанное с категорией "верх" ("небо", "сакральное пространство") имеет положительно маркированное значение. Номинации, эксплицитно или имплицитно выражающие противоположную "верху" категорию "низ", инкорпорируют признаки 'чужой', 'враждебный', 'опасный для жизни' и характеризуются негативно-оценочным значением. При этом категория "земной мир" по отношению к "верху" демонстрирует имплицитную соотнесенность с "низом" и в то же время репрезентирует семантический признак 'верха' по отношению к категории "инфернальный мир".

Оппозиция "верх" – "низ" является фундаментальной категорией, лежащей в основе пространственно-ориентационных понятий и обуславливающей формирование системы аксиологических ценностей

средневековой культуры, сущность которых выявляется в единстве с универсальной категорией “добро” – “зло”. Сочетание религиозного и мистического находит отражение и в системе знаков, и в символике локусных и пространственных объектов. Так, в оппозиционно-пространственных топографических смыслах ср.-в.-нем. *ober* ‘вверх’ и ср.-в.-нем. *nider* ‘вниз’, ср.-англ. *uþon* ‘вверх’ и ср.-англ. *adoun* ‘вниз’) находит отражение антиномия, характерная для мистического мировоззрения средневекового общества.

2.2. Категоризация пространства в проекции горизонтального членения мира

Когнитивная модель пространства в проекции горизонтального членения мира конструирует реальность в двух планах (рисунок 2).

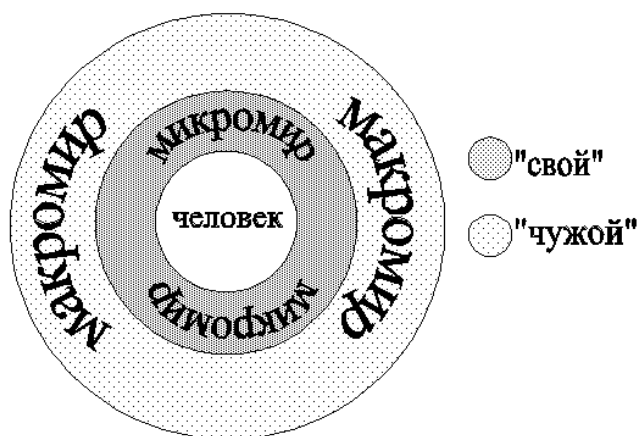

Рис. 2. Реконструируемая модель пространства в проекции вертикального членения мира

С одной стороны, окружающий мир осваивается религиозной мыслью в духе христианства, с другой, отражает мировосприятие средневекового человека, наполненное чувственными и понятийными образами, которыми он оперирует в своей повседневной, обыденной жизни. И если в основе системы пространственных отношений в проекции вертикали лежат теоцентрические представления о мире (Бог есть вершина мира, центр Мироздания), то в моделировании пространства по принципу горизонтали

прослеживается идея антропоцентризма (эгоцентрическая организация пространства).

В основу когнитивной модели положена концепция Е.Л. Березович, которая представляет пространство в виде «серии концентрических кругов, расходящихся из центра, в котором находится наблюдатель» [Березович 2002: 65]. Идею круговой организации пространства развивает также Г.И. Берестнев, отмечая, что пространство мыслится человеком как окружность, в центре которой находится он сам [Берестнев 1997: 11].

Модель пространства в проекции горизонтального членения мира обладает ярко выраженной концептуальной связью с понятиями “микромир” – “макромир”. Релевантным фактором макро- и микроуровневой категоризации пространства является бинომ “далеко” – “близко”. Особо следует подчеркнуть, что феодальный строй в эпоху Средневековья детерминировал локальную обособленность и замкнутость существования западноевропейского общества (в частности, в средневековой Германии) в границах своего микромира. Микромир представлен в ХКМ Средневековья в виде модели организованного вокруг человека (центра мира) пространства. Как справедливо отмечает В.Г. Гак, пространство «организуется вокруг человека, ставящего себя в центр микро- и макрокосмоса» [Гак 1998: 127]. Макромир репрезентирован довольно большим количеством топонимов, что свидетельствует о расширении пространственного горизонта средневекового человека. Наименования объектов макроуровня используются, как правило, с ориентационной целью: место отправления или назначения, место пребывания или локализации.

Особую группу составляют слова с локативной составляющей “близкий” – “удаленный”, имеющие коннотацию “свой” – “чужой”. Характерно, что при всех особенностях концептуальной трактовки пространства эти категории непосредственно связаны с выражением географических представлений о строении окружающего мира.

Структурные элементы когнитивной модели пространства (пространственно-географические образы) дифференцируются по степени ценностно-нормативной значимости и, соответственно, выступают в качестве культурных доминант. Обратившись к анализу когнитивной модели пространства, следует исходить из того, что актуализация пространственно-географических объектов, включая топонимическую систему Средневековья, напрямую связана с особенностями восприятия человеком действительности, уровнем сложившихся на данный период знаний об окружающем мире, а также потребностями человека, детерминирующими его практическую и когнитивную деятельность. При этом важным параметром структуризации пространства является антропоцентрический фактор. Такая точка зрения высказывалась, в частности, Т.В. Топоровой. По ее словам, пространство формирует пределы, в которых разворачивается человеческая жизнь, тем самым определяя все остальные категории, связанные с антропоцентрической сферой [Топорова 1996: 12, 1999: 252–260].

Анализ языкового материала художественных текстов позволил выявить еще один существенный фактор членения окружающего мира: гетеростереотипы (взгляд на других) и автостереотипы (взгляд на себя), которые прямо и опосредованно отражают этнокультурную специфику языкового сообщества, а также выступают в качестве существенного индикатора в концептуальной системе пространственных координат. Так, организация мира в ХКМ эпохи Средних веков детерминирована универсальной координатной сеткой (“микромир” – “макромир”, “свой” – “чужой”) – знаковым универсальным комплексом идентификации “своего пространства” – “чужого пространства”.

2.2.1. Пространственные аспекты языковой категоризации “свой” – “чужой”

Антиномия “свой – чужой” представляет собой одну из основополагающих бинарных оппозиций человеческой культуры как таковой. Дихотомия “свой – чужой” является предметом пристального

внимания отечественных и зарубежных исследователей при описании культурных традиций различных этносов [Гуревич 1984, 1999, 2005; Лотман 1996, 2000; Гофф 2001, 2005; Зусман 2003; Степанов 1997 и др.]. В.Г. Зусман отводит значительную роль концептуальной оппозиции как одному из центральных концептов культуры, подчеркивая при этом универсальность данных категорий культуры, поскольку они присущи художественному творчеству, научному и бытовому мышлению [Зусман¹¹ 2003]. Как отмечает Ю.С. Степанов, оппозиция “свой” – “чужой” является одной из главных концептуальных составляющих «всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 1997: 472].

В настоящем исследовании сопоставление структурных компонентов “свой” – “чужой” когнитивной модели пространства предполагает:

- 1) идентификацию “себя” (собственно своей этно- и социогруппы) через противопоставление “чужому миру” (включая другие этно- и социогруппы);
- 2) выявление специфических признаков и свойств, характерных для “своего” и “чужого”.

Дифференцирующий механизм оппозиции “свой” – “чужой” обуславливает определенный набор критериев, которыми руководствуется средневековый человек в социокультурной ориентации в пространстве. Релевантным признаком этнокультурного самоопределения и идентификации человека являются внешние атрибуты, т.е. представления о внешности и манера поведения, обусловленные пространственными отношениями “свое пространство” – “чужое пространство”. Маркером социо- и этнокультурной идентификации этносов является установка на узнавание “свой” – “чужой”, обусловленная системой пространственно-географических координат “родина (родная земля)” – “чужая земля” (например, традиции выбора одежды и украшений, характерные для родного и чужого края), ср.: ср.-в.-

¹¹ Ссылка: URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/2/zys.html#top> (дата обращения: 12.01.2010).

нем. *gezieret nâch ir lantsîten* – ‘в нарядах по традициям страны’, ср.-в.-нем. *sîdîne rîsen, nach ir lantwîsen umbe den helm gewunden*, букв. ‘шелковые ленты по обычаям страны повязали на шлемы’ (Приложение 2, пр. 12–13). Приведем в качестве иллюстрации примеры:

her sach dâ sitzen unde stân / manege magete wol getân / und manech wol getânez wîb, / die wol heten ir lîb / gezieret nâch ir lantsîten [Veldeke 1986: 12857–12861].

mille diu rîche / und der frouwen iegelîche, / die mit ir dare wâren komen, / die heten alle genomen / sîdîne rîsen, / nach ir lantwîsen / umbe den helm gewunden [Veldeke 1986: 8817–8823].

Семантика выражений ср.-в.-нем. *nâch ir lantsîten, nach ir lantwîsen* ‘в соответствии с обычаями страны’, ср.-англ. *it is the maner of ous* ‘это наш обычай’, ст.-франц. *forment le pleignet a la lei de sa tere* ‘блюдя обычай родной страны, граф заплакал’ позволяет четко выделить один из векторов в системе дифференцирующих императивов социальной и этнической принадлежности – ориентацию на культурные стереотипы в родной стране и стандартизированные нормы поведения. Отметим, что соответствующие нормативные модусы также способствуют проявлению специфических оттенков поведения, которые становятся признаками, определяющими для представителей того или иного сословия в этнокультурном пространстве средневекового мира. Приведем примеры:

Y nam bot a pouer menstrel, / And, sir, it ist he maner of ous / To seche mani a lordes hous; / Thei we nought welcom no be [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 430–433].

Forment le pleignet a la lei de sa tere. / “E! Gentliz hom, chevaler de bon aire, / Hoi te cumant al Glorius celeste! [La chanson de Roland 1922: 2251–2253].

nâch sînem etlîchem site / sprach er vil minneclîche z’ir: / »schoene, ine wil niht, daz ir mir / haz oder argen willen traget; / wan ist ez wâr, als ir mir saget, / sô rihtet selbe über mich: / swaz ir gebietet, daz tuon ich.« [Gottfried von Straßburg 2001a: 773–778].

Насколько можно судить, одним из параметров категоризации пространства на “свое пространство” – “чужое пространство” является фактор этнокультурного самоопределения, в основе которого лежит кодификация ценностно-значимых нравственных установок в западноевропейском обществе эпохи Средних веков. Не следует упускать из виду и то обстоятельство, что представители каждой социоэтнической группы (например, английское, французское и немецкое рыцарство), осознавая свою общность в социо- и этнокультурной группе, все же стремятся отличать себя от носителей других этнокультур, проявляя в процессе сравнения и сопоставления несходные с другой этнокультурной группой признаки. Особую роль при этом играют этнокультурные константы “свой” – “чужой”, в основе парадигматических отношений которых заложена архетипическая оппозиция культурных кодовых знаков “добра” и “зла”.

Контекстуальный анализ произведений немецкой, английской, латинской и французской литературы XII–XIV вв. позволяет четко обозначить в ХКМ эпохи Средних веков признаки “образа себя” и “образа врага”. При этом имеется в виду, что “образ себя” включает не столько парадигму оценки средневековым человеком своего собственного “я”, сколько совокупность представлений о его непосредственном социокультурном окружении в пространстве (“микромир” – “макромир”): дом, семья (ср.-в.-нем. *hûs* ‘дом’, ср.-в.-нем. *heim* ‘родной кров’, ст.-франц. *quant cascuns ert a sun meillor repaire* ‘и разбредутся по родным жилищам’, ср.-лат. *dirigat ergo tuos studio celebrata priorum* ‘но деяния твои по заветам предков’), “мы – группа” (ср.-в.-нем. *hûsgenôze* ‘домочадцы’, ср.-в.-нем. *borgâre* ‘члены клана, проживающие на территории замка’, ср.-в.-нем. *massenîe* ‘слуги, вассалы’, ср.-англ. *ne I know not þe, knyzt, þu cort ne þi name* ‘ни имя, ни род твой, увы, мне неизвестны’, ср.-лат. *quod patriae uicium redimat, quod conferat illi* ‘этим искупит он свой род’), чувство родной земли (ср.-в.-нем. *daz lant, dâ ich gezogen bin* ‘земля, в которой я возрос’, ст.-франц. *que nus perduns clere Espaigne, la bele* ‘чем потерять нам край испанский

милый’, ст.-франц. *en France la lur tere* ‘во Францию, в свой край родимый’, ср.-лат. *solum patrium* ‘родная земля’, ср.-лат. *non sibi sed patriae* ‘не для себя, для отчизны’), лен или земельная собственность (ср.-в.-нем. *lêhen* ‘лен’, ср.-в.-нем. *lant* ‘земля’, ср.-в.-нем. *liute unde guot* ‘люди и имущество’, ср.-англ. *where is þy place? I wot neuer where þou wonys, bi hym þat me wroȝt* ‘где дом твой, в какой стране владения?’), ср.-лат. *arma puer sitiens Darium dare iura Pelasgis, Gentibus imperiique iugo patris arua prementem* ‘должны быть подвластны земли Пеласгов отцу’), образ сеньора-покровителя (ср.-в.-нем. *hêrre* ‘господин’, ст.-франц. *en dulce France, seignurs, vos en irez* ‘сеньор, как будете опять в родной Франции’). Приведем несколько примеров:

Asez est mielz, qu’il i perdent les testes / Que nus perduns clere Espaigne, la bele, / Ne nus aiuns les mals ne les suffraites! / Dient paien: “Issi poet il ben estre!” [La chanson de Roland 1922: 58–61].

L’ost des Franceis verrez sempres desfere. / Francs s’en irunt en France la lur tere. / Quant cascuns ert a sun meillor repaire [La chanson de Roland 1922: 49–51].

En dulce France, seignurs, vos en irez: / De meie part ma muiller saluez [La chanson de Roland 1922: 360–361].

For þou may leng in þy londe and layt no fyrer – / bot slokes! Ta now þy grymme tole to þe [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 411–413].

Quem uirtus extollit, habet quod preferat auro, / Quod patriae uicium redimat, quod conferat illi / Et genus et formam. / uirtus non queritur extra [Galteri de Castellione 1978: 100–102].

Dirigat ergo tuos studio celebrata priorum / Actus Iusticia [Galteri de Castellione 1978: 175–176].

Arma puer sitiens Darium dare iura Pelasgis / Gentibus imperiique iugo patris arua prementem / Audit et indignans his uocibus exprimit iram [Galteri de Castellione 1978: 30–32].

‘where is þy place?’ / I wot neuer where þou wonys, bi hym þat me wrozt, / Ne I know not þe, knyzt, þy cort ne þi name [Sir Gawayn and þe grene knyzt 2006: 398–400].

В процессе концептуализации пространственных параметров окружающего мира проявляются особенности отражения носителями средневековой культуры объективной реальности, опосредованные общностью психического уклада социокультурной группы (немецкого, английского, французского рыцарства) и, прежде всего, частичное поглощение индивидуального сознания коллективным. Возможно, это объясняется тем, что, например, в средневековой Германии долгое время сохраняются традиции рода, пережитки племенного быта и «понятие личности», по словам Бургардта, «всегда связывалось с какой-либо общей формой» (цит. по: [Гутнова 1985: 126]).

Насколько можно судить, корпоративное сознание накладывает отпечаток на мировоззрение средневекового человека. Так, группа “ближайшее окружение” включает в себя не только понятие “семья” в значении кровных родственников (ср.-в.-нем. *allez sîn kunne* ‘всех своих потомков’, ср.-в.-нем. *sîn geslehte* ‘весь свой род’, ср.-в.-нем. *des hêren Ênêê geslehte und daz kunne lobesam, daz sinst von ime quam* ‘род и потомки благородного Энея, которые пошли от него, достойны почитания’). Приведем пример:

Ich hân gesaget rehte / des hêren Ênêê geslehte / und daz kunne lobesam, / daz sinst von ime quam, / gewaldech unde rîche. / si lebeten hêrlîche / beidiu junk unde alt / und heten grôzen gewalt / in der werlde wîten. / lange nâch sînen zîten / wâren si kunege hêre / und heten michel êre, / gewalt unde wunne / die von sînem kunne [Heinrich von Veldeke 1986: 13491–13504].

В ближайшее окружение входят номинации ср.-в.-нем. *vater* ‘отец’, ср.-в.-нем. *muoter* ‘мать’, ср.-в.-нем. *tohter* ‘дочь’, ср.-в.-нем. *gemahel* ‘жених, невеста’, ср.-в.-нем. *wirt* ‘хозяин’, ср.-в.-нем. *sun* ‘сын’, ст.-франц. *filz* ‘отец’,

ст.-франц. *anceisurs* ‘предки’, *patriae* ‘род’, ср.-лат. *tuos* ‘предки’ (ср.-в.-нем. *dîn bruoder der was dir nâher gesippe* ‘твой брат, твой родственник по крови’, ср.-в.-нем. *swer mînem hêrren Marke liep oder sippe waere, daz ich dem êre baere* ‘кто моему господину дорог или родственник ему, тому я окажу честь’, ст.-франц. *mun filz que vos savez, e lui aidez e pur seignur* ‘я его отец, он ваш сеньор’, ст.-франц. *ses filz Malpramis mult est chevalerus: Granz est e forz e trait as anceisurs* ‘а сын его Мальприм – второй отец, во всем блюдет он славных предков честь’, ср.-лат. *et patriae desit et gloria sanguinis alti* ‘пусть и родом не знатен, и предков лишен именитых’). Приведем в качестве иллюстрации несколько примеров (Приложение 2, пр. 14–18):

E Baldewin, mun filz que vos savez, / E lui aidez e pur seignur le tenez [La chanson de Roland 1922: 363–364].

Ses filz Malpramis mult est chevalerus: / Granz est e forz e trait as anceisurs [La chanson de Roland 1922: 3176–3177].

Môrolt dîn bruoder der was dir / nâher gesippe danne mir. / hâstu'z umbe in varen lân, / wiltû, sô hân ouch ich'z getân. «[Gottfried von Straßburg 2001б: 10649–10652].

Et patriae desit et gloria sanguinis alti. / Nam si uera loquar, auferre pecunia mores [Galteri de Castellione 1978: 95–96].

Сюда же причисляются все домочадцы, члены клана, проживающие на территории замка и земельных владений: ср.-в.-нем. *hûsgenôze* ‘домочадцы, вассалы, приближенные к дому’, ср.-в.-нем. *ingesinde* ‘слуги’, ср.-в.-нем. *die borgâre* ‘обитатели замка’, ст.-франц. *servet* ‘слуга’, ст.-франц. *humes* ‘вассалы’, ст.-франц. *vassal* ‘вассал’, ср.-англ. *ledez* ‘вассалы’, ср.-англ. *serued* ‘прислуга’ (Приложение 2, пр. 19–22). Приведем несколько примеров:

Puis si li servet par amur e par feid. / Morz est Rollant, ja mais nel revereiz [La chanson de Roland 1922: 3801–3802].

Dist a ses humes: Seignurs, vos en ireiz. / Branches d'olive en voz mains portereiz, / Si me direz a Carlemagne, le rei [La chanson de Roland 1922: 79–81].

Meillor vassal n'aveit en la curt nul, / E dist al rei: "Ben l'avez entendud [La chanson de Roland 1922: 321–322].

Как следует из анализа художественных текстов, это могли быть друзья и сторонники: ср.-в.-нем. *vriunden* 'друзья', ср.-в.-нем. *when burnez blybe of his burþe schal sitte and synge* 'в праздник друзей собирает извечно', ср.-в.-нем. *holden* 'преданные сторонники', ст.-франц. *ferez i, Francs, nostre est li premiers colps!* 'вперед, друзья, за нами бой!', ст.-франц. *tuz lur amis qu'il i unt morz truvet* 'среди мертвецов нашли друзей своих' (Приложение 2, пр. 23–27).

Приведем примеры:

A lowande leder of ledez in londe hym wel semez [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 857–858].

When burnez blybe of his burþe schal sitte / and synge [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 933–934].

Tuz lur amis qu'il i unt morz truvet, / Ad un carner sempres les unt portet [La chanson de Roland 1922: 2953–2954].

Ferez i, Francs, nostre est li premiers colps! / Nos avum dreit, mais cist glutun unt tort [La chanson de Roland 1922: 1211–1212].

Группа "ближайшее окружение" представлена глаголами и глагольными словосочетаниями, которые передают общую идею сплоченности и единства, поддержку в феодальном обществе сеньора в виде обязательной воинской службы (ср.-в.-нем. *dienstes tûn* 'быть на службе', ср.-в.-нем. *dienesthaft* 'готовый служить', ср.-в.-нем. *dienest undertân sîn* 'повиноваться на службе', ср.-англ. *i am at your comaundemetnt* 'я подчиняюсь вам', ст.-франц. *pur sun seignor destreiz* 'служить сеньору', ст.-франц. *ai servit tant* 'служить мечом', ср.-лат. «*Vos quoque uictores, quorum labor arduus inquit. Egit ut in nostro conspectu terra sileret*» '«Вы – победители мира, – сказал он. – Трудом вашим тяжким мы достигли того, что пред нами земля умолкает»), обязательного выполнения повинностей (ср.-в.-нем. *lêhen* 'ленное поместье', ср.-в.-нем. *flêhen* 'повиноваться', ср.-в.-нем. *stêt ze gebote* 'быть

предоставленным в распоряжение’, ср.-в.-нем. *getrûwelîchen wîsen* ‘быть верным’, ср.-англ. *trwe* ‘верный’), связанных с вассально-сеньориальными отношениям (ср.-в.-нем. *dar abe heten sie lêhen* ‘у них есть ленные поместья’, ср.-в.-нем. *dem will ich gût und êre und dienstes tûn alsô vil* ‘в его распоряжение хочу я предоставить свое имущество и с честью буду служить ему’, ср.-в.-нем. *ich und al frunt mîn <...> daz stêt ze sîneme gebote* ‘я и все мои вассалы <...> будем повиноваться ему’, ср.-в.-нем. *mûsten si alle flêhen die rîchen hûsgenôzen* ‘все они, могущественные вассалы, должны повиноваться’, ср.-в.-нем. *lieben frunt mîn, die dorch mich her komen sîn* ‘дорогие друзья, собравшиеся здесь по моему зову’, ср.-в.-нем. *si giengen swar hers bat* ‘они пришли, как только их господин призвал’, ст.-франц. *pur sun seignor deit hom susfrir destreiz* ‘служить всегда сеньору рад вассал’, ст.-франц. *bel sire reis, jo vos ai servit tant* ‘не раз я вам служил мечом’, ср.-англ. *whyl I byde in yowre zowre hest* ‘под вашим кровом послушен я вашей воле’). Группа “ближайшее окружение” отражает схему социальных отношений, регуляторами в которых становятся сложившиеся традиции рода, тяготеющего к сплочению и единству, а также отношения вассальной зависимости в феодальном обществе (Приложение 2, пр. 20–27). Приведем несколько примеров:

diu saeligen Rûâles kint / diu leiten dô Tristande vûr / mit vil durnehter willekûr / ir hiuser, ir lîp unde ir guot / und alsô dienesthaften muot, / sî s’iemer beste kunden. / si wâren z’allen stunden / sînem dienest undertân [Gottfried von Straßburg 2001б: 18670–18677].

Bel sire reis, jo vos ai servit tant, / Sin ai oût e peines e ahans, / Faites batailles e vencues en champ! [La chanson de Roland 1922: 860–865].

Pur sun seignor deit hom susfrir destreiz [La chanson de Roland 1922: 1010].

‘*Ʒe, sir, for soþe,*’ sayd þe segge trwe, / ‘*Whyl I byde in yowre Ʒowre hest.*’

[Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 1091–1092].

Egria quorum uirtute subegerat orbem, / «Vos quoque uictores, quorum labor arduus» inquit / Egit ut in nostro conspectu terra sileret» [Galteri de Castellione 1978: 301–302].

Контекстуальный анализ средневековых романов и поэм позволил реконструировать оппозиционную категорию “образ врага” – “они-группа”, основанием которой служит вектор “чужой край (чужая земля)”. Ассоциации, связанные с признаком ‘чужой’ (например, ср.-в.-нем. *der von Troie is geboren*, ‘тот, родом из Трои’, ср.-в.-нем. *disen Troiânen* ‘этих троянцев’, ст.-франц. *sarrasin* ‘сарацин, араб’, ст.-франц. *uns reis i est, si ad num Corsablix, Barbarins est, d’un estrage païs* ‘вон нечестивый Корсалибербер, король лежащих за морем земель’, ст.-франц. *Granz sunt les oz de cele gent estrange* ‘несметны иноземные дружины’) предполагают в содержании исследуемых фрагментов наличие отрицательно-маркированного семантического признака ‘враждебное отношение ко всему незнакомому, чуждому культуре, религии и менталитету’ (Приложение 2, пр. 27–30). Приведем в качестве иллюстрации несколько примеров:

Granz sunt les oz de cele gent estrange; / Nus i avum mult petite cumpaigne
La chanson de Roland 1922: 1086–1087].

Uns reis i est, si ad num Corsablix, / Barbarins est, d’un estrage païs [La
chanson de Roland 1922: 1235–1236].

Devant chevalchet un Sarrasin, Abisme: / Plus fel de lui n’out en sa
cumpaignie. / Teches ad males e mult granz felonies [La chanson de Roland 1922:
1470–1472].

Понятие “враждебность”, в сознании средневекового человека, как правило, соотносится с лексемами, экспликативно или имплекативно выражающими в контекстуальном окружении ядерную сему ‘наносить вред’, ср.: ср.-в.-нем. *unser lant verhêret hânt und verbrant und des mannes veste* ‘завоевали нашу страну и сожгли замок господина’, ср.-в.-нем. *ez wirt alsô gerochen, daz im nie dehein vart ze solhen schande ne wart* ‘мы отомстим им так, что этот поход навсегда останется позором для них’, ср.-в.-нем. *sie hânt ime ir*

vehnten unsanfte bescheinet ‘они безжалостно бились с ними’, ср.-в.-нем. *der in ze tôde wil erslân* ‘тот хочет убить его’, ср.-в.-нем. *in von rehte hazzen salt* ‘ты должна по праву ненавидеть его’, ср.-в.-нем. *schaden und unêre von disen Troiânen mûzen dolen*, ‘вред и бесчестие будем мы вынуждены терпеть от этих троянцев’, ст.-франц. *Mult est pesmes Rollant <...> Ki tute gent voelt faire recreant, e tutes teres met en chalengement* ‘жесток Роланд <...> ужель он хочет всех поработить и страны все завоевать решил’, ст.-франц. *Sarrasin Abisme: Plus fel de lui n'out en sa cumpagnie* ‘Араб Абим: на свете нет коварней сарацина’, ст.-франц. *Teches ad males e mult granz felonies* ‘злодейств немало совершено им в жизни’; ср.-англ. *depreced prouinces* ‘подчинил провинции’, ср.-англ. *patrounes bicome Welneze of al þe wele in þe west iles* ‘самочинно хозяином стал в западных землях’.

Носители качеств “чужого”, и их действия маркируются глаголами или словосочетаниями с общим семантическим признаком ‘представлять опасность’ (ср.-в.-нем. *die bôsen trôischen* ‘жестокие троянцы’, ср.-в.-нем. *dem unsâligen Troiân* ‘злосчастному троянцу’) или с пейоративным значением ‘внушающий ненависть, злобу’ (ср.-в.-нем. *die hazlîchen trôischen* ‘ненавистные троянцы’). Показателем скрытой или явно выраженной негативной оценочной позиции к чужакам становится ассоциация с захватчиками земель и разорителями владений, ср.: ст.-франц. *od sun espiet l'anme li getet fors, Enpeint le ben, fait li brandir le cors* ‘из сарацина вышиб душу вон. Качнулся и наземь рухнул он’, ср.-в.-нем. *dem zerbrochen is sîn hûs und sîn sun dâ liget tôt*, букв. ‘дом его разорен а его сын лежит мертв’, ср.-в.-нем. *daz sie unser lant verheret hânt und verbrant und des mannes veste* ‘они завоевали нашу страну и сожгли дом нашего сюзерена’ (Приложение 2, пр. 25–31). Приведем примеры:

Od sun espiet l'anme li getet fors, / Enpeint le ben, fait li brandir le cors [La chanson de Roland 1922: 1202–1203].

Het watz Ennias þe athek, and his highe kynde, / þat siþen depreced
prouinces, and patrounes bicomme / Welneze of al þe wele in þe west iles [Sir
Gawayn and þe grene knyzt 2006: 5–7].

Dist Blancandrins: Mult est pesmes Rollant, / Ki tute gent voelt faire
recreant, / E tutes teres met en chalengement! [La chanson de Roland 1922: 392–
394].

Обобщая сказанное выше, отметим, категоризация пространства обусловлена параметрами социоэтнической идентичности. В основе процесса идентификации лежит осознание средневековым человеком своей принадлежности к определенной территории, культуре, социуму, а также внешние и внутренние признаки – индикаторы узнаваемости “своих” и “чужих”, выявляемые через механизмы сопоставления и противопоставления себя представителям других социо- и этнокультурных групп в ментально-культурном пространстве. В этом плане членение пространства связано с выделением ряда признаков:

1) общепринятый, свойственный себе и своей социальной группе (“свое пространство”) и нетрадиционный, чуждый, относящийся к другому (“чужое пространство”);

2) родственные, социальные, этнические, религиозные отношения (“мы-группа” / “они-группа”, “друг (соратник)” / “враг”);

3) освоенное (безопасное) и неосвоенное (враждебное) пространство.

2.2.2. Топонимическое пространство в художественной картине мира Средневековья

На современном этапе развития ономастики, в частности, литературной ономастики, занимающейся изучением роли имен собственных в создании когнитивной модели пространства, важным становится вопрос внутреннего потенциала имени собственного, ассоциативного потенциала омонимов, их культурно-исторического содержания. Имена собственные в художественном тексте, несомненно, значимы, поскольку за счет присущей им накопительной

функции «способны сохранять и фиксировать информацию о постигнутой человеком действительности» [Суперанская 1973: 261].

Топонимы составляют особый уровень в языке и, естественно, в художественном тексте (речи). Элементы этого уровня часто являются ключевыми, поскольку участвуют в формировании художественного пространства. Они передают не только содержательную информацию, но и способствуют раскрытию идейно-эстетического содержания текста. Лексическое значение и коннотации топонимов наиболее ярко отражают специфику категоризации и концептуализации пространства в ХКМ эпохи Средних веков, точнее говоря, языкового моделирования пространственных отношений в рамках определенной традиции [Березович 2002: 60–71].

В ХКМ эпохи Средних веков можно выделить имена собственные географических реалий по своему значению: в пределах микромира, в границах территории проживания определенной этнической общности (на локальном уровне), и за пределами микромира (на региональном и территориальном уровне). Введенная в работе реконструкция системы топонимов средневекового мира позволила выявить ряд релевантных имен собственных, называющих географические объекты на локальном уровне. Отличительным признаком, положенным в основу номинации некоторых референтов, являются анахроничные представления носителей средневековой культуры об окружающем мире. Насколько можно судить, осмысление географических объектов на локальном уровне находится в непосредственной связи с мифологическими и религиозными архетипами освоения земного пространства. Иллюстративной в этом отношении представляется корреляция лексемы ср.-в.-нем. *steine* и определения ср.-в.-нем. *wîzen*, а также репрезентация топонимов ср.-в.-нем. *Montalbâne* и ср.-в.-нем. *Albâne*, экспрессивно-образных наименований с индивидуализирующим семантическим компонентом ‘светлый’:

die borch stunt an einer stat / ûf einem wîzen steine, / des handen si algemeine / die edelen Troiâne / die nûwen borch Albâne. / Dô der hêre Êneâs / in

solhen angesten was, / do gesach sîn mûder Vênûs, / daz im der hêre Turnûs / gerne schaden wolde / und in besitzen solde / ûf Montalbâne [Heinrich von Veldeke 1986: 5590–5601].

Чтобы определить значение этих слов, достаточно раскрыть смысл основного корня **albâ* и выявить значение ср.-в.-нем. *white* ‘белый’, *weiß* ‘белый’. Следует подчеркнуть, что компонент ср.-в.-нем. *alba* в объекте номинации рыцарского замка может указывать и на территориальную соотнесенность с Англией. Известно, римляне называли Великобританию *Britannias* или *Alba*. В этимологических словарях [Etymological Dictionary of the Gaelic Language¹² 1982; Online etymology dictionary¹³ 2001; Grimm¹⁴ 1971; Lexer¹⁵ 1992; Benecke¹⁶ 1990; Mackensen] рассматриваются слова с основным корнем **alb* в статьях *alb* [Etymological Dictionary of the Gaelic Language¹⁷ 1982; Online etymology dictionary¹⁸ 2001], *Albe* [Mackensen: 34; Benecke¹⁹ 1990; Lexer²⁰ 1992], *alb* и *Albe* [Grimm²¹ 1971], указывая, что эти номинанты содержат семантический признак ‘белый, светлый’. Литературный немецко-германский словарь Кеблера (Deutsches Etymologisches Wörterbuch) дает следующее толкование: ср.-в.-нем. *white* (**albâ*, *wîzen*) ‘белый’: герм. **alba-*, **albaz*, герм., Adj.: *weiß*; **albi-*, <...> *weiß*, *licht*, *leuchtend* [Köbler²²]. Как видим, в имени собственном *Albâne* отражено

¹² Ссылка: URL: <http://www.ceantar.org/Dicts/MB2/> (дата обращения: 12.01.2014).

¹³ Ссылка: URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения 16.04.2011).

¹⁴ Ссылка: URL: <http://germazope.uni-trier.de> (дата обращения: 12.01.2014).

¹⁵ Ссылка: URL: <http://www.dwb.uni-trier.de/index.html> (дата обращения: 12.01.2014).

¹⁶ Ссылка: URL: <http://germa83.uni-trier.de/MWV-online/MWV-online.html> (дата обращения: 15.02.2012).

¹⁷ Ссылка: URL: <http://www.ceantar.org/Dicts/MB2/> (дата обращения: 12.01.2014).

¹⁸ Ссылка: URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 16.04.2011).

¹⁹ Ссылка: URL: <http://germa83.uni-trier.de/MWV-online/MWV-online.html> (дата обращения: 15.02.2012).

²⁰ Ссылка: URL: <http://www.dwb.uni-trier.de/index.html> (дата обращения: 12.01.2014).

²¹ Ссылка: URL: <http://germazope.uni-trier.de> (дата обращения: 12.01.2014).

²² Ссылка: URL: <http://www.koeblergerhard.de> (дата обращения: 12.01.2014).

значение ‘светлый, излучающий свет’. С нашей точки зрения, подобные топонимы на локальном уровне служат для раскрытия фоновой информации об объекте: в ассоциативном фоне проприата актуализируется понятие “благородство” (*Albâne* < **alba* < ‘светлый’, ‘благородный’).

Отметим, что в средневековой эстетике понятие “светлый” коннотирует символику святости, красоты, т.к. красота, согласно средневековой метафизике, воспринимается как свет, который успокаивает и ободряет, является знаком благородства [Эко²³ 2004: 90–111]. Так, элемент ‘светлый, излучающий свет’ приобретает символическое значение ‘святой’ в контексте описания града в английской ХКМ эпохи Средних веков. Признак ‘светлый, излучающий свет’ актуализируется в среднеанглийском языке с помощью лексем ср.-англ. *lombe-lyzt* ‘светоч’, *sotyle* ‘кристалл’, *cler* ‘светлый’ (ср.-англ. *Ʒe Self God watz her lombe-lyzt* ‘там сам Творец есть светоч Божий’, ср.-англ. *for sotyle cler nozt lette no syzt* ‘по чистоте с кристаллом схожий’). Признак ‘святой’ актуализирован в художественном контексте номинацией Бога (ср.-англ. *God* ‘Бог’), божественного символа, одного из наименований Иисуса Христа (ср.-англ. *lombe* ‘agneц’). Лексема ср.-англ. *blysned* также инкорпорирует признак ‘благословенный, святой’, ср.: ср.-англ. *Ʒurȝ Hym blysned Ʒe borȝ al bryzt* ‘весь град сиял’. Приведем пример:

Ʒe Self God watz her lombe-lyzt, / Ʒe Lombe her lantyrne, withouten drede; / Ʒurȝ Hym blysned Ʒe borȝ al bryzt. / Ʒurȝ woȝe and won my lokyng zede; / For sotyle cler nozt lette no syzt [Teh Pearl 2006: 1046–1050].

Средневековое сознание связывает замки, крепости, бурги с признаком ‘могущество, сила’, который становится смысловым показателем денотата. Сравним, к примеру, образную номинацию рыцарского замка ср.-в.-нем.

²³ Ссылка: URL: http://www.erlib.com/Умберто_Эко/Эволюция_средневековой_эстетики/3/ (дата обращения: 12.02.2010).

Tintajêle. М. Лексер рассматривает родство топонима < **tant* с ср.-в.-нем. *tapfer* ‘мужественный’ [Lexer²⁴ 1992] < д.-в.-н. *schwer, gewichtig* в значении ‘мощный’, ‘тяжелый’ [Duden 2001: 837; Benecke²⁵ 1986; Grimm²⁶ 1971]. Как видим, в основе ядерного признака понятийной составляющей топонима лежит значение ср.-в.-нем. *tapfer*, семантический признак, который явно или имплицитно реализуется в контекстуальном окружении с номинациями ср.-в.-нем. *burc* ‘замок’ или ср.-в.-нем. *castêl* ‘дворец’. Британский энциклопедический словарь Миллса указывает на родство имени собственного ср.-в.-нем. *Tintajêle* с санскр. **dhuni* (водный поток) и **tagell* (свисающий над обрывом) [Mills²⁷ 2003]. Очевидно, что в семантике ср.-в.-нем. *Tintajêle* отражается этнокультурный образ замка, как неприступного, укрепленного жилища:

der spilman, also im was gesaget / und also er underwîset wart, / alsô kêrte er ûf sîne vart / und kam alsô ze Tintajêl / in des küneges Markes castêl, / daz ime ûf sîner strâze nie / an keinen dingen missegie [Gottfried von Straßburg 2001b: 16284–16290].

Название замка ср.-в.-нем. *Nûwenborch* представляет композиционное соединение атрибутива, образного компонента, *nûwen* < д.-в.-н. *niuwî*, гот. *niujus* < лат. *novus* в значении ‘новый’ [Mackensen: 272; Duden 2001: 555] и родового определяемого ср.-в.-нем. *borch* с общей категориальной семантикой имени собственного, служащие характеристикой топонима:

volmachen herz ouch began / dorch den phalenzgrâven Herman / von der Nûwenborch bî der Unstrût, / want diu rede dûhte in gût / und daz getihte meisterlîch [Heinrich von Veldeke 1986: 13475–13479].

²⁴ Ссылка: URL: <http://www.dwb.uni-trier.de/index.html> (дата обращения: 12.01.2014).

²⁵ Ссылка: URL: <http://germa83.uni-trier.de/MWV-online/MWV-online.html> (дата обращения: 15.02.2012).

²⁶ Ссылка: URL: <http://germazope.uni-trier.de> (дата обращения: 12.01.2014).

²⁷ Ссылка: URL: <http://www.encyclopedia.com> (дата обращения: 15.04.2011).

В отличие от имен собственных, составляющих основу локальной пространственно-географической системы, комплекс топонимических ориентиров и историко-географических образов макромира формирует отчетливо выраженную схему топонимического пространства. Системообразующим в когнитивной модели пространства становится фактор культурной значимости и функциональных особенностей номинированных реалий окружающего мира.

Использование топонимов связано не только с их фиксацией в пространстве, но и с их культурно-исторической и политической ролью в жизни средневекового человека. Наиболее актуальны в анализируемых произведениях номинации таких стран как Франция (ср.-в.-нем. *French*, ст.-франц. *France*), Британия (ср.-в.-нем. *Bretayn*, ср.-англ. *Brytayn*, ст.-франц. *Engleterre*), Германия (ср.-в.-нем. *Almânje*, ст.-франц. *Alemaigne*), Испания (ср.-в.-нем. *Espaigne*, ст.-франц. *Espaigne*), провинций, земель средневековой Европы (ср.-в.-нем. *Lumbardie* ‘Ломбардия’, ср.-в.-нем. *Sassen* ‘Саксония’, ср.-англ. *Norpe Walez* ‘Северный Уэльс’, ср.-англ. *Wyrale* ‘Вирраль’, ст.-франц. *Bretaigne* ‘Бретань’, ст.-франц. *Peitou* ‘Пуату’, ст.-франц. *le Maine* ‘Мэн’, ст.-франц. *Equitaigne* ‘Аквитания’, ст.-франц. *Lumbardie* ‘Ломбардия’, ст.-франц. *Baiver* ‘Бавария’, ст.-франц. *Saisonie* ‘Саксония’), а также некоторых крупных городов (ср.-в.-нем. *Lunders* ‘Лондон’, ср.-англ. *Winchester (Traciens)* ‘Винчестер’, ср.-англ. *Jerusalem* ‘Иерусалим’, ст.-франц. *Valterne* ‘Вальтерна’, ст.-франц. *Balasgued* ‘Балагет (Балагер)’, ст.-франц. *Tuele* ‘Тудела’, ст.-франц. *Costentinnoble* ‘Константинополь’). Приведем примеры (Приложение 2, пр. 32–34):

Langaberde in Lumbardie lyftes vp homes, / And fer ouer þe French flod
Felix Brutus / On mony bonkkes ful brode Bretayn he settez, / wyth wynne [Сэр
Гавейн и Зеленый рыцарь 2006: 12–15].

Til þat he nezed ful neghe into Norpe Walez. / Alle þe iles of Anglesay on
lyft half he haldez, / And farez ouer þe fordez by þe fordez by þe forlondez, / Ouer

at þe Holy Hede, til he hade eft bonk / In þe wyldrenesse of Wyrle [Sir Gawayn and þe grene knyzt 2006: 697–701].

In Brytayn this layea arne y-wrytt, / Fürst y-founde and forthe y-gete / Of adventures that fellen by dayes, / Wherof Brytouns made her layes [Sir Orfeo 2006: 13–16].

This king sojournd in Traciens, / That was a citè of noble defens. / (For Winchester was cleped tho / Traciens withouten no.) [Sir Orfeo 2006: 48–50].

Carles li reis, nostre emper[er]e magnes / Set anz tuz pleins ad estet en Espagne: / Tresqu'en la mer cunquist la tere altaigne. / N'i ad castel ki devant lui remaigne [La chanson de Roland 1922: 1–4].

Jo l'en cunquis Namon e Bretaigne, / Si l'en cunquis e Peitou e le Maine; / Jo l'en cunquis Normendie la franche, / Si l'en cunquis Provence e Equitaigne / E Lumbardie e trestute Romaine; / Jo l'en cunquis Baiver e tute Flandres, / E Burguigne e trestute Puillanie, / Costentinnoble, dunt il out la fiance [La chanson de Roland 1922: 2322–2328].

Возьмем в качестве примера топонимическую систему “Лондон”, которая в ХКМ Средневековья схематично представлена следующим образом: ср.-в.-нем. *Lunders z'Engelant – concilje* ‘в Лондон в Англию – верховный суд’ (Приложение 2, пр. 35). В рамках когнитивной модели пространства с топонимической составляющей актуализируются представления о средневековом Лондоне, в котором проходит высший церковный суд.

Культурно-историческое значение топонимической системы в ХКМ прослеживается в номинации итальянского города Салерно (Приложение 2, пр. 36–37), который считался крупнейшим медицинским центром средневековой Европы (ср.: ср.-в.-нем. *sô vil zuo Salerne von arzenîen meister ist* ‘хочу в Салерно к великому целителю’):

sô vil zuo Salerne / von arzenîen meister ist, / wie kumet, daz ir deheines list / ziuerm ungesunde / niht geraten kunde? [Hartmann von Aue 2006: 372–375].

Известно, что первая медицинская школа в Западной Европе возникла в IX в. в итальянском городе Салерно, в XII в. достигла особого расцвета, так что император Фридрих II (1212–1250) дал Салерно исключительное право присваивать звание врача.

Актуальным в ХКМ эпохи Средних веков является упоминание Святого града Иерусалима, ср.: ср.-англ. *Of motez two to carpe clene, And Jerusalem* <...> *Bot “cetè of God” oper “syȝt of pes”* ‘есть град и град, Иерусалим – <...> “Божий Дом” и “мир зримый”’. Для средневекового сознания характерно восприятие города в связи с именем Иоанна Крестителя (ср.-в.-нем. *der gotes sun geboren ze Bethelêhêm, der sint gemartert wart ze Jersalêm uns allen ze trôste, wander uns erlôste* ‘сын Бога, рожденный в Вифлееме, принявший во имя нашего спасения муки в Иерусалиме’, ср.-англ. *þeras baptysed þe goude Saynt Jon* ‘в Иерусалиме на Иордане крестил Святой Иоанн’) и реки Иордан (ср.-англ. *Jordan*):

In Jerusalem, Jordan, and Galalye, / þeras baptysed þe goude Saynt Jon [Teh Pearl 2006: 817–818].

bî des zîten wart der gotes sun / geboren ze Bethelêhêm, / der sint gemartert wart ze Jersalêm / uns allen ze trôste, / wander uns erlôste / ûz der freislîchen nôt, / wandern êwigen tôt / mit sînem tôde ersterbete, / den Âdâm an uns erbete [Heinrich von Veldeke 1986: 13412–13420].

Of motez two to carpe clene, / And Jerusalem hyȝt hoþe nawþeles – / þat nys to yow no more to mene / Bot “cetè of God” oper “syȝt of pes” – / In þat on oure pes watz mad at ene [Teh Pearl 2006: 949–953].

Примечательно использование в художественном тексте лексем ср.-в.-нем. *Almânje* ‘Алемания’, ст.-франц. *Alemaigne* ‘Алемания’, старого племенного названия, имплицитующего образ Германии в отличие от практиковавшегося уже в XI в. выражения ср.-в.-нем. *Diutsche lant* ‘Германия’ [Гухман 1955: 52–58]. Приведем примеры:

Treis escheles ad l'emperere Carles. / Naimes li dux puis establist la quarte / De tels barons qu'asez unt vasselage: / Alemans sunt e si sunt d'Alemaigne [La chanson de Roland 1922: 3035–3038].

Nu was ein lantmaere, / daz grôz urliuige waere / z'Almânje in dem lande. / diz seite man Tristande. / sus kêrte er wider Schampânje / dannen her z'Almânje [Gottfried von Straßburg 2001b: 18443–18448].

Исследования историков-медиевистов указывают на отсутствие вплоть до X в. названия “немецкий народ” или “немецкое (германское) государство” [Беркович 1965: 182–195; Колесницкий 1963: 190]. Возможно, тот факт, что в немецкой ХКМ Средневековья не представлена языковая единица для вербализации имени собственного Германия и используются лишь номинаций отдельных земель (в частности, ср.-в.-нем. *Doringen* ‘Тюрингия’, ср.-в.-нем. *Sassen* ‘Саксония’, ср.-в.-нем. *Schwaben* ‘Швабия’), является доказательством сепаратистских тенденций (раздробления государственных форм) в средневековой Европе [Буркхардт 2013: 85]. Приведем примеры:

als ez ouch allez gendet wart, / wie er volante sîne vart: / wie manz verswîgen solte, / daz er z'Îrlanden wolte; / wie man solte sagen maere [Gottfried von Straßburg 2001a: 7325–7329].

daz her dar nâch niht mohte komen, / unz her quam ze Doringen in daz lant, / dâ her den phalinzgrâven vant / von Sassen [Heinrich von Veldeke 1986: 13466–13469].

Вместе с тем нельзя не заметить отсутствия в немецкой ХКМ эпохи Средних веков номинативного обозначения немецкой этнической общности, что может свидетельствовать о низком уровне национального самосознания жителей средневековой Германии. Вероятно, это обусловлено сохранением элементов раннефеодального устройства (племенной обособленности и этническими различиями между областями) Германии. Отметим, что английская и французская ХКМ эпохи Средних веков включают представления об этносах, ср.: ср.-англ. *brytouns* ‘бриты’, ст.-франц. *franche* ‘франки’, ст.-франц. *franceis* ‘французы’, ст.-франц. *alemans* ‘алеманы’.

Особенно наглядно в ХКМ проецируются средневековые представления о Римской империи. Как отмечает М.Е. Беркович, формула “Римская империя” возникла к концу X в. в результате усиления королевской власти и выражала идею универсального римско-христианского государства [Беркович 1967: 239]. В ХКМ эпохи Средних веков актуализирована заложенная культурно-исторической традицией смысловая нагрузка понятия Рима как “могущественной, богатой державы”. В художественном контексте образ Рима представлен как центр всего мирового пространства: ср.-в.-нем. *to Rome richis* ‘могущественный Рим’, ср.-в.-нем. *Rôme houbestat wesen sal un der werlde umberal* ‘Рим, должно быть, столица всего земного мира’, ст.-франц. *l’aveir de Rume* ‘все богатства Рима’. Приведем примеры:

der sal vil hêrlîche leben, / wand Rôme houbestat wesen sal / un der werlde umberal [Heinrich von Veldeke 1986: 3680–3682].

Fro riche Romulus to Rome ricchis hym swupe, / With gret bobbaunce þat burȝe he biges vpon fyrst, / And neuenesn hit his aune nome hat [Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь 2006: 8–10].

Bien i ad or, matices e jacunces: / Eles valent mielz que tut l’aveir de Rume [La chanson de Roland 1922: 6378–6339].

По меткому замечанию П.М. Бицилли, «Рим поглощал все, стягивал к себе все богатства Империи, в деньгах, товарах, потреблял невероятное количество всякого рода ценностей, но сам взамен не давал ничего, кроме военной защиты» [Бицилли 2006: 30]. Внутренний смысл оценки образа Рима, хотя и неявно, находит отражение в ХКМ Средневековья. Так, в корреляции с лексемами и словосочетаниями ср.-в.-нем. *die werlt* <...> *bedwingen* ‘подчинять мир’, ср.-в.-нем. *gemachent zinshaft diu lant alliu gelîche ze rômescheme rîche* ‘как и все подвластные Риму земли обложить эту страну податью’, ср.-в.-нем. *betwünge mit craft* ‘завоевать силой’, ср.-в.-нем. *z’eigen haete* ‘получить в собственность’, выражающими явно или имплицативно ядерную сему ‘подчинять своей воле’, находят выражение не только конкретные признаки мощного государства, но и отражены существенные

принципы имперской политики Рима, при которой организация завоеванных территорий основывалась на принципе: «разделяй и властвуй»:

der sal vil hêrlîche leben, / wand Rôme houbestat wesen sal / un der werlde umberal [Heinrich von Veldeke 1986: 3680–3682].

die von dîme kunne / die werlt soln bedwingen / mit meisterlîchen dingen. / sô michel wirt ir kraft, / daz si gemachent zinshaft / diu lant alliu gelîche / ze rômescheme rîche [Heinrich von Veldeke 1986: 3684–3690].

sus kêrte er dannen zehant / und nam von den maeren, / den gewaltigen Rômaeren / urloup unde botschaft, / swaz er betwûnge mit craft, / daz er daz z'eigen haete / und ouch in dâ von taete / eteslîch reht und êre [Gottfried von Straßburg 2001a: 5904–5911].

Топоним ср.-в.-нем. *Rôme* тесно переплетается с цепочкой лексем ср.-в.-нем. *elliu rîche* ‘вся империя’, ср.-в.-нем. *elliu lant* ‘все страны’ и, прежде всего, ср.-в.-нем. *der werlde umberal* ‘во всем мире’, образуя тем самым ключевой семантической комплекс, актуализирующий в сознании носителей средневековой культуры могущественный образ Рима. И, несмотря на то, что Великая Империя пришла в упадок, образ Рима сопряжен в ХКМ Средневековья с великой державой. Как справедливо замечает С.С. Аверинцев, «даже на Западе Римская империя перестала существовать «всего лишь» в действительности, в эмпирии, - но не в идее. Окончив реальное существование, она получила взамен «семиотическое» существование» [Аверинцев 2005: 64].

Анализ топонимов показывает, что в ХКМ Средневековья проецируется коллективное восприятие географических реалий в художественных образах. Актуализация топонимов обусловлена жанровой и идейной детерминированностью художественных текстов. Обзор топонимов свидетельствует, что актуальными для когнитивного сознания носителей средневековой культуры являются названия стран, государств, территорий имеющих политическое и экономическое влияние, а также имена собственные городов, крупных центров стратегического значения. Как

правило, имена собственные географических реалий обладают в художественном тексте сложной семантической парадигмой, состоящей из основного образа и социо- и этнокультурных коннотаций, отражающих особенности освоения и восприятия мира носителями средневековой культуры. Топонимическая система в ХКМ Средневековья представляет собой особым образом организованный фрагмент пространства, отличительными чертами которого являются: 1) фиксация топонимического пространства по проекции микро- и макромира; 2) иерархизация топонимического пространства (доминирующий образ Рима); 3) наполнение топонимических моделей идейно-ценностным и этнокультурным смыслом.

Выводы по главе 2

Когнитивная модель пространства в ХКМ Средневековья реконструируется на основании наивно-физических представлений о мире и выражается комплексом разноуровневых средств (схема 2). Пространство концептуализируется как универсум, в структуру которого входит реальное (объективно существующее) пространство и сакральное пространство. Вербализация пространственных представлений языковыми средствами отражает, с одной стороны, универсальные параметры категоризации и концептуализации пространства, детерминированные сложившейся в средневековой Европе системой представлений и знаний о мире. С другой стороны, структура и содержание когнитивной модели пространства в ХКМ Средневековья демонстрирует социо- и этноспецифические особенности восприятия мира носителями конкретной лингвокультуры.

Структура когнитивной модели пространства выстраивается на ключевых для средневековой культуры категориях, представленных в ХКМ в виде оппозиций: “сакральный мир” – “земной мир”, “инфернальный мир” – “земной мир”, “верх” – “низ”, “свой” – “чужой”.

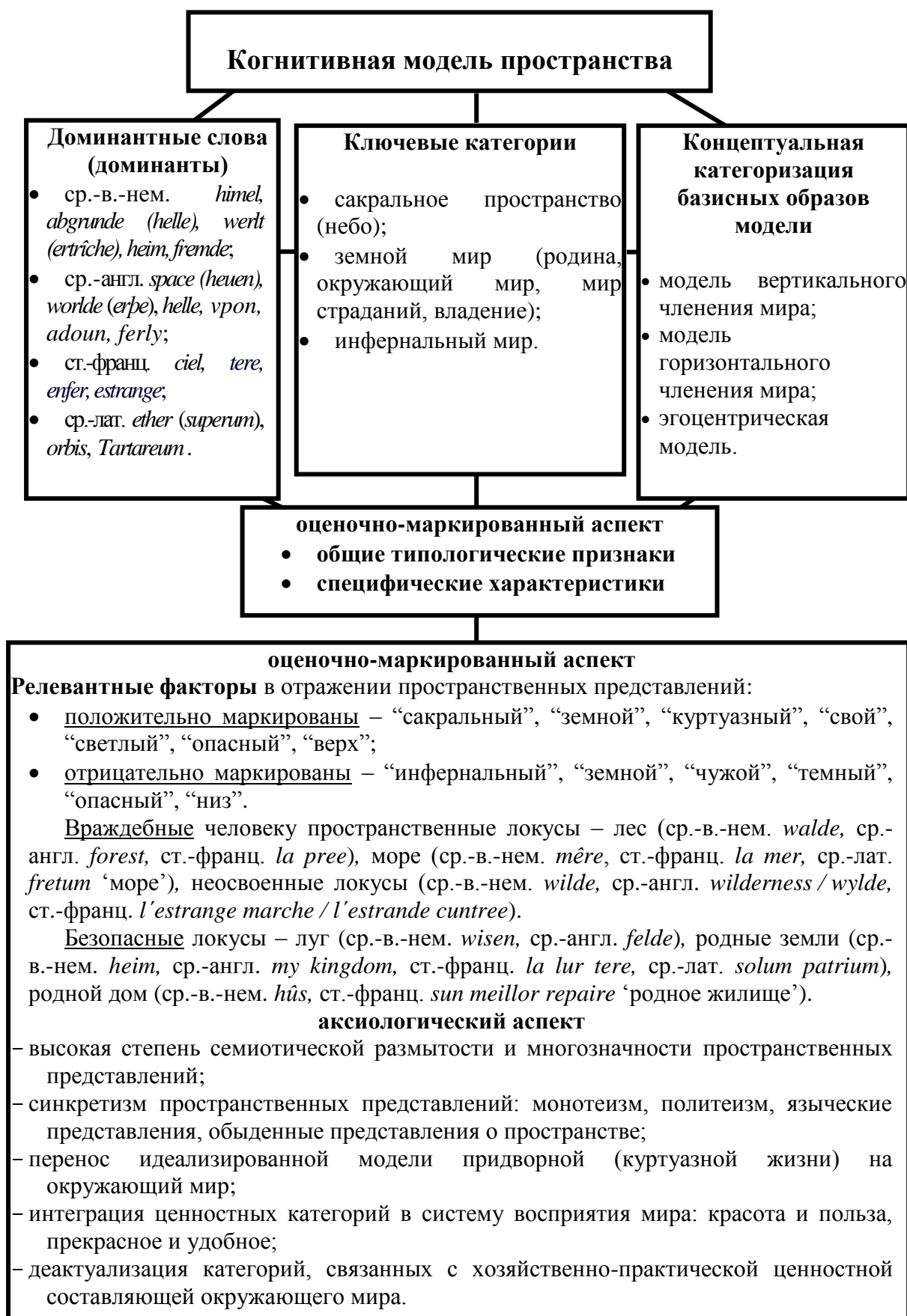

Схема 2. Когнитивная модель пространства

Образ вертикального членения мира выражается в когнитивной модели пространства схемой: “мир божественных сущностей” – “земной мир” – “инфернальный (подземный) мир”. Структура пространства в проекции горизонтального членения представлена в виде эгоцентрической схемы: “микромир” (“свое пространство”) и “макромир” (пространство за пределами срединного мира, “чужое пространство”).

Одним из универсальных параметров категоризации пространства в ХКМ эпохи Средних веков является социоэтническая идентичность. Ориентирами в системе координат “свой” – “чужой” в когнитивной модели пространства являются: 1) идентификация “себя” (собственно своей этно- и социогруппы) через противопоставление “чужим” (другим этно- и социогруппам); 2) выявление специфических признаков и свойств, характерных для “своего – чужого пространства”. В осознании и освоении пространства в ХКМ эпохи Средних веков проявляются особенности отражения носителями средневековой культуры объективной реальности, опосредованные общностью психического уклада социо- и этнокультурной группы (в частности, немецкого, французского и английского рыцарства).

В когнитивной модели пространства выделяются топонимические номинации крупных и известных географических объектов земного пространства – названия стран, городов, местностей. Они выражаются в ХКМ Средневековья, как правило, в терминах цели, прежде всего, в направлениях передвижения и определения местонахождения. Названия объектов на локальном уровне в отличие от топонимов макромира становятся релевантными лишь в некоторых случаях. С нашей точки зрения, такое соотношение рекуррентности топонимов обусловлено, с одной стороны, тем, что географические реалии микромира не являются значимыми для человека в когнитивном плане, хотя и являются важнейшим звеном, связывающим его с окружающим миром и обществом в целом. Когнитивную ценность для средневекового человека составляют те пространственные категории и “выразительные” топосы, которые несут определенную

смысловую нагрузку и становятся отчетливым ориентиром в пространстве средневекового мира.

ГЛАВА 3. Особенности языковой репрезентации когнитивной модели пространства в художественной картине мира Средневековья

3.1. Особенности языковой объективации сакрального пространства

Неиссякаемый интерес исследователей к космологической теме обусловлен ее глубиной и универсальностью, так как, по словам Т.В. Топоровой, космогоническая концепция лежит в основе представлений о возникновении мира, структуры мира, об истоках сущего [Топорова 1999: 252].

Понятие “небо” (ср.-в.-нем. *himele* / ср.-англ. *space (heuen)* / ст.-франц. *ciel* / ср.-лат. *ether*) в средневековой культуре аккумулирует ценностно-значимые религиозные доминанты: “священный”, “духовно и нравственно совершенный”, “божественный”. Учитывая это, можно предположить, что в ХКМ Средневековья существует сверхъестественный мир, мир высших сущностей. Об этом свидетельствует, например, этимология слова ср.-в.-нем. *himele*. В сознании германцев небо сопоставлялось с горою и представлялось ими в виде каменного купола: праиндоевроп. **akmon* в значении ‘камень’, санскр. *aṣṭan* – ‘небо’, греч. *akmon* – ‘наковальня’; *Berg* – ср.-в.-нем. *berc*, д.-в.-н. *berg*, ср. гот. *bairgahei (Gebirgslandschaft)* ‘горный ландшафт’, и.-е. корень **bher^{gh} – erhoben*, что значит ‘вверх к небу’ [Mackensen: 68]. В этимологических словарях под редакцией Дудена и Варига мы находим подтверждение сопоставления неба с горою: *Himmel* – д.-в.-н. *himil*, англ. *heaven* < герм. **hemina* – < и.-е. **kemenō-*; **kem – bedecken, verhüllen* ‘накрывать’, и.-е. **kamen – stein* ‘камень’ [Wahrig 1997: 636–637, Duden 2001: 338].

Универсум сакрального мира представлен в ХКМ Средневековья как некое метафизическое пространство – “мир бытия божественных сущностей”. Однако совокупность выделенных языковых единиц в корпусе анализируемых художественных текстов обнаруживает свою индивидуальную специфику и четко отражается на семантико-контекстуальном уровне. Так, например, в схеме “взаимоотношения богов-

небожителей” находят отражение представления о брачно-семейных и нравственно-психологических отношениях между мужчиной и женщиной в проекции светской модели средневекового общества. При этом важно отметить несомненное сходство близких взаимоотношений небожителей со сложившейся в XII–XIV вв. куртуазной моделью отношения мужчины благородного происхождения к придворной даме, в частности, рыцаря и Прекрасной Дамы. Сочетание выражения ср.-в.-нем. *ir willen ze tûne* ‘покориться воле’ и глагола ср.-в.-нем. *volgen* ‘следовать’ в высказываниях ср.-в.-нем. *her was der frouwen vil gereit ir willen ze tûne* ‘бог был готов покориться воле женщины’ и ср.-в.-нем. *dô her ir wolde volgen* ‘он хотел следовать ей’ ассоциируются с общепринятой формой поведения рыцаря в придворном обществе: почитание Прекрасной Дамы, поклонение ей (Приложение 2, пр. 40). Об этом свидетельствуют также фрагменты из средневековых английских и французских произведений: ст.-франц. *Jo t'en durai mult esforcet eschange* ‘я вам воздам заменю достойной’; ср.-англ. *And heȝly honowred with hapelez aboute* ‘но все с почтением великим пред ней склонялись’; ср.-англ. *Be maystrés of Merlyn mony hatz taken - For hatz dalt drwry ful dere sumtyme <...> Morgne þe goddess* ‘много волшебных тайн ей Мерлин поведал, когда слепая любовь их связала <...> с Богиней Морганой’. Приведем примеры:

As li Alde venue, une bele damisele. / <....> Carles en ad e dulong pesance, / Pluret des oilz, turet sa barbe blanche: / Soer, cher'amie, de hume mort me demandes: / Jo t'en durai mult esforcet eschange [La chanson de Roland 1922: 3708–3713].

Ho ches þurȝ þe chaunsel to cherche þat hende. / An oper lady hir lad bi þe lyft honde, / þat watz alder þen ho, an auncian hit semed, / And heȝly honowred with hapelez aboute [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 946–949].

Pe maystrés of Merlyn mony hatz taken – / For hatz dalt drwry ful dere
sumtyme / With þat conable klerk, þat knowes alle your knyȝtez / at
hame; / Morgne þe goddess [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 2448–2452].

Весьма показателен в этом отношении пример корреляции имен собственных божеств с именами нарицательными, ср.: ср.-в.-нем. *hêre Mars* ‘господин Марс’ и ср.-в.-нем. *frouwen Vênûse* ‘госпожа Венера’ (ср.-в.-нем. *Vênûs diu gotinne, die frowe is uber die minne* ‘богиня Венера, госпожа любви’); ср.-англ. *King Pluto* ‘повелитель (бог) Плутон’. В сочетаемости этих номинаций проявляется специфика куртуазной культуры (*courtoisie*), а именно: бог – ср.-в.-нем. *her*, ср.-англ. *king* коррелируют в значении ‘господин’, ‘мужчина благородного происхождения’, женщина – ср.-в.-нем. *frouwe* ‘госпожа’, ‘женщина знатного рода, ‘повелительница’. Приведем два примера:

Volcânûs ir man / der weste wol âne spot, / daz hêre Mars des wîges got / bî
frouwen Vênûse lach [Heinrich von Veldeke 1986: 5624–5627].

diu gotinne Pallas / worhten zeiner zîte / wider Arânjen ze strîte, / dô si sich
wider ir vermaz / beide gelobeten sie daz / umb den hêrlichen vanen, / sweder ir
beste worhte drane, / daz su het immer die meisterschaft. / dâ hûb sich michel
vîentschaft / enzwischen den gotinnen [Heinrich von Veldeke 1986: 5804–5813].

Важно отметить, что в структуру модели сакрального пространства интегрированы элементы политеистического мировосприятия, базирующиеся на понимании пространства как неоднородного, иерархического царства высших сил. Приведем в качестве примера фрагмент текста на средневековой латыни, в котором актуализированы имена богов древнегреческого пантеона (ср.-лат. *si Bacho Venerique uacas, qui cetera subdis, sub iuga uenisti* ‘если соблазнов других избежав, Венере и Вакху все же предашься’):

Si Bacho Venerique uacas, qui cetera subdis, / Sub iuga uenisti: periit delira
uacantis / Libertas animi. Veneris flagrante camino [Galteri de Castellione 1978:
167-169].

Однако, как будет видно из дальнейшего анализа, в ХКМ Средневековья разворачивается образ сакрального пространства как “царства единого вездесущего Бога”, ср.: ср.-в.-нем. *iu got in dem êwigen rîche* ‘наш Господь в царствии вечном’, ср.-в.-нем. *got von himele* ‘Бог на небесах’, ср.-в.-нем. *got in sînen himelkoeren* ‘Господь в небесных хоралах’, ср.-англ. *þe kingdom of God* ‘царство Божие’, ср.-англ. *Jesus <...> heuenryche* ‘Иисус <...> Град Небесный’, ст.-франц. *le ciel <...> Deu* ‘к небесам <...> Бога’ (Приложение 2, пр. 41–43). Приведем наиболее яркие примеры:

Cuntre le ciel amsdous ses mains ad juinz, / Si priet Deu que pareïs li duinst
[La chanson de Roland 1922: 2240–2241].

The court of þe kingdom of God alyue / Hatz a property in hytself being [Sir
Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 445–446].

»vrouwe, genâde unde gemach / und helfe, die ir mir habet getân, / die lâze
iu got ze staten gestân / in dem êwigen rîche! / ir habet sô saeleclîche / mit mir
geworben und sô wol, / daz es iu got iemer lônren sol« [Gottfried von Straßburg
2001a: 8164–8171].

Употребление морфологических значений слова ср.-в.-нем. *got* в формах ед. ч. и мн. ч. (*got / gote*) и ст.-франц. *deu / li deu* предполагает идею “единичности” / “множественности” данного референта в ХКМ эпохи Средних веков. На наш взгляд, грамматическая категория слова ср.-в.-нем. *got*, ст.-франц. *deu / li deu* представляет собой не просто оппозицию значений категории числа, но и во многом позволяет разграничить семантически различные варианты языковой единицы как противопоставленных сущностей (монотеизм – политеизм, христианство – язычество):

Li nostre deu i unt fait felonie, / Ki en bataille oi matin le faillirent [La
chanson de Roland 1922: 2600–2601].

Ênêas, (sprach her) sun mîn, / desn mach ander rât sîn, / wandez wellent die
gote. / nû volge ir gebote [Heinrich von Veldeke 1986: 2595–2598].

Dô sprach aber mêre / Ênêas der hêre / ›got gebiete û daz ir wol tût, / wande disiu borch is gût, / die uns got hie hât bescheret. / sie is immer erweret / vor storme und vor mangel [Heinrich von Veldeke 1986: 5961–5967].

Так, формальным показателем разграничения ср.-в.-нем. *got* и *gote* в немецкой ХКМ эпохи Средних веков становятся лично-притяжательные и возвратно-притяжательные местоимения, выступающие по отношению к лексемам ср.-в.-нем. *got / gote* в препозиции, ср.: ср.-в.-нем. *unser* <...> *gote* ‘наши <...> боги’, ср.-в.-нем. *iu got* ‘ваш бог’, ср.-в.-нем. *bî sînem gote* ‘своему богу’. Очевидно, что данные местоимения в атрибутивной позиции к ср.-в.-нем. *got* реализуют дифференциальный признак ‘многобожие’. Этот свидетельствует о существовании в представлениях средневекового человека о мире “пантеона” богов, которое подчеркивается в грамматической определенностью номинации Бог во мн.ч. (Приложение 2, пр. 44–47). Отметим, что в тексте средневекового французского романа «Песнь о Роланде» сочетание лично-притяжательного местоимения ст.-франц. *vostre* ‘ваши’ с лексемой ст.-франц. *deu* (ст.-франц. *Ja vostre deu ne vos erent guarant* ‘вас боги ваши не спасут уже’) также отражает представления носителей французской культуры о наличии множества богов. Приведем пример:

Ja vostre deu ne vos erent guarant. / Carles est fiers e si hume vaillant [La chanson de Roland 1922: 3514–3515].

Как кажется, “распределение” рассматриваемых слов в лексико-грамматических моделях является следствием их семантических различий: оппозитивная значимость ср.-в.-нем. *gote / got*, а также ст.-франц. *deu / li deu* переносится с лексем на семантически дифференциальные признаки “множественности” – “единичности” и семантическую оппозицию “языческий” (ср.-в.-нем. *ze êren opherde [den goten]* ‘в честь [богов] принес жертву’, ст.-франц. *Ki par noz Deus voelt aveir guarison, sis prit e servet par grant affliction!* ‘Кто от богов ждет помощи в сраженье, тот помолиться должен им смиренно’, ср.-лат. *et quia Mars sine me belli discrimen abhorret* ‘богов победить и унижить, Марс без меня избегает войны, с ними битвы

страшится’) – “христианский” (ст.-франц. *il guerpirat ses deus, e tuz ses ydeles que il soelt adorer, si recevrat sainte chrestientet* ‘он отречется от своих богов и перейдет в святой Христов закон’ (Приложение 2, пр. 48). Приведем примеры:

Posse capi ex facili rursusque lacesere temptant. / Et quia Mars sine me belli discrimen abhorret, / Consilio Iouis et superum, licet ipse reluctet [Galteri de Castellione 1978: 414–417].

Ki par noz Deus voelt avoir guarison, / Sis prit e servet par grant affliction! [La chanson de Roland 1922: 3271–3272].

Даже беглый взгляд на языковую репрезентацию Бог / боги в когнитивной модели пространства по линии определенности / неопределенности, множественности / единичности) выявляет дихотомичность восприятия означаемого в ХКМ эпохи Средневековья (Приложение 2, пр. 48–54).

Изучение системных и функциональных свойств номинации боги позволило выявить очевидный отличительный признак ‘языческий’, ‘нехристианский’, отражающий специфику денотата. В семиотическом плане языковые единицы, репрезентирующие ритуальные действия, выступают как форма выражения мифологического сознания: ср.-в.-нем. *ein opher machete* ‘принес жертву’, ср.-в.-нем. *[gote] zêren und holden* ‘почитать [богов] и получить благословление’, ср.-в.-нем. *ze êren opherde [den goten]* ‘в честь [богов] принес жертву’, ср.-лат. *diuinos rimare apices, mansuesce rogatus* ‘волю богов изучай, молящим оказывай помощь’. Приведем примеры:

Dô her geredete alsô, / dô wordens alle vile frô. / ir leides sie vergâzen, / niht langer sie ne sâzen, / schiere sie ûf sprungen, / si spilden unde rungen / und opherden ir abgoten. / daz wart in allen geboten, / daz si alsô tâten / und die gote bâten, / daz sis mûsten gewalden / unde in hulfen behalden / daz lant dâ si wâren an [Heinrich von Veldeke 1986: 3815–3827].

Diuinos rimare apices, mansuesce rogatus [Galteri de Castellione 1978: 179].

Весьма показателен с точки зрения их семиотической дифференциации характер сочетаемости лексем ср.-в.-нем. *gote* и ср.-в.-нем. *got* с препозитивными прилагательными ср.-в.-нем. *oberst* ‘высший’, ср.-в.-нем. *hōst* ‘верховный’, ср.-в.-нем. *niderst* ‘низший’, ср.-в.-нем. *nider* ‘низкий’:

Sun, ez is dir gût vernomen, / dorch daz ich her ûf bin komen / ûz der helle ûf daz lant. / die gote habent mich gesant, / der niderste und der hōste. / ich quam dir her ze trōste [Heinrich von Veldeke 1986: 2551–2556].

Детализация божественных сил с помощью атрибутов, маркирующих их пространственное положение, свидетельствует об иерархической особенности организации сакрального пространства. По-видимому, в ХКМ Средневековья сакральное пространство представляет собой иерархически организованную модель, а точнее говоря, проекцию социальной стратификации средневекового общества на мир идеальных сущностей. Насколько можно судить, для категоризации высшего и низшего уровней божественных сил служат следующие лексико-семантические оппозиции: ср.-в.-нем. *oberst*, *hōst* (*hō(ch)*) ‘высший (высокий)’ / ср.-в.-нем. *niderst* (*nider*) ‘низший (низкий)’; ср.-в.-нем. *got* ‘Бог’ / ср.-в.-нем. *gote* (*abgote*) ‘ложные боги (идолы)’; ср.-в.-нем. *got* ‘бог’, ср.-в.-нем. *engel* ‘ангел’ / ср.-в.-нем. *valant* (*tiuvel*) ‘дьявол’, ср.-в.-нем. *hellegeiste* ‘призраки ада’; ср.-англ. *sayntez* ‘святые’, ср.-англ. *legyouines of aungelez* ‘сонм ангелов’ / ср.-англ. *deuele* ‘дьявол’; ст.-франц. *deu* ‘Бог’ / ст.-франц. (*li*) *deu* ‘языческие боги’; ст.-франц. *deu* ‘Бог’, ст.-франц. *d’angele* ‘ангел’ / ст.-франц. *diabes* ‘дьявол’ (Приложение 2, пр. 50–61).

В целом, однако, можно отметить, что образ небесного царства Божия и образ сверхъестественного мира (мира небожителей) разведены в ХКМ эпохи Средних веков. Как следует из контекстуального анализа, единственным, абсолютно истинным образом небесного царства в представлениях средневекового человека является, согласно христианской доктрине, царство единого Бога, которое актуализировано следующими номинациями: ср.-в.-нем. *himelrîche* ‘царство небесное’, ср.-в.-нем. *himel*

‘небо’, ср.-англ. *space* ‘небо’, ср.-англ. *heuenryche* ‘Град Небесный’, ср.-англ. *godes y-hold* ‘владения Бога’, ср.-англ. *kyngdom of God* ‘Божье царство’, ст.-франц. *le ciel* ‘небо’. Необходимое представление об этом дают контексты анализируемых произведений. Так, лексема ср.-в.-нем. *himel*, дериваты и сложные слова с компонентом **himel*- релятивны к существительному ср.-в.-нем. *got* ‘Бог’: *ze gote* <...> *ze himel* ‘к Богу <...> к небу’, *got* <...> *in sînen himelkoeren* ‘Бог <...> в небесных хорах’, *got von himele* ‘Бог с неба’, *von allem himelischen her* <...> *got* ‘всего небесного войска <...> Бог’. Лексема ср.-англ. *lord* в значении ‘Бог’ в сочетании с номинациями ср.-англ. *holy place* ‘святое место (святилище)’ и ср.-англ. *hulle* ‘высота (холм)’ имплицитно связывает небесный мир с царством Божиим, ср.: ср.-англ. *Lorde, quo schal klymbe þu hyȝ hulle*, ср.-англ. *oper rest withinne þu holy place* ‘кто, Боже, под Твоею сенью обрящет мир высот Твоих’. Образ царства единого Бога на небесах находит отражение в средневековом французском романе. Важным вектором представляется контекстуальное сочетание глаголов с семантическим признаком ‘вверх’ и номинациями ст.-франц. *Deu* ‘Бог’, ст.-франц. *le ciel* ‘небесный град’, ср.: ст.-франц. *cuntre le ciel amsdous ses mains ad juinz* <...> *Deu que pareïs li duinst* ‘и руки к небесам простер <...>, чтоб в рай пустил его Господь’ (см. Приложение 2, пр. 62–80). Приведем в качестве иллюстрации несколько примеров:

Cuntre le ciel amsdous ses mains ad juinz, / Si priet Deu que pareïs li duinst
[La chanson de Roland 1922: 2240–2241].

Lorde, quo schal klymbe þu hyȝ hulle, Oper rest withinne þu holy place
[Teh Pearl 2006: 679–680].

Для демонстрации высокой оценки божественного статуса в ХКМ эпохи Средних веков используется ряд атрибутов, наименований-эпитетов Бога: ср.-в.-нем. *got der rîche* ‘могущественный Бог’, ср.-в.-нем. *vil sîezer got* ‘милостивый Бог’, ср.-в.-нем. *got der guote* ‘добрый Бог’, ср.-в.-нем. *dicke got* ‘великий Бог’, ср.-в.-нем. *genaedeclîcher trethîn* ‘милостивый Господь’, ср.-в.-

нем. *gewaltiger Krist* ‘могущественный Христос’, ср.-англ. *He, blybest, and moste to pryse* ‘Он (Господь) блажен, выше всех похвал и слав’, ср.-англ. *hes lokez symple, himself so gen* ‘Он был спокоен, величав’, ср.-англ. *my Lorde* <...> *is þe grounde of alle my blysse* ‘мой Господин – источник благ’, ст.-франц. *de deu le glorius* ‘преславный Бог’. Приведем примеры:

»â!« *dâhte er* »hêrre trehtîn, / *diz mac wol dîn genâde sîn.* / «*ist Tristan, also ich hân vernomen, / alsus ze Curnewâle komen, / sô ist er rehte komen hin heim; / wan Marke der ist sîn oeheim. / dâ wîse mich hin, sûezer got! / â hêrre got, durch dîn gebot / du lâ mir noch sô wol geschehen, / daz ich Tristanden müeze sehen!* [Gottfried von Straßburg 2001a: 3835–3844].

Þe sauter hyt satz þus in a pace: / “Lorde, quo schal klymbe þy hyz hylle, / Oþer rest withinne þy holy place?” [Teh Pearl 2006: 716–720].

E dist al rei: Salvez seiez de Deu / Li Glorius, qui devum aurer! [La chanson de Roland 1922: 428–429].

Посмотрим с этой точки зрения на тематически релевантные языковые единицы, коррелирующие в контексте с доминантой Бог: ср.-в.-нем. *an gotes güete ergeben* ‘отдаваться на милость Бога’, ср.-в.-нем. *hêrre got, durch dîn gebot lâ mir noch sô wol geschehen* ‘в заповеди, Господи, воля твоя, яви мне благо’, ср.-в.-нем. *ergap si gotes segene* ‘уповала на милость Господа’, ср.-в.-нем. *gotes wille müeze* <...> *geschehen* ‘да исполнится воля Божья’, ср.-англ. *God hatz geuen vus his grace godly* ‘в том милость Бога’, ср.-англ. *if God me let wolde* ‘если сподобит Господь’, ср.-англ. *þe grace of God is gret innogh* ‘у Бога милостей довольно’, ср.-англ. *to pay þe Prince oþer sete sazte* ‘за милость Господа плати’, ст.-франц. *salvez seiez de Deu Li Glorius, qui devum aurer* ‘пусть Вас хранит Господь, преславный, чтимый всеми Бог’, ст.-франц. *Deus li otreit la sue seinte beneïcun* ‘да ниспошлет ему прощение Бог’ (Приложение 2, пр. 81–85). Очевидно в данном случае и то, что глаголы с семантической валентностью ‘адресующийся к Богу’ в контекстуальном взаимодействии включают специфический дифференциальный признак ‘покорность, смирение’, который предполагает установку на демонстрацию

дистанцированного типа отношений “человек – Бог”. Приведем в качестве примеров следующие фрагменты:

wan gedenkestû an sîn gebot? / jâ gebôt er unde bater <...> [Hartmann von Aue 2006: 640–641].

To þay þe Prince oper sete saȝte / Hit is ful epe to þe god Krystyn [Teh Pearl 2006: 1201–1202].

And þat is restored in sely stounde; / And þe grace of God is gret innogh [Teh Pearl 2006: 659–660].

Deus li otreit la sue seinte beneïcun! [La chanson de Roland 1922: 2245].

Бог предстает согласно важнейшему догмату христианской этики в трех образах – Бог-Отец (ср.-в.-нем. *got hêrre* ‘Господь Бог’, ср.-англ. *god* ‘Бог’, ср.-англ. *Dryȝtyn* ‘Господь’, ст.-франц. *Deu* ‘Бог’), Бог-Сын (ср.-в.-нем. *der gotes sun* ‘Божий Сын’, ср.-в.-нем. *der vil tughafte Crist* ‘добродетельный Иисус’, ср.-в.-нем. *herr Jêsû Krist* ‘Иисус Христос’, ср.-англ. *Krist (Jesu Kryst)* ‘Иисус Христос’, ст.-франц. *chrestiens* ‘Иисус Христос’) и Бог-Святой Дух (ср.-в.-нем. *der heilige geist* ‘Святой Дух’). С другой стороны, нельзя не заметить, что в ХКМ эпохи Средних веков явственно отражается сопряжение трансцендентного начала и веры в реальное существование Духовного Царства и Бога (Приложение 2, пр. 86–90). Приведем в качестве иллюстрации несколько примеров:

sô lâzet mich kêren / zunserm herren Jêsû Krist, / der gnâde alsô stæte ist, / daz si niemer zegât [Hartmann von Aue 2006: 806–809].

si jâhen, daz der heilic geist / der rede wære ir volleist [Hartmann von Aue 2006: 863].

Of courtaysye, as saytz Saynt Poule, / Al arn we membrez of Jesu Kryst [Teh Pearl 2006: 457–458].

The court of þe kyndom of God alyue / Hatz a property in hytself beynȝ: / Alle þat may þerinne aryue / Of alle þe remeis quen oper kyng, / And never oper ȝet schal deþryue [Teh Pearl 2006: 445–449].

Vos le sivre a la feste seint Michel: / Si recevrez la lei de chrestiens, / Serez ses hom par honur e par ben [La chanson de Roland 1922: 37–39].

Закономерно и то, что в анализируемых романах и поэмах прослеживаются реминисценции из Священного Писания, ср.: ср.-в.-нем. *ir sît von gotes kinde* ‘вы – дети Бога’; ср.-англ. *in sample he can ful grayþely gesse and lyknez hit to heuen lyzte* ‘Господень дом есть вертоград среди полей, а сам Господь – хозяин в нем’, ср.-англ. *whider thou gost, ichil with thee, and whider Y go, thou schalt with me* ‘Куда б ни шла ты – я с тобой. Куда б ни шел я – ты со мной’, ср.-англ. *In Jerusalem, Jordan, and Galalye, þeras baptysed þe goude Saynt Jon* ‘в Иерусалиме, на Иордане крестил Креститель, пришел к Предтече’ (Приложение 2, пр. 91–95). Приведем примеры:

»gentil rois, / edeler künic curnewalois, / ir und iur gesinde / ir sît von gotes kinde / iemer gebenedîet!« [Gottfried von Straßburg 2001a: 3355–3659].

As Mathew melez in your messe / In sothfol gospel of God almyzt: / In sample He can ful grayþely gesse And lyknez hit to heuen lyzte [Teh Pearl 2006: 497–500].

Важным для рассмотрения онтологического аспекта категории значения ‘реальный’ по отношению к Богу является семантический анализ лексем, отображающих в ХКМ эпохи Средних веков сферы, данные в непосредственных ощущениях, а не постигаемые умозрительно. Именно на базе этих слов формируется представление о Боге как о конкретном или реально существующем референте. В корреляции лексемы *got* с глаголами, обозначающими действия, редуцируется модус “нереальности” Бога, т.к. эти вербальные репрезентанты служат средством указания на объект действительности как объективной данности: ср.-в.-нем. *gân* ‘идти’, ср.-в.-нем. *ringen* ‘вести бой’, ср.-в.-нем. *vehete* ‘сражаться’ (ср.-в.-нем. *got selbe, der mit mir sol gân ze ringe und ouch ze vehete* ‘сам Бог пойдет со мной, чтобы вести бой и сражаться’), ср.-в.-нем. *gesigen* ‘побеждать’, ср.-в.-нем. *sigelôs beligen* ‘пасть побежденным’ (ср.-в.-нем. *got muoz binamen mit mir gesigen oder mit mir sigelôs beligen* ‘Бог должен победить со мной или со мной падет

побежденным»), ср.-в.-нем. *beschirmen* ‘защищать’, ср.-в.-нем. *behuoten* ‘оберегать’ (ср.-в.-нем. *got der guote beschirmete unde behuote sîn edelkeit und ouch sîn kint* ‘милосердный Бог оберегал и защищал его честь и детей его’), ср.-в.-нем. *riten* ‘ездить верхом’ (ср.-в.-нем. *got unde reht diu riten dô in <...> ir vînden ze valle* ‘Бог и честь устремились на конях <...> на гибель врагов’ (Приложение 2, пр. 96–99). Приведем примеры:

iuwer lant und iuwer liute, / an den ich mich verlâzen hân. / got selbe, der mit mir sol gân / ze ringe und ouch ze vehte, / der bringe reht ze rehte! / got muoz binamen mit mir gesigen / oder mit mir sigelôs beligen / der walte es unde mûeze es pflegen!« [Gottfried von Straßburg 2001a: 6776–7683].

»sît daz ez danne an dise vrist / und her ze mir behalten ist, / wil’s danne got gerouchen, / sô wil ich versuochen, / ob iu got habe ûf geleit / an mir dekeine saelikeit / und ob ich selbe iht saelden habe.« [Gottfried von Straßburg 2001a: 6235–6241].

Анализ языкового материала средневековых английских и французских романов позволил выявить сходные представления носителей данных культур о Боге, ср.: ст.-франц. *Deus tut mal te tramette* ‘Бог тебя накажет’, ст.-франц. *Deus le guarit, qu’el cors ne l’ad tuchet* ‘но тела не задел – не дал Господь’, ср.-англ. *two men to saue is God – by skylle* ‘Бог двоих спасает, не по снисхождению’, ср.-англ. *a God, a Lorde, a frende ful fyin* ‘Господь мне Бог и друг равно’ (Приложение 2, пр. 100–102). Приведем пример:

Lez le costet li conduist sun espïet. / Deus le guarit, qu’el cors ne l’ad tuchet. / La hanste fruisset, mie n’en abatiet [La chanson de Roland 1922: 1315–1317].

Здесь, с нашей точки зрения, кроется противоречие в религиозном восприятии Бога средневековым человеком: несмотря на старания теологов и церкви утвердить положение о духовном, бестелесном характере Бога, языковой материал немецких, английских и французских текстов свидетельствует об актуализации в средневековом сознании мифопоэтического образа Бога (точнее говоря, репрезентации Бога) в его

доподлинной реальности. Особенностью языкового отражения Бога является также характер светского начала, который находит имплицитное отражение в виде интегрального признака ср.-в.-нем. *hof** ‘придворный’:

in dîsen dingen haete Îsôt / einen list ir herzen vür geleit / vil verre ûf gotes höfscheit [Gottfried von Straßburg 2001б: 15550–15553].

Сочетаемость лексемы ср.-в.-нем. *got* с *höfscheit* (ср.-в.-нем. *gotes höfscheit* ‘рыцарское благородство Бога’) дает возможность вычленить не только семантический компонент ‘светский’, но и коннотативный признак ‘куртуазный’, точнее говоря, ‘рыцарский’. Наряду с семантическим признаком ср.-в.-нем. *hof* можно выделить ряд альтернативных обозначений феномена “светский” в содержании понятия ср.-в.-нем. *got* ‘Бог’. К их числу относятся ключевые для рыцарской ментальности категории – ср.-в.-нем. *reht* ‘честь’, ср.-в.-нем. *strît** ‘воинственный’, ср.-в.-нем. *ritter** ‘рыцарский’ (ср.-в.-нем. *got unde reht* <...> *Tristandes strîtgesellen* ‘бог и честь <...> боевые соратники Тристана’, ср.-в.-нем. *got* <...> *ze ritterlîchem rehte* ‘бог <...> для рыцарской чести’:

ich selbe spriche ez ouch dat zuo: / >>got unde reht, wâ sint sî nuo, / Tristandes strîtgesellen? / ob s’im iht helfen wellen, / des nimt mich michel wunder [Gottfried von Straßburg 2001a: 6979–6983].

>>wâ geschuof ie got figure baz / ze ritterlîchem rehte?<< [Gottfried von Straßburg 2001б: 11204–11205].

Ценностным признаком понятия “Бог” является ментальное образование “милостивый Бог”: ср.-в.-нем. *süezer hêrre got* дословно ‘милостивый господин Бог’, ст.-франц. *pur Deu* ‘всеблагой Господь’, ср.-англ. *in Godez grace* ‘по милости Божьей’. Носителями таких качеств являются действия или реализованные потенции к действиям, которые маркируются в языке глаголами или номинативно-глагольными сочетаниями, типа ср.-в.-нем. *sich erbarmen* ‘сжалиться’, ср.-в.-нем. *lônen* ‘вознаграждать’, ср.-в.-нем. *helfe waere* ‘оказал помощь’, ср.-в.-нем. *gehalten* ‘сохранять’, ср.-в.-нем. *genaedeclîche bedâht hât* ‘одарил милостью’, ср.-в.-нем. *genâden bist*

‘милостив’, ср.-в.-нем. *genâde und güete noch begâst* ‘яви милость и доброту’, ст.-франц. *pur Deu vos pri, ne vos cuntrialiez* ‘пусть всеблагой Господь от ссоры вас сохранит’, ст.-франц. *de tei ait Deus mercit* ‘пусть Господь тебя простит’, ср.-англ. *God hatz geuen vus his grace godly for soþe* ‘Господь оказал милость’, ср.-англ. *ne worþe no wrathþe vnto my Lorde* ‘Бог да простит мне’, ср.-англ. *to Hym þat matz in synne rescoghe* ‘Его (Бога) просите, если больно’, ср.-англ. *for þe grace of Go dis gret inoghe* ‘у Бога милостей довольно’ (Приложение 2, пр. 103–116). Приведем несколько примеров:

»ei« sprach er »got der rîche, / sô rîche dû genâden bist, / sô vil güete als an dir ist, / vil süezer got, sô bite ich dich, daz dû genâde wider mich und dîne güete noch begâst <...>« [Gottfried von Straßburg 2001a: 2490–2495].

Amis Rollant, de tei ait Deus mercit! / Unques nuls hom tel chevaler ne vit / Por granz batailles juster e defenir [La chanson de Roland 1922: 2887–2889].

Wich spede is in speche vnsurd may we lerne / God hatz geuen vus his grace godly for soþe [Sir Gawayn and þe grene knyzt 2006: 918–919].

Как видим, доминанта Бог в культурно-ментальном континууме сакрального пространства инкорпорирует семантические компоненты, которые имеют соотнесенность с представлениями об основных нравственных категориях рыцарского кодекса чести и прежде всего с представлениями о милосердии, щедрости, мужестве и силе. Актуализация данных признаков обусловлена с нашей точки зрения жанровыми особенностями исследуемых средневековых текстов.

Обобщим наши наблюдения. Проведенный анализ языкового материала позволяет предположить, что когнитивная модель пространства синтезирует элементы монотеистических и политеистических мировоззренческих систем. Сочетание религиозного и мистического находит отражение в системе знаков и в символике пространственных понятий. В когнитивной модели пространства выявляется антиномия, характерная для мистической мировоззренческой системы Средневековья и гностических

тенденций внутри христианской религии: “сакральный” – “десакральный”, “христианский” – “языческий”.

Анализ текстов позволил выявить противоречивые представления о сакральном пространстве. С одной стороны, в ХКМ Средневековья Бог репрезентирован в духе христианских традиций. С другой стороны, в художественном контексте средневековых произведений находит отражение языческая система верований (поклонение богам). Возможно, это связано с жанровой особенностью анализируемых текстов, высокой степенью семиотической размытости и многозначности религиозных представлений авторов произведений.

Понятие “Бог” в когнитивной модели пространства инкорпорирует следующие слагаемые: теологический компонент (Бог есть суть всего сущего на земле), мифологический компонент (элементы синкретического мироощущения и миропонимания древних народов), социо- и этнокультурный компонент обыденного сознания средневекового человека (Бог обретает черты рыцаря в соответствии с нравственными установками кодекса рыцарской чести).

3.2. Языковое выражение пространства земного мира

Согласно результатам проведенного анализа языкового материала произведений средневековой словесности XII–XIV вв., земной мир в ХКМ актуализирован номинациями ср.-в.-нем. *werlt* ‘мир’, ср.-в.-нем. *êrde* ‘земля’, ср.-в.-нем. *rîche* ‘государство’, ср.-в.-нем. *lant* ‘страна’, ср.-в.-нем. *worlde* ‘мир’, ср.-англ. *erþe* ‘земля’, ст.-франц. “*syzt of pes*” ‘мир зримый’, ст.-франц. *tere* ‘земля’, ср.-лат. *terrarum orbis* ‘земной мир’, ср.-лат. *terra* ‘земля’. Данные языковые единицы позволяют выявить общие и специфические черты объективации земного мира в сознании средневекового человека.

Земной мир характеризуется в когнитивной модели следующими важными признаками: протяженность, граница. В нем выделяются географические и ландшафтные объекты, координаты, позволяющие

определить положение объекта, фрагменты реального пространства. Земной мир находит отражение в 4 образах: 1) “земля – родина (родной дом, родная страна)”; 2); “земной мир – окружающий мир” 3) “земной мир – мир страданий”; 4) “земля – владение, собственность”.

Образ “земля – родной дом (родина)”, объективирует в культурно-ментальном континууме пространства идею родины, родного дома. Особое место в структуре данного художественного образа, безусловно, занимают следующие номинации: ср.-в.-нем. *heim* ‘родной кров’, ср.-англ. *home* в значении ‘родной дом’, ст.-франц. *la lur tere* ‘родной край’, ср.-лат. *solum patrium* ‘родной край’. Лексемы ср.-в.-нем. *hûs* ‘дом’, ср.-в.-нем. *lant* ‘страна’, ср.-англ. *londe* ‘страна’, ст.-франц. *sun meillor repaire* ‘родное жилище’ (букв. ‘свое убежище’), ср.-лат. *patria* ‘отчизна’ инкорпорируют признак ‘родной’. Это связано с тем, что в сознании носителей средневековой культуры денотаты ср.-в.-нем. *lant* ‘страна’, ср.-в.-нем. *heim* ‘родной кров’, ст.-франц. *la lur tere* ‘родной край’, ср.-лат. *solum patrium* ‘родной край (земли отца)’ ассоциируются не только с родиной, но и с родными, ближайшим окружением, феодально-ленными отношениями в средневековом обществе. Об этом свидетельствует сочетание данных лексем с номинациями, вербализующими окружение средневекового человека (см. Приложение 2, пр. 117–124): ср.-в.-нем. *heim* ‘родной кров’ – *künec unde hof, liut unde lant* ‘король и двор, люди и страна’, ср.-в.-нем. *heime* ‘родной кров’ – *gesellen* ‘спутники’, ср.-в.-нем. *heime ze lande* ‘в родной край’ – *sîme vater* ‘своему отцу’, ср.-в.-нем. *heim in iuwer lant* ‘в ваш край родной’ – *iuwer ritterschaft, alle iuwer craft* ‘ваши рыцари, все ваши силы’, ср.-в.-нем. *rîche* ‘государство’ – *ein rîche dienen* ‘служить стране’; ср.-англ. *at hys lef home* ‘в свой дом’ – *among âe ladies* ‘в окружении дам’; ст.-франц. *dunc le remembret des fius e des honurs, e des pulcele e des gentilz oixurs* ‘припомнились родные земли им, невест и жен припомнили они’, ст.-франц. *de dulce France, des humes de sun lign* ‘о милой Франции и о родных’; ср.-лат. *ad natale solum patrium que reuertimur orbem* ‘в

край родной возвратились, место рождения снова увидим’. Приведем примеры:

si cursu forte beato / Ad natale solum patrium que reuertimur orbem [Galteri de Castellione 1978: 444–445].

E beneïst Karlun e France dulce, / Sun cumpaignun Rollant sur tuz humes [La chanson de Roland 1922: 2017–2018].

þe lorde is lyȝt at þe laste at hys lef home / <...> Sir Gawayn þe gode, þat glad watz withalle, / Among þe ladies for luf he ladde much ioye [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 1924–1927].

Tristan tete, also im wart geseit. / er kêrte wider heim zehant. / künec unde hof, liut unde lant / die buten im aber êre als ê [Gottfried von Straßburg 2001б: 16310–16313].

Лингвоспецифичность доминантных слов ср.-в.-нем. *heim* ‘родной кров’, ср.-в.-нем. *hûs* ‘дом’, ср.-в.-нем. *lant* ‘дом’, ср.-англ. *home* ‘дом’, ср.-англ. *londe* ‘страна’, ст.-франц. *la lur tere* ‘родной край’, ст.-франц. *sun meillor repaire* ‘родной кров’ репрезентируется на семантико-контекстуальном уровне в комбинации с глаголами и глагольными сочетаниями, а также прилагательными, актуализирующими семантический признак ‘защищенность’ и идею защиты родного дома, родной земли от завоевателей (см. Приложение 2, пр. 125–130): ср.-в.-нем. *in huote* ‘под защитой’, ср.-в.-нем. *gepflegen* ‘заботиться’, ср.-в.-нем. *beschirmet* ‘охранять’, ср.-в.-нем. *bewarn und berihten* ‘оберегать и управлять’, ср.-в.-нем. *ist bewart, valsch und gewalte vor bespart* ‘быть под охраной, защищенным ото лжи и насилия’, ср.-в.-нем. *erweret* ‘защищать’, ст.-франц. *mi sire, nus est guarant tuz dis; Nostre Franceis* ‘наш сеньор, – защита нам и здесь; наши французы’, ср.-лат. *si cursu forte beato ad natale solum patrium* ‘дорогой надежной в край родной’. Приведем примеры:

Ouch sult ir iuch versinnen: / und kêret ir von hinnen, / wer beschirmet iuwer zwei lant? [Gottfried von Straßburg 2001б: 14099–142001].

Carles, mi sire, nus est guarant tuz dis; / Nostre Franceis n'unt talent de fuïr
[La chanson de Roland 1922:1254–1255].

Пространственно-географический параметр концептуального образа “земля – родной дом (родина)” связан непосредственно с притяжательными местоимениями ср.-в.-нем. *mîn* ‘мой’, ср.-в.-нем. *sîn* ‘его’, ср.-в.-нем. *unser* ‘наш’, ср.-в.-нем. *iuwer* ‘ваш’, ср.-англ. *my* ‘мой’, ст.-франц. *mes* ‘мой’, ст.-франц. *nostre* ‘наш’, посредством которых актуализируется восприятие человеком границ окружающего мира и прослеживается дифференциация в восприятии категорий “свой” – “чужой”. Приведем в качестве иллюстраций следующие выражения: ср.-в.-нем. *mîn lant, mîn liut und swaz ich hân* ‘мою землю, моих людей и все, что у меня есть’, ср.-в.-нем. *er <...> sînes landes ein zuoversiht* ‘он – безопасность своей страны’, ср.-в.-нем. *er <...> sîn liut und sîn lant* ‘он <...> своих людей и свою страну’, ср.-в.-нем. *ich <...> iuwer liut und iuwer lant* ‘я <...> ваших людей и страну’, ср.-в.-нем. *diz lant is unser erbe* ‘эта страна – наше наследие’, ср.-в.-нем. *Tristan <...> unser lant* ‘Тристан <...> наша страна’, ср.-англ. *of my hous and my home and min owen nome* ‘мой дом, мой кров и мое собственное имя’, ст.-франц. *a lui lais jo mes honurs e mes fieus* ‘я Вас прошу ему отдать мой лен’, ст.-франц. *que nus requert ca en la nostre marche?* ‘но для чего пришел он в наши земли?’ (Приложение 2, пр. 131–142).

Анализ концептуального образа “земля – родной дом (родина)” позволяет выделить в ХКМ Средневековья два отчетливо выраженных императива: с одной стороны – осознание средневековым человеком своей этнической общности, с другой стороны – стремление крупных землевладельцев, правителей к отделению своих территорий и осознание их как собственности. Приведем примеры:

swer zweier künicrîche / reht und nach êren pflügen sol, / der bedarf sinne und herzen wol. / so enist in disen zwein landen / âne mînen hêrn Tristanden / kein hêrre, lâzet ir'n dâ bî, / daz er den landen vrume sî [Gottfried von Straßburg 2001б: 14104–14110].

in wes huote waere ich baz / und iuwer liut und iuwer lant / danne in iuwers neven hant, / der unser wol gepflegen kann? [Gottfried von Straßburg 2001б: 13692–13695].

Наряду с образом “земля – родной дом” в ХКМ эпохи Средних веков находит отражение концептуальный образ “земля – владение, который инкорпорирует в сознании средневекового человека (рыцаря, лорда, сеньора) ценностную значимость земельного владения. Как отмечают отечественные и зарубежные историки-медиевисты, земельные владения обуславливали высокий социальный статус, военную и политическую мощь человека в средневековом обществе [Бессмертный 1967: 153; Роулинг 2005: 29; Fleckenstein 1979: 22–23; Gillingham, Griffiths 1984: 69; Goetz 1996: 178; Hesse 2006: 263; Schwinges 2006: 179; Vedel 1911: 3].

Земля в эпоху Средневековья становится основной формой политического влияния и признаком богатства, ср.: ср.-англ. *syn ze be lorde of the zonder londe þer haf lent inne* <...> *be wyze hit yow zelde þat vphaldez þe heuen and on hyz sittez* ‘раз ты хозяин (лорд) тех чудесных земель, на которых гостил я. <...> Да осенит благодать твои владения’, ст.-франц. *jo vos durrai or e argent asez, teres e fiez tant cum vos en vuldrez* ‘я серебра и золота Вам дам, земель, феодов, всякого добра’, ст.-франц. *quant co vos mandet li reis Marsiliun, <...> e tute Espagne tendrat par vostre dun* ‘желает заключить Марсильский мир, <...> и в лен у Вас Испанию просить’, ст.-франц. *mult larges teres de vus avrai cunquises, que Carles les tent, ki la barbe ad flurie* ‘я покорил большие земли, наш Карл – владетель их’, ср.-лат. *jam regnat, iam seruit ei quadrangulus orbis* ‘вот он царит, весь мир ему покорился’, ср.-лат. *iam sufficit orbem terrarum rexisse michi* ‘долго я правил на этой земле’ (Приложение 2, пр. 143–145). Приведем в качестве иллюстрации несколько примеров:

Bot an I wolde yow pray, displesses yow neuer: / Syn ze be lorde of the zonder londe þer haf lent inne / Wyth yow wyth worschyp – be wyze hit yow

zælde / þat vphaldez þe heuen and on hyz sittez – / How norne ze yowre ryzt nome,
and þenneno more? [Sir Gawayn and þe grene knyzt 2006: 2439–2443].

Mult larges teres de vus avrai cunquises, / Que Carles les tent, ki la barbe ad
flurie, / E li empereres en est ber e riches [La chanson de Roland 1922: 2352–
2354].

Iam regnat, iam seruit ei quadrangulus orbis [Galteri de Castellione 1978:
193].

Можно предположить, что сочетание лично-притяжательных местоимений ср.-в.-нем. *unser* ‘наш’, ср.-в.-нем. *iuwer* ‘ваш’, ст.-франц. *nostre* ‘наш’ с номинациями ср.-в.-нем. *lant* ‘земля, страна’, ст.-франц. *marche* ‘земля, лен’ отражает в ХКМ осознание носителями средневековой западноевропейской культуры идеи национального единства и общности. В то же время в сочетаемости лично-притяжательного местоимения ср.-в.-нем. *mîn* ‘мой’, ст.-франц. *mes* ‘мой’ и возвратно-притяжательного местоимения ср.-в.-нем. *sîn* ‘его’, ст.-франц. *ses* ‘его (свой)’, актуализирующих значение принадлежности, с лексемами ср.-в.-нем. *lant* ‘страна’, ст.-франц. *marche* ‘край’ проявляется особенность отражения мира в эпоху феодализма. Это, прежде всего, стремление к обособлению собственных земель и защите их территориальной целостности, ср.: ст.-франц. *de mei tendrat ses marches* ‘и в лен от нас свой край получит снова’ (Приложение 2, пр.146–150). Об этом также свидетельствует сочетаемость лексемы ср.-в.-нем. *lant* ‘страна’ с глаголами и существительными, вербализующими семантический признак ‘защита’, ‘безопасность’, ср.: ср.-в.-нем. *ich wil in unser lant weren* ‘я хочу служить (на защите) моей страны’, ср.-в.-нем. *er <...> sînes landes ein zuoversiht* ‘он <...> безопасность своей страны’, ср.-в.-нем. *lant <...> unser wol gepflegen kann* ‘землю <...> сможет позаботиться о нашей собственности (о нашем добре)’, ср.-в.-нем. *ich lieze hie diu lant bewarn und berihten <...> über daz allez sô tuot ir mit den landen und mit mir reht also iuch selbe dunke guot* ‘я прикажу охранять эти земли и назначу управителя <...> делайте с

этими землями и со мной все, что считаете нужным' (Приложение 2, пр. 147–149).

Показательно в этом плане использование дейктического местоимения ср.-в.-нем. *diu* 'эти' с лексемами ср.-в.-нем. *lant* и *werlt*, сочетание которых объективирует семантический признак 'территориальная раздробленность', ср.: ср.-англ. *houstat wâre uber alliu diu rîche* 'был столицей всех этих государств', ср.-в.-нем. *diu lant wâren undertân* 'эти земли были покорены', ср.-в.-нем. *nie landes teil gewan <...> diu ime ze teile worde* 'ни разу не завоевал в собственность земли <...> это досталось ему в надел', ср.-в.-нем. *si gemachent zinshaft diu lant* 'она наложила на эти земли подать' (см. Приложение 2, пр. 150–154). Этот же факт отмечает М.М. Гухман: «Употребление множественного числа ср.-в.-нем. *diu lant* отражает феодальный сепаратизм каждой территории» [Гухман 1955: 55].

В сознании носителей средневековой культуры номинации ср.-в.-нем. *heim* 'родина, родной кров', ср.-в.-нем. *hûs* 'дом', ср.-в.-нем. *lant* 'страна', ср.-англ. *home* 'дом', ср.-англ. *londe* 'страна', ст.-франц. *la lur tere* 'родная земля' воспринимаются как объекты, способные обеспечить защиту, противостоять угрозам врагов и военным нападениям (ср.-в.-нем. *kêrte wider heim <...> in sîne veste* 'вернулся снова домой <...> в свою крепость', ср.-в.-нем. *ein vestez hûs* 'неприступный дом', ст.-франц. *Gawayn graybely at home* 'Гавейн нежится дома'). Представление о защищенности и безопасности дают контекстуальные синонимы ср.-в.-нем. *herberge* 'кров, ночлег' и ст.-франц. *repaire* 'убежище, жилище', внутренняя форма которых определяется по свойствам 'безопасный, защищенный' и 'предназначенный для дислокации воинов', ср.: д.-в.-н. *heriberga* > ср.-в.-нем. *her** 'войско', 'военный лагерь' и **bergen* 'укрывать в безопасном месте' [Duden 2001: 82, 334]. Семантический признак 'безопасный, защищенный' актуализируется в контекстуальном окружении, которое отражает особенности трактовки ср.-в.-нем. *herberge* и ст.-франц. *repaire* (см. Приложение 2, пр. 155–160): ср.-в.-нем. *mit den rittern <...> dâ si herberge gewan dar ne mûste dehein man neheine wîs nâher komen* 'с

рыцарями <...> они расположились на ночлег, никто из чужих не смог бы приблизиться к ним’, ср.-в.-нем. *Tristan zen herbergen kam, sîn ingesinde er aller nam* ‘Тристан подошел к лагерю, собрал всех своих подданных’, ср.-в.-нем. *varen mit sînen mannen hin ze herbergen und sie die halsberge sumelîche heten ûz getan* ‘приехал со своими воинами в лагерь, некоторые уже сложили свое оружие’, ср.-в.-нем. *ze sîner helfe komen was.* <...> *heten herberge genomen* <...> *wâren geslagen ir gezelt* ‘пришли ему на помощь. <...> остановились на ночлег <...> были разбиты их палатки’, ср.-в.-нем. *dô hiez der hêre Ênêas alle sîne holden, die im helfen solden, herbergen an daz velt* ‘тогда приказал Эней всем своим вассалам, которые должны ему были помочь, расположиться на ночлег на поле’, ср.-в.-нем. *ze den herbergen her reit.* <...> *sîm marschalke her gebôt* <...> *ahten umb die schiltwahte* ‘он прибыл в лагерь <...> от него маршалк получил приказ <...> следить за вооруженной охраной’.

Земной мир представляется средневековому человеку как нечто тленное, греховное, полное бедствий и горя. Важными коннотативными признаками номинаций ср.-в.-нем. *werlt* (*werlde*) ‘мир’, ср.-в.-нем. *erde* (*ertrîche*) ‘земля’, ст.-франц. *tere* ‘земля’, ср.-англ. *worlde* ‘мир’, ср.-англ. *erþe* ‘земля’, ср.-англ. *grounde* ‘земля’, ср.-лат. *terra* ‘земля’ выступают ‘конечность земной жизни’, ‘грех, порок’, ‘горе, бедствие’. В немецкой ХКМ Средневековья данные признаки проявляются, например, в сочетании номинаций ср.-в.-нем. *werlt* (*werlde*), ср.-в.-нем. *erde* с лексемами ср.-в.-нем. *ende* (ср.-в.-нем. *da ist mir der werlde ein ende* букв. ‘конец мира наступил для меня’), ср.-в.-нем. *jæmerlîch* ‘горестный’ (ср.-в.-нем. *jæmerlîche geschiht* <...> *in klaget en elliu diu lant* ‘случилось горе <...> его оплакивала вся страна’), ср.-в.-нем. *ungemache* ‘горькая участь’ (ср.-в.-нем. *sich treit der werlde sache vil ofte z’ungemache* ‘часто земные дела приносят горечь’), ср.-в.-нем. *owê* ‘о горе’ (ср.-в.-нем. *owê, daz ich zer werlde ie wart geboren! ich arme* ‘о горе мне, что я рожден был в этом мире’). Приведем в качестве иллюстрации следующий пример (Приложение 2, пр. 161–162):

nu warte ich allenthalben mîn / und sihe niht lebendes umbe mich. / diese grôze wilde die vûrht ich / swar ich mîn ougen wende, / da ist mir der werlde ein ende [Gottfried von Straßburg 2001a: 2500–2504].

В ХКМ на средневековой латыни прослеживаются сходные представления. Так, метафорическая номинация ср.-лат. *luteo de carcere* ‘темница земная’ также оказывается соотнесенной с понятием “конечность земной жизни”, выраженное лексемой ср.-лат. *tandem* ‘конец’: ср.-лат. *uitalis resolutum frigore corpus destituit calor, et luteo de carcere tandem* ‘и теплое дыхание жизни, хладное тело покинув, рассталось с темницей земною’. Приведем пример:

Nec mora, uitalis resolutum frigore corpus / Destituit calor, et luteo de carcere tandem [Galteri de Castellione 1978: 425–426].

В английской и французской ХКМ Средневековья следует отметить коннотацию ‘страх’, выделенную в контекстуальном окружении номинаций ср.-англ. *londe* ‘страна’, ср.-англ. *grounde* ‘земля’, ст.-франц. *marche* ‘страна’ (Приложение 2, пр. 163–166): ср.-англ. *he fonde a foo hym before, bot ferly hit were* <...> *So mony meruayl bi mount þer þe mon fyndez* ‘враждебного, страшного много встречал повсюду <...> И дико, и дивно все в дальних пределах’, ср.-англ. *and ȝif myȝt lyf vpon londe lede any quyle* ‘проживи я чуть дольше на земле, полной греха и обмана’, ср.-англ. *þat folȝed þe glayue so grimly grounde* ‘земная скорбь и грязь грехов’, ср.-англ. *bot vchon enlè we wolde were lyf* ‘но здесь земной нет зависти’, ст.-франц. *jo l’ai lesset en une estrange marche!Deus! se jol pert* ‘в чужой земле племянник мной оставлен. Беда, коль он умрет’. Приведем два примера:

And halden honour in her honde, þe haþel hem ȝelde / þat haldez þe heuen vpon hyȝe, and also yow alle! / And ȝif myȝt lyf vpon londe lede any quyle, / I schuld rech yow sum rewarde redyly, if I myȝt [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 2056–2058].

And þaz vch day a store He feche, / Among vus commez nouþer strot ne stryf, / Bot vchon enlè we wolde were lyf [Teh Pearl 2006: 847–849].

Ярким свидетельством восприятия средневековым сознанием земного мира как “мира страданий” является большое (в количественном и качественном выражении) число лексем со значением ‘мука, страдание’. Семантический признак актуализируется в глаголе ср.-в.-нем. *leiden* (ср.-в.-нем. *ûf der erde* <...> *daz leben vaste leiden* ‘на земле <...> испытывать страдания всю жизнь’), в сочетании глагола ср.-в.-нем. *behagen* ‘радовать’ с отрицанием ср.-в.-нем. *niht* ‘не’ (ср.-в.-нем. *mir behaget diu werlt niht sô wol* ‘этот мир не приносит мне радости’), в контекстуальном сочетании лексем ср.-в.-нем. *werlt* (*werlde*), ср.-в.-нем. *erde* с номинациями ср.-в.-нем. *arbeit* ‘страдание’, ср.-в.-нем. *nôt* ‘лишение’, ср.-в.-нем. *leit* ‘мука’ (ср.-в.-нем. *diu werlt* <...> *ist michel arbeit*, <...> *herzeleit*, <...> *ein bitter nôt* ‘мир этот – неисчислимыя беды, <...> сердечныя страдания, <...> горькыя лишения’, ср.-в.-нем. *er daz lantliut lieze leben âne nôt und âne leit* ‘благодаря ему жилось бы в стране без нужды и страданий’, ср.-в.-нем. *wes nôt wart ie zer werlte merre* ‘кто еще больше стал страдать в мире’ (Приложение 2, пр. 166–171).

Имплицитно тема страдания в земном мире находит отражение в английской ХКМ эпохи Средних веков, ср.: ср.-англ. *and hadde y-won mi quen owy* <...> *and with a begger her in y-nome, and were miself hider y-come pouerlich to thee* ‘явись, измученный борьбой <...> вернувшись в нищую лачугу, и сам, убог и хвор, пришел на королевский двор’:

And hadde y-won mi quen owy / <...> And with a begger her in y-nome, / And were miself hider y-come pouerlich to thee, thus stille [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 561–567].

Релевантным фактором в актуализации пространственных представлений в ХКМ Средневековья становится также социально-этнический признак ‘куртуазный’, ‘присущий придворной жизни’, который проявляется в контекстуальной сочетаемости лексемы ср.-в.-нем. *lande* ‘страна’ с номинацией ср.-в.-нем. *hof* ‘двор’ (монарха, сеньора), а также

словосочетания ст.-франц. *dulce France* ‘родная Франция’ с номинацией ст.-франц. *la cort* ‘двор’, ср.: ср.-в.-нем. *über hof und über lant* ‘во всем дворце и по всей стране’, ср.-в.-нем. *ze hove und in dem lande* ‘при дворе и в стране’; ст.-франц. *en la cort al rei mult i avez ested <...> en dulce France* ‘давно вы состоите при дворе <...> в родной Франции’. Приведем примеры:

En la cort al rei mult i avez ested / Noble vassal vos i solt hom clamer. / <...> En dulce France, seignurs, vos en irez [La chanson de Roland 1922: 351–360].

wie muget ir iemer werden vrô, / die wîle ir iuwer vröude alsô / an iuwer wîbe swachet / und sî ze spelle machet / über hof und über lant / und habet an ir noch niht erkant, / daz wider ir êren müge gesîn? [Gottfried von Straßburg 2001б: 18387–18392].

Der künec iesâ besande / ze hove und in dem lande / sînen rât und sîne mâge / durch rât und durch râtvrâge [Gottfried von Straßburg 2001б: 17659–17662].

Наиболее ярко и детально разработанным в ХКМ эпохи Средних веков представлен концептуальный образ “земной мир – окружающий мир”, который объединяет номинации объектов географической среды, ландшафта. Анализ языкового материала позволил выявить следующие наиболее значимые для средневекового восприятия реалии земного пространства: лес (ср.-в.-нем. *walt*, ср.-англ. *forest*, ср.-англ. *wod*, ст.-франц. *bois*), поле, равнина, луг (ср.-в.-нем. *velt*, ср.-в.-нем. *wissen*, ср.-англ. *felde*, ст.-франц. *el camp*, *la pree*), море (ср.-в.-нем. *mere*, ср.-в.-нем. *sê*, ср.-англ. *mer*, ст.-франц. *la mer*, ср.-лат. *fretum* ‘море’, ср.-лат. *oceani* ‘океан’). Данные географические номинации связаны с представлениями носителей средневековой культуры об окружающем мире, их актуализация обусловлена закономерностями земного бытия человека.

В ХКМ для номинации леса служат ключевые лексемы ср.-в.-нем. *wald* ‘лес’, ср.-англ. *forest* (*wod*), ст.-франц. *bois*. Следует отметить, что в текстах средневековых немецких романов наряду с номинацией ср.-в.-нем. *walt*

фиксируются также следующие языковые единицы: ср.-в.-нем. *wilde* ‘чаша’, ср.-в.-нем. *waltriviere* ‘роща на берегу’, ср.-в.-нем. *holz* ‘лес’, ср.-в.-нем. *boum* ‘деревья’, ср.-в.-нем. *loup* ‘листва’, ср.-в.-нем. *linde* ‘липа’.

Лексемы ср.-в.-нем. *wald*, ср.-англ. *forest* (*wod*), ст.-франц. *bois* в значении ‘лес’ дают весьма противоречивый спектр коннотаций. С одной стороны, лес приобретает положительную коннотацию ‘безопасное’, ‘пригодное для существования человека место’. Для значения доминанты лес (как освоенного и безопасного места) характерны когнитивные признаки ‘место спасения’, ‘укрытие от опасности’, ‘место дислокации воинов’. Необходимое представление об этом дает контекстуальное окружение, в котором данные лексемы релеативны к глаголам и глагольным сочетаниям, во внутренней форме которых реализуется потенция к бегству, поиску укрытия в лесу от врагов и смертельной опасности (Приложение 2, пр. 172–174): ср.-в.-нем. *tuschen unde vliehen, zogen unde ziehen, lach vil stille* ‘скрываться и бежать, бежать и мчаться, притаиться’, ср.-в.-нем. *ir vluht was ir meistiu wer und vür den töt ir bestiu ner* ‘их бегство было защитой и лучшим лекарством от смерти’, ср.-англ. *the dubbement dere of doun and dalez, of wod and water and wlonk playnez bylde in me blys, abated my balez fordiden my stresse, dystryed my paynez* ‘о, лучший край, где каждый лог, река и лес, и холм, и луг, даруя радость, мне помог – я сбросил бремя мук’. Приведем примеры:

The dubbement dere of doun and dalez, / Of wod and water and wlonk playnez, / Bylde in me blys, abated my balez / Fordidden my stresse, dystryed my paynez [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 121–124].

wan tuschen unde vliehen, / zogen unde ziehen / wider bürge und walt. / der strît der wart dâ manicvalt. / ir vluht was ir meistiu wer / und vür den töt ir bestiu ner [Gottfried von Straßburg 2001a: 5603–5608].

С другой стороны, в ХКМ эпохи Средних веков сублимируются признаки, маркирующие лес как локус, опасный для человека. Доминанта лес инкорпорирует значение ‘нечто неизведанное, непознанное’ и интенсифицирует тем самым в сознании человека чувство страха (ср.-в.-нем.

über daz alles sô vürhte ich ‘все это меня так ужасает’, ср.-англ. *he rydes Into a forest ful dep, þat ferly watz wylde, hiȝe hillez in vchce a halue, and holtwodez vnder of hore okez ful hoge a hundredth togeder* ‘он смело въезжает в неласковый лес: стеною сомкнулись ветви, он огляделся вокруг: угрюмы и грозны недобро сомкнулись столетние дубы’, ср.-в.-нем. *wolve unde tier diu vrezzen mich* ‘волки и дикие звери съедят меня’, ср.-англ. *into wilderness Ichilte and livether ever more with wilde bestes in holtes hore* ‘и проведу остаток дней в лесной глуши среди зверей’ (Приложение 2, пр. 175–176).

Контекстуальный анализ позволил выявить признаки, репрезентирующие лес как ‘глухое, труднопроходимое, изолированное от общества (безлюдное) место’. Приведем примеры:

Dô reit Turnûs der helt balt / gegen Ênêase in den walt, / dâ her sich sîn verwande. / sîn man her des mande, / daz si riten stille. / dô tâtens sînen willen / als dem hêren lieb was. / dô lach der hêre Ênêas / vil stille an sîner lâge, / dâ si sîn niene sâgen, / und dâ her ouch niene sach. / sus lâgens allen den tach / enbeidenthalben stille [Heinrich von Veldeke 1986: 8867–8871].

über daz alles sô vürhte ich, / wolve unde tier diu vrezzen mich, / swelhen enden ich gekêre. / <...> daz ist vil übele getân. / ich enîle hinnen balde, / ich benahte in disem walde / und enwirt mîn danne niemer rât [Gottfried von Straßburg 2001a: 2511–2521].

Признак ‘дремучий, непроходимый’ инкорпорирован в лексемах ср.-в.-нем. *wilde* ‘чаща, дебри’, ср.-англ. *wilderness* ‘дебри’. Лексико-семантическое сочетание ср.-в.-нем. *dirre wüesten wilde* ‘эти безлюдные дебри’ маркирует признак ‘пустынный’. В то время как через языковую реализацию ср.-в.-нем. *ieman lebender* (ср.-в.-нем. *ist aber ieman lebender dâ?* ‘есть там кто живой?’) в контекстуальной связи с номинацией ср.-в.-нем. *wilde* ‘чаща, дебри’ актуализирован признак ‘непригодный для обитания человека’. Контекстуальное окружение номинации ср.-англ. *wilderness* ‘дебри’ актуализирует национально-культурную коннотацию ‘гибельное место’, ср.: ср.-англ. “Lord,” quath he, “in uncouth thede thurch a wilderness as Y yede, ther

Y founde in a dale with lyouns a man totorn smale” «Милорд, – ответил тот, – по странам Я шел пустынным и пространным, вдруг вижу дол, и на песочке растерзан львами на кусочки...» (Приложение 2, пр. 177).

Ассоциативное осмысление денотативного значения ср.-в.-нем. *wüeste wilde* ‘безлюдные дебри’, ср.-англ. *wilderness* ‘дебри’ в соответствии со средневековой точкой зрения на природу окружающего мира во многом предопределяет образные представления о лесе как о враждебном человеку локусе и расценивается языковым сознанием с негативной оценочной позиции. Например, в комбинации слов ср.-в.-нем. *dise grôze wilde die vürht ich* ‘эта необъятная глушь, она пугает меня’ эксплицировано чувство страха человека перед диким лесом, лес предстает источником опасности для жизни. Так, в романе Г. Страсбургского «Тристан» Изольда, боясь, что правда о ее любовной связи с Тристаном откроется королю Марку, повелевает двум рабам отвезти свою служанку Бранжъену в глухой лес и убить ее: ср.-в.-нем. *nu vuorten sî si baz hin in in die wüeste <...> und zucten swert beide* ‘и повезли они ее в безлюдное место, <...> и подняли оба мечи’.

Лес представляется средневековому человеку не только источником страхов, но и как универсум сверхъестественных фантастических явлений. Анализируемый материал художественных произведений свидетельствует о том, что в представлениях носителей средневековой культуры наряду с реальной природой существует некий “иной мир” – обиталище нечистой силы, великанов, драконов, чудовищ и других фантастических существ (ср.-в.-нем. *risen* ‘великан’, ср.-в.-нем. *trachen* ‘дракон’, ср.-в.-нем. *lintworme* ‘гигантский змей (дракон)’, ср.-англ. *þe dele* ‘черт’). Приведем примеры:

Schowuez in bi a schore at a schaȝe side, / Ridez þurȝ þe roȝe bonk ryȝt to þe dale; / And þenne he wayted hym aboute, and wylde hit hym þoȝt, / <...> ‘We! Lorde,’ qoup þe gently knyȝt, / ’Wheþer þis be þe grene chapelle? / Here myȝt aboute mydnyȝt / þe dele his matynnes telle!’ [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 2161–2188].

er nam im in der wilde / manege kêre und maneger vart. / und also der tac stîgende wart, / dô liez er vaste hine gân / wider daz tal z'Anferginân. / daz was des trachen heimwist, / alsô man an der geste list [Gottfried von Straßburg 2001a: 8936–8942].

Несомненно, коннотации леса как ‘места обитания драконов’ (ср.-в.-нем. *der wilde* <...> *daz was des trachen heimwist* ‘в глухой чаще <...> там обитал дракон’), ‘убежища великанов’ (ср.-в.-нем. *Tristan* <...> *gewîset wart* <...> *vart in einen harte wilden walt und stiez der an des risen gewalt* ‘Тристан <...> отправился <...> в путь в темный дремучий лес, во владения великана’) и ‘обитель нечисти’ (ср.-англ. *and wylde hit hym þoȝt* <...> *here myȝt aboute mydnyȝt þe dele his matynnes telle* ‘в неведомой чаще <...>. здесь, верно, в ночь глухую сам черт псалмы читает’) базируются на связи средневековой культуры с архаической моделью мира, поскольку и драконы, и великаны, и нечисть являют по своей сути образы, в которых народная фантазия воплощала представления о могуществе стихий природы (Приложение 2, пр. 180–181). Они, по словам известного фольклориста А.Н. Афанасьева, служат для олицетворения темных масс природы [Афанасьев 2006: 410].

Еще одним признаком леса (как локуса потустороннего мира и места обитания нечистой силы) в системе художественного восприятия носителей средневековой культуры является признак ‘тьма’. Атрибут ср.-в.-нем. *vinster* ‘темный’, употребляющийся в сочетании с номинациями леса, становится символическим индикатором потустороннего мира. Что же касается лексем ср.-в.-нем. *wilde* и ср.-англ. *wylde*, то нужно заметить, что признак ‘сумрачный, темный’ непосредственно является их семантическим наполнителем, ср.: ср.-в.-нем. *in dem vinstern walde* ‘в темном лесу’; ср.-англ. *wylde* <...> *aboute mydnyȝt* ‘чаща <...> в полночь’.

В представленном ракурсе лес выступает в противовес земному миру как часть инфернального мира, в котором обитают души умерших людей (ср.-в.-нем. *si wâren zer werlde tôt* ‘на земле они были мертвы’). В сочетании

ср.-в.-нем. *vinster walde* с лексемами ср.-в.-нем. *ungemach* ‘несчастье’, ср.-в.-нем. *liden* ‘страдания’ выражен наиболее актуальный смысл, ассоциирующийся в средневековом сознании со страданиями, причиняемыми человеку дикими зверями (ср.-в.-нем. *lintworme, lêwen, lêbarde* ‘змеи, львы, леопарды’, ср.-англ. *sumwhyle wyth wormez he werrez, and with wolues* ‘с гигантским змеем схватился и с волчьей стаей’) и самой природой (ср.-в.-нем. *ir ungemach was vile grôz in dem vinstern walde. si liden michil kalde von îse und von snêwe* ‘их мучения были велики в сумрачном лесе. они страдали от холода, от льда и снега’ (Приложение 2, пр. 181–182).

Очень важным представляется тот факт, что в описаниях леса и непосредственно окружающей природы отсутствует эстетическая оценка. Описание природы в языковом сознании средневекового человека синтезировано непосредственно с передачей чувственного восприятия окружающего мира, а именно, с наслаждением летним теплом, пением птиц, лесом, цветами и т.п. (см. Приложение 2, пр. 183–184): ср.-в.-нем. *diu senfte sūeze sumerzît diu haete ir sūeze unmūezekeit mit sūezem vlîze an sî geleit* ‘это чарующее мягкое летнее тепло охватило их своей сладостью’, ср.-в.-нем. *diu cleinen waltvogelîn, diu des ôren vröude sulen sîn* ‘эти маленькие лесные птицы, наслаждением стали для уха’, ср.-в.-нем. *bluomen, gras, loup unde bluot und swaz dem ougen sanfte tuot und edeliu herze ervröuwen so*, ‘цветы, трава, деревья в цвету – наслаждение для глаз и радость для благородных сердец’. Приведем в качестве иллюстрации фрагмент текста:

diu senfte sūeze sumerzît / diu haete ir sūeze unmūezekeit / mit sūezem vlîze an sî geleit. / diu cleinen waltvogelîn, / diu des ôren vröude sulen sîn, / bluomen, gras, loup unde bluot / und swaz dem ougen sanfte tuot / und edeliu herze ervröuwen sol, / des was diu sumerouwe vol [Gottfried von Straßburg 2001a: 546–554].

В контексте художественных произведений зафиксирована также коннотация леса как ‘места отдыха’, ‘места приятного времяпровождения’. В этом плане обращает на себя внимание также отсутствие четко выраженной

границы между эстетическим и бытийным переживанием природы. Отметим в этой связи социокультурную коннотацию леса как ‘среды, предназначенной для обитания человека (приют для человека)’, отражающую специфику быта средневекового человека. Актуализация этих коннотативных признаков в контексте непосредственно связана с метафорическим переносом “придворное общество” → “лес”, в котором находит отражение “симбиоз” идеализированной модели куртуазной жизни в стенах средневековых замков и на лоне природы, например: ср.-в.-нем. *ir staetez ingesinde, daz was diu grüene linde* ‘их придворной свитой стала эта зеленая липа’. Выявленный ассоциативно-национальный компонент во многом определяется доминирующей в этот исторический период культурой куртуазии, «искусством жить» [Гофф 2001: 40], стремлением создать гармоничное целое. Речь в данном случае идет даже не о слиянии этического и эстетического в видении окружающего мира, а об “интеграции” – смешении и единении – таких категорий системы ценностей эпохи в сознании средневекового человека как красота и полезность, прекрасное и удобное [Эко²⁸ 2004].

Примером ассоциативной связи леса с куртуазным обществом может послужить также контекстуальное сочетание языковых единиц, служащих для объективации элементов природы и леса с номинациями ср.-в.-нем. *ingesinde* ‘челядь, слуги’, ср.-в.-нем. *ir dienest* в значении ‘их слуги’, ср.: ср.-в.-нем. *ir staetez ingesinde daz was diu grüene linde, der schate und diu sunne diu riviere unde der brunne, bluomen, gras, loup unde bluot* ‘их слугами стали зеленая липа, тень и солнце, берег ручья и источник, цветы, трава, кроны деревьев и цветы, ср.-в.-нем. *ir dienest was der vogele schal* ‘их слугами стали стаи птиц’ (Приложение 2, пр. 184).

Следует отметить, что в общенародном узусе понятие “лес” связано, прежде всего, с хозяйственно-практической деятельностью человека. В

²⁸ Ссылка: URL: http://www.erlib.com/Умберто_Эко/Эволюция_средневековой_эстетики/3/ (дата обращения: 12.02.2010).

сознании основной массы феодального общества (крестьян) лес, с прагматической точки зрения, представлял источник жизни и доходов: он давал материал для домов и хозяйственных построек, (древесину, кору, мох); он был источником пропитания (в лесу собирали мед, дикорастущие травы, корни и ягоды для пропитания), ср.: ср.-англ. *now may he al he al day digge and wrote. Er he finde his fille of rote. In somer he liveth bi wild frut and berien bot god elite. In winter may he nothing finde bot rote, grases, and the rinde* ‘он землю роет, ибо пища – трава ему и корневища; собирал он летом для еды лесные ягоды, плоды, зато уж зимнею порой жил он корнями и корой’. Лес в ХКМ Средневековья получает также дополнительный признак ‘источник трав и лекарственных растений’ (ср.-в.-нем. *nu sî zem walde kâmen hin, dâ wurze, crût und gras der volle nâch ir willen was* ‘они пошли в лес собирать корни, травы и лекарственные растения’). Приведем примеры:

Now may he al he al day digge and wrote. / Er he finde his fille of rote. / In somer he liveth bi wild frut / And berien bot god elite. / In winter may he nothing finde / Bot rote, grases, and the rinde [Sir Orfeo 2006: 255–260].

nu sî zem walde kâmen hin, / dâ wurze, crût und gras / der volle nâch ir willen was [Gottfried von Straßburg 2001б: 12764–12766].

Однако, следует признать, что семантический аспект понятия “лес” как ‘угодья, предназначенного для заготовки древесины и прочих лесных промыслов’ остается в ХКМ эпохи Средних веков вероятностным или слабо выраженным признаком.

В ХКМ эпохи Средних веков лес эксплицирует коннотацию ‘мир развлечений, охоты’. В системе ценностей средневековой аристократии охота – это излюбленная забава, одно из придворных развлечений, ср.: ср.-в.-нем. *si wolde rîten in den walt: <...> si wolde, daz man jagete* ‘они хотели ехать в лес: <...> они хотели организовать охоту’, ср.-англ. *and ay þe lorde of þe londe is lent an his gamnez, to hunt in holtez and heþe at hyndez barayne* ‘сеньор тем временем занят охотой, на равнинах и в рощах гонят оленя’, ср.-в.-нем. *des*

geluste <...> *pirsen in die wilde* ‘забавы ради <...> поохотиться в лесу’. (Приложение 2, пр. 185–187).

Отличительной особенностью представляется включенность в понятие “лес” сегментов ‘добывание’, ‘промысел’, которые находят отражение в значениях глагола ср.-в.-нем. *weiden* ‘охотиться’ (д.-в.-н. *weidanōn* > ср.-в.-нем. *weiden* ‘охотиться, искать пропитание’ [Duden 2001: 910–920]) и заимствования из французского языка *birsen* ‘охотиться’ (< ст.-франц. *berser* [Duden 2001: 610]) ‘охотиться’:

dô solde Ascânjûs sîn sun / eins tages birsen rîten / zu den selben zîten, / dô her daz urloub gewan, / dô nam her sîne weideman [Heinrich von Veldeke 1986: 4542–4546].

Итак, лингвокреативное мышление проецирует в ХКМ эпохи Средних веков признаки леса, с одной стороны, как ‘освоенного, безопасного места’, представляющего источник пропитания человека. Наряду с указанными признаками следует отметить характеристику леса как ‘труднопроходимого, глухого’, ‘враждебного для человека’, ‘неприспособленного для существования’ локуса. Рассмотренные выше параметры можно считать релевантными в средневековой системе знаний и представлений об окружающем мире. Проведенный контекстуальный анализ свидетельствует о деактуализации в ХКМ категорий, связанных с хозяйственно-практической деятельностью человека. Семантический аспект понятия “лес” – ‘источник добычи пропитания, материала для домов, лекарственных растений и трав’ – остается вероятностным или слабо выраженным признаком. Контекстуальный анализ позволяет обнаружить следующие этно- и социокультурные признаки леса: 1) место ведения военных действий (дислокация отряда, войска, укрытие от врага, место для засады и нападения); 2) охотничьи угодья; 3) место, предназначенное для придворных развлечений и отдыха куртуазного общества; 4) место обитания мифологических чудовищ, драконов, великанов.

Понятие “поле” представлено в ХКМ эпохи Средних веков именными репрезентантами ср.-в.-нем. *velt* ‘поле’, ср.-в.-нем. *acker* ‘пашня, земли вокруг селения’, ср.-в.-нем. *gevilde* ‘нива’ и ср.-в.-нем. *dürre* ‘пустошь’, ср.-англ. *bent-felde* ‘поле’, ст.-франц. *champ* ‘поле’. Внутренняя форма языковых единиц определяется по следующим свойствам: по пространственному распределению, по размеру занимаемой площади, по ландшафтным особенностям. Обращаясь к лексемам ср.-в.-нем. *velt*, ср.-англ. *bent-felde*, ст.-франц. *champ*, отметим, что лексемы зафиксированы в значениях ‘участок земли на открытом ровном пространстве’, ‘земельная площадь’. Сюда же можно отнести и существительное ср.-в.-нем. *gevilde* с собирательным значением ‘земельные угодья’ (от **velt* с приставкой *ge-*, имеющей ассоциативное значение ‘вместе’ (лат. *cum*) [Филичева 2003: 116]).

В языковой системе немецкой ХКМ эпохи Средних веков отметим соотношение значений лексем ср.-в.-нем. *velt* ‘ровное место при селении’, и ср.-в.-нем. *gevilde* ‘земельные угодья’ (Приложение 2, пр. 188–189). Признак номинации ср.-в.-нем. *velt* ‘пространство при селении’ проявляет себя в комбинации слов ср.-в.-нем. *vor die stat an daz velt* ‘перед городом на поле’ на базе локального определения реалии ср.-в.-нем. *velt* ‘поле’ посредством языковой репрезентации слова-конкретизатора ср.-в.-нем. *stat* ‘город’, ср.: ср.-в.-нем. *Turnûs ûz der borch quam vor die stat an daz velt* ‘Турнус выехал из замка в поле перед городом’. Лексема ср.-в.-нем. *gevilde* ‘земельные угодья’ употребляется в тексте немецких романов в сочетании с номинациями ср.-в.-нем. *wilde* ‘дикая местность’, ср.-в.-нем. *walt* ‘лес’, объективирующими локусы дикой природы и объединенные общим признаком ‘элементы ландшафта’. Хотя языковая репрезентация ср.-в.-нем. *gevilde* с семантическим признаком ‘составная часть ландшафта’ обусловлена контекстуальным окружением, это, с нашей точки зрения, не является показателем восприятия и отношения носителей средневековой культуры к ср.-в.-нем. *gevilde* ‘земельные угодья’ как к элементу дикой природы. Скорее всего, речь в данном случае идет о моделированном сцеплении компонентов

(ср.-в.-нем. *walde* ‘лес’ и ср.-в.-нем. *gevilde* ‘земельные угодья’), выводимом из регулярной сочетаемости лексем внутри структурно-семантического комплекса, ср.: ср.-в.-нем. *ze walde und ze gevilde* ‘в лес и в поле’ или ср.-в.-нем. *durch walt und durch gevilde* ‘по лесу и по полю’. Приведем примеры:

den mantel wand er in ein / und leite in ûf sîn ahselbein / und streich ûf gein der wilde / durch walt und durch gevilde. / ern haete weder wec noch pfat, / wab also er selbe getrat [Gottfried von Straßburg 2001a: 2559–2564].

Diu getriuwe massenê, / Tristan und sîn amê / si haeten in der wilde / ze walde und ze gevilde / ir muoze und ir unmuoze / besetzt harte suoze. / si wâren z’allen zîten / ein ander an der sîten [Gottfried von Straßburg 2001b: 17139–17146].

Думается, есть основание утверждать, что в устойчивом сочетании ср.-в.-нем. *walde* ‘лес’ и ср.-в.-нем. *gevilde* ‘земельные угодья’, целостно противоположных элементов естественного и антропогенного ландшафтов, имплицитно дуалистические представления средневекового человека об окружающем мире и, прежде всего, о сосуществовании двух “полюсов”, которые взаимно предполагают друг друга, мира природы и мира человека.

Языковым репрезентантом поле в ХКМ эпохи Средних веков является также номинация ср.-в.-нем. *acker* ‘пашня, земли вокруг селения’, которая наряду с этимологически тождественными словами из близкородственных германских языков (обозначение денотата *acker*: д.-в.-н. *ackar*, гот. *akrs*, *âker* < и.-е. **agros* ‘пастбище, пространство за пределами селения’ [Duden 2001: 21]) проникает в немецкий язык в древний период его развития из праиндоевропейского языка и сохраняет исходное значение с незначительными модификациями. С течением времени номинация ср.-в.-нем. *acker* приобретает дифференциальное значение ‘обрабатываемый крестьянином-держателем или крестьянином-общинником надел’. В лексико-семантической цепочке ср.-в.-нем. *acker* ‘пашня, земли вокруг селения’ – ср.-в.-нем. *gevilde* ‘земельные угодья’ прослеживается иерархическая структура феодальной земельной собственности, при которой на общинной земле или

на ленной земле (ср.-в.-нем. *gevilde*) крестьянин обрабатывал земельный участок (ср.-в.-нем. *acker*). В средневерхненемецком языке парадигматика сочетания ср.-в.-нем. *acker* и ср.-в.-нем. *gevilde* в определенной мере обнаруживает своеобразие феодальной формации в Германии XII–XIII вв., которое проявляется в противоречии между крупной собственностью на землю (*gevilde*), общиной и мелким производством крестьян (*acker*). Показательна в этом плане и стратификация аграрного общества эпохи Средних веков: феодал – сельская община – крестьянин [Гуревич 1999: 191–245; Knight 2001: 38–39]. Интересно отметить семантический сдвиг в понятии ср.-в.-нем. *acker*, а именно переход ср.-в.-нем. *acker* из значения ‘мера земельной площади’ в ‘единицу измерения расстояния’, ср.: ср.-в.-нем. *wole vier acker lank. <...> an dem wîten gevilde* ‘на расстоянии четырех пахотных участков. <...> на широком поле’:

Dô Messâpûs mit dem van / die Troiâre rande an / und Kamille diu maget, / dô worde sie gejaget, / wole vier acker lank. / <...> an dem wîten gevilde [Heinrich von Veldeke 1986: 8951–8957].

Учитывая частотность корреляции номинаций ср.-в.-нем. *velt*, *gevilde*, ср.-англ. *bent-felde*, ст.-франц. *camp* с глаголами-передвижения (ср.-в.-нем. *reit* ‘ездить верхом’, ср.-в.-нем. *geriten quam* ‘поскакал на лошади’, ср.-англ. *buskez bylyue* ‘вскачь пустился’, ст.-франц. *chevalchet* ‘ездить верхом’), можно выделить специфическую коннотацию поля как ‘места для передвижения на конях’. Эти наблюдения позволяют установить национально-культурную специфику восприятия средневековым сообществом понятия “поля” (Приложение 2, пр. 190–192).

В ХКМ эпохи Средних веков социокультурным классификатором понятия “поле” является интегральный признак ‘место для поединка’, ‘поле битвы’ (Приложение 2, пр.193–1979). Обращает на себя внимание широта спектра слов со значением ‘бой’ в контекстуальном сочетании с номинациями поля: ср.-в.-нем. *strîte* ‘бой’, ср.-в.-нем. *gedrank* ‘сражение’, ср.-в.-нем. *vil schiere ein michel her* ‘схватка’, ср.-в.-нем. *tâten s’alle mit gewalt*

‘все они применили силу’, ср.-в.-нем. *viel* ‘падал замертво’, ср.-в.-нем. *stach* ‘заколол’, ср.-в.-нем. *starb* ‘погиб’, ср.-в.-нем. *slûch* ‘победил’, ст.-франц. *justee est la bataille* ‘отправились на бой’, ст.-франц. *la pree mult large: des dous baruns justee est la bataille* ‘на обширное поле отправились враги для боя’, ст.-франц. *li quens Rollant el champ est repairet. Tient Durendal, cume vassal i fiert* ‘Роланд мчит по полю боя. Как истинный васасл мечом разит’, ст.-франц. *entr’els nen at ne pui ne val ne tertre, selve ne bois; <...> en mi la pleine tere* ‘на ровном месте в бой они вступают’. Приведем примеры:

Dedesuz Ais est la pree mult large: / Des dous baruns justee est la bataille. / Cil sunt produme e de grant vasselage [La chanson de Roland 1922: 3873–3875].

an dem breiten velde / wart dô michel gedrank. / ez wâre ze sagenne alze lank, / wer dâ viel und wer dâ stach / und wer dâ sîn spere brach, / wer dâ starb und wer dâ slûch, / want der was vil unde gnûch / und wâren unzalhaft [Heinrich von Veldeke 1986: 7382–7389].

Группа лексем с общим семантическим компонентом ‘место битвы’ манифестирует дополнительные семантические признаки ‘место поражения’, ‘место гибели’, ‘место победы над противником’.

Выясняется, что оценочная квалификация понятия “поля” и всей смысловой схемы, связанной с ним, носит в целом положительный характер, поле воспринимается в большей степени как “свое пространство”. Важным представляется и деактуализация прагматической (утилитарной) значимости поля (как земельного угодья, используемого для производства сельскохозяйственной продукции) в ХКМ Средневековья. В этом плане следует принимать во внимание и жанровую специфику, своеобразие поэтики и идейно-композиционного содержания исследуемых художественных произведений. Так, в рыцарской субкультуре наиболее достойным занятием, которое в определенной мере отвечало кодексу чести, являлось военное дело и участие в турнирах. Трудолюбие не считалось высокой нравственной добродетелью в обществе, привыкшем вести

праздную жизнь. Некоторые медиевисты указывают на физический труд, связанный с обработкой земли как на недостойную для рыцаря деятельность. В частности, как утверждает Ф. Кардини, «землепашец в эпоху, когда физический труд воспринимался по-библейски как наказание за первородный грех (первым же, кто был принужден возделывать землю, считался Каин), становится символом падшего, греховного и проклятого человечества» [Кардини 1987: 307]. Не случайно в рыцарских кругах актуализировано представление о прирожденной низости людей, занятых физическим трудом. Для рыцаря труд не являлся социально значимым критерием и не представлял особой ценности жизни, каким он был для простого земледельца.

Рассмотрим локус “луг”, который репрезентирован в ХКМ лексемами ср.-в.-нем. *wisen* ‘луг’, ср.-в.-нем. *ouwe* ‘луговое пространство’, ср.-в.-нем. *wase* ‘небольшая поляна’, ср.-в.-нем. *weide* ‘пастбище’, ср.-в.-нем. *heide* ‘участок дикой земли, покрытый травой’, ср.-в.-нем. *tal* ‘долина’, ср.-в.-нем. *prâerie* ‘открытое луговое пространство’, ср.-в.-нем. *plaine* ‘луг (открытое пространство)’, ср.-в.-нем. *ein gras* ‘участок земли, покрытый травой’, ст.-франц. *la pleine tere* ‘луговое пространство’, ст.-фр. *la tere* ‘поляна, поле’, ст.-фр. *la pree* ‘луг’. В плане выражения данные языковые единицы дифференцируются по пространственному распределению, по признаку освоенности пространства, с утилитарной точки зрения (по принципу пригодный / непригодный для той или иной деятельности).

Лексемы ср.-в.-нем. *wissen* ‘луг’, ст.-франц. *la pree* ‘луг’ манифестируют в немецкой и французской ХКМ эпохи Средних веков общепринятое значение ‘луг’. Лексема ср.-в.-нем. *prâerie* ‘открытое луговое пространство’ проникает из французского языка в социолект господствующих слоев средневекового немецкого общества в эпоху Средних веков, в период расцвета куртуазной рыцарской культуры, без изменения

семь (ср.: < ст.-франц. *praerie* образовано от **pré-* < лат. *pratum* ‘луг’ [Lexner²⁹ 1992, Benecke³⁰ 1986, Duden 2001: 626]. Лексема ср.-в.-нем. *prâerîe* ‘открытое луговое пространство’ в сочетании с номинацией ср.-в.-нем. *banekîe* ‘развлечение’ маркирует социокультурный признак ‘место праздного времяпровождения’, ср.: ср.-в.-нем. *diu küele prâerîe was danne ir banekîe* ‘прохладный луг служил им местом отдыха’. Признак ‘место праздного времяпровождения и отдыха’ находит отражение в контекстуальном окружении ср.-англ. *feld* ‘поле’ и ст.-франц. *tere* ‘земля’: ср.-англ. *and everi feld is ful of flours* <...> *This ich quen, dame Herodis, <...> to play bi an orchard side* ‘и расцвели в лугах цветы. <...> Королева Эуридица <...> собралась полюбоваться на цветение’; ст.-франц. *li emperere ad prise sa herberge, franceis descendent en la tere deserte* ‘остановился наш король на отдых, разбили французы стан на поляне’. Приведем в качестве иллюстраций примеры:

Li emperere ad prise sa herberge. / Franceis descendent en la tere deserte [La chanson de Roland 1922: 2488–2489].

And everi feld is ful of flours, / And blosme breme on everi bough / Overal wexeth miri anough – / This ich quen, Dame Herodis, / Tok to maidens of priis / And went in an undretide / To play bi an orchard side [Sir Orfeo 2006: 60–66].

des morgens in dem touwe / sô slichen sî zer ouwe, / dâ beide bluomen unde gras / mit dem touwe erkület was. / diu küele prâerîe / was danne ir banekîe [Gottfried von Straßburg 20016: 17147–17152].

Весьма показательны с этой точки зрения комбинации номинаций луг в контекстуальном сочетании с ср.-в.-нем. *mit grôzen frouden* ‘с большой радостью’, ср.-в.-нем. *vil vruo* ‘очень веселый’, ср.-в.-нем. *vrô unde sêre vröudehaft* ‘довольные и полные радости’, в семантике которых присутствует

²⁹ Ссылка: URL: <http://www.dwb.uni-trier.de/index.html> (дата обращения: 12.01.2014).

³⁰ Ссылка: URL: <http://germa83.uni-trier.de/MWV-online/MWV-online.html> (дата обращения: 15.02.2012).

качественная характеристика поведения человека, в их синтагматической связи с лексемами, актуализирующими “радость” (Приложение 2, пр. 198–201).

Лексема ср.-в.-нем. *plaine* ‘луг’ актуализирует в художественном контексте признак ‘открытое место’ и помимо основного значения инкорпорирует контекстуальный признак ‘место отдыха’ (Приложение 2, пр. 198).

В контекстуальном окружении лексемы ср.-в.-нем. *gras* ‘участок земли, покрытый травой’, ср.-в.-нем. *tal* ‘долина’, ср.-в.-нем. *wisen* ‘луг’ наполняются дополнительным значением ‘место передвижения верхом’. Об этом свидетельствуют языковые реализации лексем с глаголами ср.-в.-нем. *reiten* ‘ездить верхом’ и ср.-в.-нем. *kamen* ‘передвигаться, идти’, образующими лексико-семантическую парадигму (Приложение 2, пр. 200–201): ср.-в.-нем. *an ein gras, <...> reit, an eine scône wisen breit* ‘на луг, <...> выезжаешь верхом, на широкий прекрасный луг’, ср.-в.-нем. *ze tal <...> er zuo dem orse kam <...> in nam der kurzen reise* ‘в долине <...> он подошел к коню <...> и отправился в путь’, ср.-в.-нем. *reit an eine schône wisen* ‘выехал на прекрасный луг’. Приведем пример:

der kunich ûz Laurente reit / an eine schône wisen breit, / lank unde grûne, / und Êneâs der kûne / und der stolze Turnûs. [Heinrich von Veldeke 1986: 11605–11615].

Номинация луг репрезентирует в контекстуальном окружении семантический признак ‘место поединка’. Необходимое представление об этом дает контекст, в котором лексема ср.-в.-нем. *wisen* ‘луг’ релеативна к глаголам ср.-в.-нем. *vehthen* ‘биться, сражаться’ и ср.-в.-нем. *weren* ‘обороняться’ с общим семантическим признаком ‘поединок, бой’, ср.: ср.-в.-нем. *die da solden vehthen, <...> der kunich ûz Laurente reit an eine schône wisen breit* ‘и они должны были сражаться, <...> король выехал из Лауренте на прекрасный широкий луг’, ср.-в.-нем. *an der wisen ûf daz gras. <...> die sich*

dâ wolden weren ‘на лугу, покрытым травой, <...> они должны были защищаться друг от друга’:

an der wîsen ûf daz gras. / <...> dar ûffe sie solden sweren, / die sich dâ wolden weren / Ênêas und Turnûs [Heinrich von Veldeke 1986: 11648–11657].

Итак, контекстуальное окружение позволяет выделить в ХКМ Средневековья следующие социокультурные коннотации луга: ‘место отдыха и приятного времяпровождения’, а также ‘место проведения военных действий и поединков’.

Что касается водного пространства, то здесь, прежде всего, следует выделить локус “море”. В ХКМ эпохи Средних веков море передается номинациями ср.-в.-нем. *mere*, ср.-в.-нем. *sê*, ср.-англ. *mer*, ст.-франц. *mer*, ср.-лат. *fretum*, ср.-лат. *equores fluctus*.

В сознании носителей средневековой культуры выстраивается четкая модель категоризации внешнего мира, неотъемлемыми элементами которой выступают образные номинации двух противопоставленных в своем значении реалий ср.-в.-нем. *mere* ‘море’ / ср.-в.-нем. *lande* ‘суша’, ср.-англ. *mer* ‘море’ / ср.-англ. *erþe* ‘земля’, ср.-англ. *grounde* ‘суша’, ст.-франц. *mer* ‘море’ / ст.-франц. *tere* ‘суша’, ср.-лат. *fretum* ‘море’ / ср.-лат. *terra* ‘суша’ (Приложение 2, пр. 202–208): ср.-в.-нем. *von dem lande* <...> *ûf daz mere* ‘с суши <...> в море’, ср.-в.-нем. *daz mere* <...> *von Libîâ daz lant* ‘море <...> с побережья Ливии’, ср.-в.-нем. *von lande über mer* ‘с суши через море’, ср.-в.-нем. *uber mere* <...> *ze Italjen in daz lant* ‘по морю <...> в страну Италию’, ср.-в.-нем. *uber mere* <...> *ze lande* ‘через море <...> на сушу’, ст.-франц. *vers Engleterre passat il la mer salse* ‘смирил он за соленым морем англоv’, ср.-лат. *quem terra fretumque perhorrent* ‘пусть земля и море трепещут’. Приведем примеры:

Dist Blancandrins: "Merveilus hom est Charles, / Ki cunquist Puille e trestute Calabre! / Vers Engleterre passat il la mer salse [La chanson de Roland 1922: 370–372].

dô lôste sich daz ankerseil / dâ daz schif mit was gehaft. / der wint mit grôzer kraft / von dem lande dô quam, / daz schif her vor sich nam / und treib ez verre ûf daz mere [Heinrich von Veldeke 1986: 7658–7663].

Море представляет в ХКМ пространственную зону, четко разделяющую окружающий мир на две противоположности – “свой мир” и “чужой мир”. Актуализация категории “свой” – “чужой” реализуется в парадигматической связи лексем, объективирующих сему ‘земельное пространство, суша’ в сочетании с предлогами-экспликаторами направления (ср.-в.-нем. *ûzer diseme lande* ‘из этой страны’, ср.-в.-нем. *in daz lant* ‘в страну’) и лексемы ср.-в.-нем. *mere* ‘море’, репрезентирующую сему ‘водное пространство’ (ср.-в.-нем. *uber mere* ‘через море’). Очевидно, что море и земля (суша) отождествляются не только с элементами географического пространства, но и с частью культурного пространства и становятся важным этнокультурным фактором в познании окружающего мира [Березович 2004: 3]. Приведем примеры:

dô hete der hêre Ênêas / von den goten vernomen, / daz der dannen solde komen / unde den lîb vor in bewaren / und uber mere solde varen / ze Italjen in daz lant [Heinrich von Veldeke 1986: 54–59].

Ich wil, ob mirs got gan, / die bôsen trôischen zagen / ûzer diseme lande jagen / hin wider uber mere/ mit michelme here [Heinrich von Veldeke 1986: 4972–4975].

Анализ лексем ср.-в.-нем. *mere*, ср.-англ. *mer*, ст.-франц. *mer*, ср.-лат. *fretum* в значении ‘море’ показал, что в ХКМ эпохи Средних веков данные номинации актуализируют семиотическую кодовую нагрузку ‘место гибели’. Важно отметить, что сочетание в художественном контексте лексемы ср.-в.-нем. *mere* ‘море’ с номинацией ср.-в.-нем. *lande* ‘суша’ имплицитно отражает коннотативную оппозицию ‘место гибели’ – ‘место спасения’. Для маркирования признака ср.-в.-нем. *lande* ‘место спасения’ в художественных текстах используются языковые единицы с положительной “жизнеутверждающей” коннотацией, ср.: ср.-в.-нем. *quâte* <...> *lebende ze*

lande ‘если я выберусь <...> живым на сушу’, ср.-в.-нем. *dâ lûte inne irtrunken* <...> *des si sint iemer mêre enbâren* ‘тогда, когда люди погибли, <...> этого они избежали’, ср.-в.-нем. *eine ruowe hielte* ‘остановились на отдых (чтобы восстановить силы)’, ср.-в.-нем. *durch banekîe ûz an daz lant* ‘благодаря отдыху на суше’, ср.-в.-нем. *des wâren si alle vile frô* ‘этому все они были рады’, ср.-в.-нем. ср.-в.-нем. *û sal aver diu spîse ein teil tûre werden, êr ir komet zer erden jenehalb uber mere* ‘вы будете испытывать нужду в еде, пока не сойдете на землю по ту сторону моря’, ср.-лат. *verrimus equoreos fluctus uitamque perosi et caput et merces tumidis committimus undis* ‘мы по морским пучинам плывем, смертельным опасностям жизнь подвергая’ (Приложение 2, пр. 209–213).

Представления о море как об ‘опасном, гибельном месте’ фиксируются в ХКМ вербальными средствами с семантическими компонентами ‘смерть’, ‘беда’, ‘страдание’ (Приложение 2, пр. 214–225): ср.-в.-нем. *ûf diseme mere ligen tôt* ‘погибнуть в этом море’, ср.-в.-нем. *dâ was versunken, dâ lûte inne irtrunken* ‘там ушли на дно, там, где утонули люди’, ср.-в.-нем. *in wazzzer* <...> *kâmen sî dâ von in ungewonlîche nôt* ‘в морской воде испытали они большие бедствия (страдания)’, ср.-в.-нем. *und liezen in dâ swebenden, in manegen sorgen lebenden* ‘и отпустили его на волю волн, обрекая на большие страдания’, ср.-в.-нем. *mit micheler nôt vil manegen ûbelen wec geslagen* ‘с большим трудом прокладывал через опасности путь’, ср.-в.-нем. *swebete dâ wâ unde wâ mit jâmer und mit sorgen* ‘плыл то туда, то сюда в горе и в печали’, ср.-в.-нем. *in manegen wîs sô was im wê: <...> wê umbe sîn selbes nôt* ‘многое причиняло ему страдания: <...> скорбь из-за своих бедствий’, ср.-в.-нем. *er vorhte den tôt* ‘он боялся смерти’, ср.-в.-нем. *alsus bestuont uns ûf dem mer in einem schiffe ein roupher, die nâmen uns cleine unde grôz und sluogen mînen kuofgenôz und allez, daz dâ lebende was* ‘когда на море на корабле нас настигли пираты, всех (взрослых и детей) взяли в плен, убили моих спутников-купцов, не оставили ни одной живой души’, ст-франц. *que il ne voelent ne tenir ne garder. Einz qu’il oussent .III. liues siglet, sis aquillit e tempeste e ored la sunt*

neiez, jamais nes en verrez ‘но не пришлось отплыть – я видел сам. И на четыре мили кораблям, как налетели шторм и ураган. Погибли альгалиф и с ним вся рать’. Приведем примеры:

und liezen in dâ swebenden, / in manegen sorgen lebenden. / Curvenal swebete ûf dem sê. / in manegen wîs sô was im wê: / <...> wê umbe sîn selbes nôt, / durch daz er vorhte den tôt [Gottfried von Straßburg 2001a: 2349–2356].

mit tôtem herzen gie si dar. / si nam daz leide veige vaz, / si truoc ez dannen und warf daz / in den tobenden wilden sê [Gottfried von Straßburg 2001b: 11692–11695].

Море воспринимается носителями средневековой культуры в нескольких ракурсах, а именно: 1) как неподвластная человеку стихия (ср.-в.-нем. *si haeten sich mitalle ergeben an die* <...> *âventiure* ‘все они отдались <...> на волю случая’, ср.-в.-нем. *si liezen ez an die geschiht* ‘они отдались на волю судьбы’); 2) неизведанная стихия (ср.-в.-нем. *nâch wâne schiffete* ‘плыл наудачу’, ср.-в.-нем. *ensolte des niht nemen war, wie lange er vüere oder war* ‘он не мог представить, как долго плыл и куда’, ср.-в.-нем. *enwiste ouch niht wen suochen* ‘не знал, кого он ищет’); 3) как объект, представляющий опасность для человека (ср.-в.-нем. *diz wilde mere is mir gram* ‘свиристое море враждебно ко мне’, ср.-в.-нем. *hazzent mich die winde* ‘ветра ненавидят меня’).

Антропоморфные признаки морской стихии проявляются в способности номинации ср.-в.-нем. *mere* ‘море’ коррелировать с лексемами, в семантике которых инкорпорированы эмотивно-поведенческие характеристики: море неукротимо в своем гневе (ср.-в.-нем. *daz mere is freissam getân* <...> *niht enzornet ir mir sô* ‘море неукротимо, <...> никогда не испытывал я такой ярости’), море питает злобу против человека (ср.-в.-нем. *diz wilde mere is mir gram* ‘неистовое море исполнено злобы ко мне’), морская стихия противодействует человеку (ср.-в.-нем. *was im ie widere* ‘было против него’, Приложение 2, пр. 225–227).

В поэтических описаниях образа морской стихии (ср.-в.-нем. *diz wilde mere is mir gram* ‘это неистовое море ужасает меня’, ср.-в.-нем. *hazzent mich*

die winde ‘морские ветра ненавидят меня’), можно наблюдать характерное для средневекового человека восприятие мира, которое проявляется в анимистическом мирозерцании. Приведем пример:

diz wilde mere is mir gram, / ouch hazzent mich die winde, / als ich ez wol bevinde, / die mich von danne hânt getriben [Heinrich von Veldeke 1986: 7706–7709].

Свойства моря находят отражение в глаголах с семантикой движения, которые актуализируют коннотативный признак ‘противодействующие человеку силы природы’. Так, морские волны носят человека туда и сюда (ср.-в.-нем. *die wilden ûnde truogen wîlent her und wîlent hin* ‘свирепые волны носят то туда, то сюда’), ветер гонит путешественника в даль моря (ср.-в.-нем. *die winde*, <...> *die mich von danne hânt getriben* ‘ветра, <...> которые гонят меня вдаль’), ветер бьет (ср.-в.-нем. *mich die winde sluogen* ‘меня бьют ветра’), штормовой ветер разбрасывает корабли далеко друг от друга (*der stormwint zerteilde dô diu schif vile wîten* ‘шторм разбросал корабли далеко друг от друга’, Приложение 2, пр. 222–228).

Рельефным в восприятии средневековым человеком моря становится также отражение божественной силы, воплощенной в мифологическом образе Юноны. Образ богини Юноны получает в этой связи характеристику в акте предикации как носитель признака ‘враждебная природная стихия’, ср.: ср.-в.-нем. *unsanfte ire maht* ‘свою безжалостную силу’, ср.-в.-нем. *des leider grôze quâle* ‘испытала большие страдания’, а также глагольными сочетаниями ср.-в.-нем. *si tet im grôzen tormint* ‘она посылала сильный шторм’, ср.-в.-нем. *si wolde al ze tôde slahen* ‘она хотела погубить всех’. Приведем в качестве примера фрагмент текста:

dô her ûf daz mere quam / und dannen varen solde, / swar sô her hin wolde, / sie was im ie widere / <...> si erscheinde im zeinem mâle / unsanfte ire maht / drî tage und drî naht. / tet im grôzen tormint, / beide storm unde wint, / mit regene und mit hagele. / <...> si wolde se al ze tôde slahen / diu gotinne Jûnô [Heinrich von Veldeke 1986: 172–195].

Дополнительными характеристиками моря становятся также признаки, которые заложены в языковых единицах, служащих для объективации неблагоприятных для путешественника погодных условий, ср.: ср.-в.-нем. *beide storm unde wint* ‘шторм и ветер’, ср.-в.-нем. *mit regene und mit hagele* ‘с дождем и градом’. Эти характеризующие предикаты в вербальной форме в контексте определяют семантическое своеобразие моря как ‘опасной и неблагоприятной для странствий средневекового человека стихии’.

В художественном тексте (Г. фон Страсбургский «Тристан») в сопоставлении номинаций ср.-в.-нем. *l'ameir* ‘любовь’ и ср.-в.-нем. *la meir* ‘море’, заимствованных из старофранцузского языка, прослеживаются социокультурные (куртуазные) традиции средневекового общества. Очевидно, что сопоставление строится не только на созвучии лексем, но, прежде всего, на содержательной связи *la meir* ‘море’ и *l'ameir* ‘любовь’. Насколько можно судить, параллель *l'ameir* и *la meir* предполагает набор таких ценностных приоритетов светской культуры как любовь и авантюра (страсть к приключениям). Доминирующим признаком номинаций *l'ameir* и *la meir* в контексте становятся атрибуты ср.-в.-нем. *bitter* в значении ‘горький’ (< д.-в.-н. *bittar* < гот. *baitrs* ‘едкий, острый’ (о вкусе) [Duden 2001: 99]) и ср.-в.-нем. *sûr* ‘горестный, горький’ (< д.-в.-н. *sûr* < герм. **sura-* ‘кислый, соленый; влажный’ [Duden 2001: 699]), которые, по всей видимости, являются семантическими кальками, возникшими в средневерхненемецком языке в результате преобразования семантического значения под влиянием французских лексических эквивалентов (в первоначальном значении оба слова обозначали вкусовые ощущения) [Филичева 2003: 199]. По существу, в немецкой лингвокультуре атрибуты ср.-в.-нем. *bitter* ‘горький’ и ср.-в.-нем. *sûr* ‘горестный, горький’ расширяют свою семантику, приобретая лексико-семантические варианты ‘бедственный, тяжелый’ и ‘тяжкий, удручающий’ с негативной коннотацией, которая соответственно переносится на оба понятия (*l'ameir* и *la meir*), ср.: *l'ameir daz waere minnen, l'ameir bitter* ‘l'ameir

что значит любовь, любовь горька' или *mer unde sûr sint iuwer nôt* 'море и горькое томление – наша беда'. Приведем пример:

sus begunde er sich versinnen, / l'ameirdaz waere minnen, / l'ameir bitter, la meir mer. / <...> mer unde sûr sint iuwer nôt. / iu smecket mer unde wint. / <...> lameir al eine tuot mir wê.« [Gottfried von Straßburg 2001б: 11993–12010].

Итак, в когнитивной модели пространства море представлено в нескольких ракурсах, а именно: 1) неподвластная человеку стихия; 2) неизведанная необузданная стихия; 3) реалья, представляющая (смертельную) опасность для человека.

Актуализация пространственных элементов в когнитивной модели в ХКМ Средневековья обусловлена экстра- и интралингвистическими факторами. Степень отражения и детализация объектов внешнего мира различна. Об этом свидетельствует частота употребления номинаций, служащих для вербализации объектов, составляющих земной мир. На специфику когниции окружающего мира повлияли, с нашей точки зрения, следующие экстралингвистические факторы: структура средневековой феодальной формации (строгая иерархия общества), система хозяйственных отношений, идеология и сословная субкультура.

Рассмотренные в настоящей работе реалии земного мира обнаруживают следующие социо- и национально-культурные коннотации: 1) место ведения боевых действий (лес, поле, луг); 2) охотничьи угодья (лес, поле, луг); 3) место отдыха (лес, поле, луг); 4) место обитания мифологических чудовищ, драконов, великанов (лес); 5) светский, куртуазный (лес, луг, поле, море).

3.3. Языковая репрезентация пространства inferнального мира

Пространство inferнального мира представлено в ХКМ Средневековья в виде сложно структурированной когнитивной модели, включающей в себя фрагменты загробного мира: ад и рай. На основании проведенного анализа языкового материала можно выделить следующие

средства их вербализации: ср.-в.-нем. *helle*, ср.-англ. *helle* ‘ад’, ст.-франц. *enfer* ‘ад’, ср.-лат. *Tartareum que subit* ‘недра Тартара’, а также ср.-в.-нем. *paradise* ‘рай, райский сад’, ср.-англ. *paradys*, ст.-франц. *seint pareis (pareis)*, ср.-лат. *paradysum* ‘рай’ (Приложение 2, пр. 229–233).

В христианском мировосприятии пространственные представления о рае и аде достаточно размыты и носят противоречивый характер. Согласно воззрениям средневекового человека, ад и рай – это пространства inferнального и сакрального (небесного) мира, находящиеся за пределами земного мира. Интересно отметить, что в немецкой ХКМ Средневековья рай, как и ад, является частью inferнального мира. Примечателен пример, в котором находят отражение представления средневекового человека о линейном расположении (непосредственно рядом друг с другом) ада и рая в inferнальном пространстве. Об этом свидетельствует схема передвижения героев романа Г. фон Вельдеке «Энеида» Энея и Сибиллы в загробном мире: ср.-в.-нем. *dô liezen sie die helle stân* ‘они покинули ад’, ср.-в.-нем. *dô quâmen sie an eine stat, dâ ez vile schône was <...> Elysîu gevilde* ‘они вышли к прекрасному месту <...> Елисейским полям’:

Dô daz allez was getân, / dô liezen sie die helle stân <...>. / Dô quâmen sie an eine stat, / dâ ez vile schône was, / <...> diu stat, dâ hern inne vant / und dâ her in ouch liez, / ich sage û wie diu hiez: / Elysîu gevilde [Heinrich von Veldeke 1986: 3553–3585].

В основе образа рая (ср.-в.-нем. *paradise*, ср.-англ. *paradys*, ст.-франц. *seint pareis (pareis)*, ср.-лат. *paradysum*) лежит мотив райского сада – Эдема, который христианская традиция заимствовала из текстов Ветхого Завета, ср.: ср.-лат. *que tua laus, coluber, uel que tua gloria primum Eiecisse hominem si tam uenerabilis ortus* ‘в чем будет слава твоя, змий; похвалиться ли станешь тем, что изгнал человека из рая. Приведем пример:

Que tua laus, coluber, uel que tua gloria primum / Eiecisse hominem si tam uenerabilis ortus / Cedat Alexandro?» nec plura locuta recessit [Galteri de Castellione 1978: 103–104].

Рай, согласно библейской традиции, изображается прекрасным цветущим садом, наполненным благоухающими цветами и плодовыми деревьями, ср.: ср.-в.-нем. *obez, bluomen unde gras, swaz in dem paradîse was* ‘фруктовые деревья, цветы и трава, все что есть в раю’. Рай в художественном контексте является метафорическим средством выражения места, где человек обретает вечное блаженство, радость жизни. Приведем пример:

ez ist gar in blüete / von wîplîcher güete. / da enist niht obezes inne / wan triuwe unde minne, / unde werltlîcher prîs. / Ahî, ein sô getân pardîs, / daz alsô vröudebaere / und sô gemeiet waere, / dâ möhte ein saeliger man / sînes herzen saelde vinden an und sîner ougen wunne sehen [Gottfried von Straßburg 2001б: 18083–18093].

Характеристика рая как “места вечного блаженства и радости” получает манифестацию в виде выражений – экспликаторов эмоционального состояния человека, ср.: ср.-в.-нем. *saelic ie geborn* ‘рожден быть блаженным’, ср.-в.-нем. *dekeine sorge haben* ‘быть беззаботным’, ср.-в.-нем. *vröudebaere und sô gemeiet waere* ‘быть радостным и веселым’, ср.-в.-нем. *sînes herzen saelde vinden* ‘обрести усладу сердца своего’, ср.-в.-нем. *sîner ougen wunne* ‘отрада для глаз’, ср.-англ. *he com into a fair cuntray as bright so sonne an somers day* ‘Попал в страну фэйери, где столько света – как солнца в солнечное лето’, ср.-англ. *bylde in me blys, abated my balez, forbidden my stresse, dystried my paynez* <...> *forby I boȝt þat paradyse* ‘даруя радость, мне помог – я сбросил бремя бед и мук’, ср.-англ. *the joys of paradys* ‘райское наслаждение’ (Приложение 2, пр. 234–243).

При этом образ рая сопряжен в представлениях носителей средневековой культуры с “местом изобилия”, семантический потенциал которого реализуется лексемами-экспликаторами материальных благ, ср: ср.-англ. *the riche werk that ther was wrought*. <...> *The proude court of paradis* ‘играют самоцветы. <...> Сей есть рай’, ср.-в.-нем. *edile gesteine*

‘драгоценные камни’, *zierheit maneger slahte* ‘разного рода драгоценности’ (Приложение 2, пр. 244–245).

Следует отметить аллегорический характер толкования рая в художественных текстах Средневековья. Подобная тенденция в во многом объясняется доминирующей ролью церкви, христианских и куртуазных традиций в Европе XII–XIV вв. Рай репрезентирует значение ‘внутренний рай’ или ‘рай в душе’ (ср.-в.-нем. *daz paradîs in sînem herzen begraben* ‘сохранить рай в своем сердце’), инкорпорируя моральные качества, совокупность которых определяет идеал средневекового христианина с точки зрения законов куртуазии, духовных добродетелей и божественной благодати, которую он может достичь, соблюдая законы церкви, ср.: ст.-франц. *pramis nus est, fin prendrum a itant, ultre cest jurn ne serum plus vivant; mais d’une chose vos soi jo ben ġuarant: seint pareis vos est abandunant* ‘да, нынче умереть нам суждено. Мы до конца прошли наш путь земной. Но я душой моей ручаюсь в том, что вам сужден по смерти рай святой’, ст.-франц. *se vos murez, esterez seinz martirs, sieges avrez el greignor pareis* ‘вас в вышний рай по смерти примет Бог, коль в муках вы умрете за него’. Приведем в качестве иллюстрации примеры:

Pramis nus est, fin prendrum a itant, / Ultre cest jurn ne serum plus vivant; / Mais d’une chose vos soi jo ben ġuarant: / Seint pareis vos est abandunant [La chanson de Roland 1922: 1519–1522].

Ahî, ein sô getân pardîs, / daz alsô vröudebaere / und sô gemeiet waere, / dâ möhte ein saeliger man / sînes herzen saelde vinden an und sîner ougen wunne sehen [Gottfried von Straßburg 20016: 18088–18093].

Se vos murez, esterez seinz martirs, / Sieges avrez el greignor pareis [La chanson de Roland 1922: 1134–1135].

В ХКМ эпохи Средневековья пространственный образ рая не имеет четкой локализации и границ. В отличие от рая, представления об аде носят конкретный характер. Непосредственно описание ада и пребывания грешных

душ в inferнальном пространстве представлены гораздо более разнообразно и детально, нежели рай и блаженное пребывание душ праведников в раю.

Инфернальное пространство являет собой закрытый (нижний) мир, организованный в соответствии с моделью античного ада. Вход в загробный мир ведет через врата (ср.-в.-нем. *zû der porten sie quâmen* ‘они подошли к вратам’), охраняемые стражем подземного мира Цербером (ср.-в.-нем. *Cerberum si funden der helle portenâre* ‘увидели они Цербера, стража адских врат’, *der helle torwarde* ‘стражник врат ада’). Приведем в качестве примеров два фрагмента текста:

zû der porten sie quâmen / dar nâch in korzen stunden. / Cerberum si funden / der helle portenâre / <...> im was diu porte bevolen [Heinrich von Veldeke 1986: 3196–3209].

Der helle torwarde / der zornde vile harde, / dô her die menschen gesach. / niht langer her ne lach, / zornlîche her ûf sprank. / sîn âdem freislîche stank, / <...> die nateren und die slangen, / da her mite was bevangen [Heinrich von Veldeke 1986: 3239–323220].

Выделим несколько характерных признаков демонического образа стража врат ада: зловоние (ср.-в.-нем. *sîn âdem freislîche stank* ‘дыхание его было зловонное’), ядовитые змеи, которые также являются символическими признаками воплощения дьявола и отождествляются в сознании средневекового человека с одним из смертных грехов, напоминающим о соращении Евы из книги Бытия (ср.-в.-нем. *die nateren und die slangen, da her mite was bevangen* ‘все туловище его было покрыто гадюками и змеями’). Хтонический образ стража врат ада, репрезентированный в виде собаки, соответствует традиционным средневековым поверьям о животном воплощении дьявола [Hederich 1770³¹; Махов 1998: 69], ср.: ср.-в.-нем. *her was gestalt alsam ein hunt hinden unde vorne* ‘он выглядел по образу собаки как спереди, так и сзади’ (Приложение 2, пр. 246). С одной стороны,

³¹ Ссылка: URL:<http://woerterbuchnetz.de/Hederich/?sigle=Hederich&mode=Vernetzung&lemid=HC00196#XHC00196> (дата обращения: 16.10.2012).

визуализация хтонической сущности стража адских врат свидетельствует об отрицательном отношении средневекового человека к врагу рода человеческого, воплощенному в демонических образах. С другой стороны, не стоит упускать из виду и тот факт, что для средневековой культуры характерна «тенденция к актуализация демонических образов в искусстве как важный фактор аскетического миропонимания» [Dinzelbacher 1996: 90] (перевод наш – О.О.).

При анализе художественных текстов нельзя не заметить того факта, что моделирование загробного мира мыслится по аналогии с моделью земного мира. Как и на поверхности земли, в пространстве инфернального мира текут реки (ср.-в.-нем. *Flêgetôn* ‘Флегетон’, *Oblîvîo* ‘Обливио’, ср.-лат. *Stiga* ‘Стикс’), простираются леса и долины, возвышаются замки. Согласно мифологической традиции, ср.-в.-нем. *Oblîvîo* ‘Обливио’ служит номинацией реки забвения в подземном царстве (ср.-в.-нем. *sô si dâ getrinken sone kunnen sie gedenken* <...> *die gedanke habent sie verloren* ‘тот, кто выпьет из нее, ничего не помнит, <...> тот забудет обо всем’). Реки являются неотъемлемыми атрибутами концепции загробного мира и воплощают, согласно древним верованиям, символическую границу, отделяющую мир мертвых от мира живых, ср.: ср.-в.-нем. *diu stat dâ dû inne bist is rehte der, dune quâme nie in dirre vart in sô grôze vinsternisse* ‘с этого места, где ты стоишь, начнется твое странствие в адскую бездну’, ср.-лат. *ad Stiga descendo, michi prouisura meisque, <...> Tartareum que subit decliui tramite limen* ‘нынче я к Стиксу спущусь <...> в Тартара недра спустилась по склону крутому’. Приведем примеры:

ez heizet Oblîvîo / und is geschaffen alsô, / sô si dâ getrinken / sone kunnen sie gedenken. / die gedanke habent sie verloren [Heinrich von Veldeke 1986: 3156–3160].

«Ad Stiga descendo, michi prouisura meisque,» / <...> Tartareum que subit decliui tramite limen [Galteri de Castellione 1978: 26–30].

Наиболее показательным в пространственной модели загробного мира является визуализация образа ада в виде укрепленного замка – ср.-в.-нем. *borch* ‘бург’: *dô sach her zer winsteren hant eine grôze borch stân* ‘увидел он по левую руку огромный замок’ (Приложение 2, пр. 247). В качестве средств-репрезентантов замка в inferнальном пространстве представлен ряд языковых экспликаторов, компоненты которых проявляют семантическую соотнесенность с адом и земным миром. Замок представлен как неприступное сооружение (ср.-в.-нем. *grôze borch stân* ‘стоял огромный замок’), окруженное стеной (ср.-в.-нем. *diu mûre was îsenîn* ‘стены его были из железа’). Его отрицательная маркированность находит отражение в лексической семантике экспрессивных определений ср.-в.-нем. *grôz* ‘огромный’, ср.-в.-нем. *egeslîch* ‘страшный’, ср.-в.-нем. *ungehûr* ‘ужасный, огромный’. Непосредственно к лексическим средствам выражения “инфернальный” можно отнести предложное словосочетание ср.-в.-нем. *zer winsteren hant* ‘по левую руку’, а также метафорическое выражение ср.-в.-нем. *diu mûre was îsenîn und glûte vone fûre* ‘стены его были из железа и горели огнем’, коннотирующие символические признаки ада ‘левый’ и ‘огонь’. Лексема ср.-в.-нем. *winster* ‘левый’ соотносится с преисподней (ср.-в.-нем. *dô sach her zer winsteren hant eine grôze borch stân* ‘по левую руку он увидел огромный замок’) и, согласно христианской символической традиции, коннотирует отрицательно маркированный признак ‘дьявольский’ [Толстой 1995: 151–166].

Соотнесенность с земным миром демонстрируют также лексемы ср.-в.-нем. *tal* ‘долина’ (ср.-в.-нем. *dô si wâren in dem tal* ‘они очутились в долине’) и ср.-в.-нем. *walde* ‘лес’ (ср.-в.-нем. *in dem vinstern walde* ‘в мрачном лесу’), репрезентирующие проекцию объектов земного мира в inferнальное пространство (Приложение 2, пр. 248–249).

Ад представляет собой замкнутый мир, который визуализируется в образе темной пещеры. Загробный мир разделен на отсеки – вместилища душ. В основе зонального деления ада лежат этические воззрения

средневекового человека, его представления о понятиях “добродетель” и “грех”. При этом пространство загробного мира не только сакрализовано, но и “социологизировано”. Этот факт находит подтверждение в классификации душ умерших в соответствии с посмертным воздаянием за жизнь земную: “добродетельные” и “грешники”.

Для средневекового сознания характерна высокая номинативная плотность лексической группы “грешные” в отличие от размытого характера определения группы “добродетельные”. Группа “добродетельные” включает лексемы, манифестирующие умерших, обитающих в райском месте, имеющих статус родителей или родственников (ср.-в.-нем. *dâ vant der hêre Ênêas sînen vater Anchîsen den alden und den wîsen* ‘тут нашел Эней своего старого и мудрого отца Анхиса’). Приведем пример:

dô quâmen sie an eine stat, / dâ ez vile schône was, / dâ vant der hêre Ênêas / sînen vater Anchîsen/ den alden und den wîsen [Heinrich von Veldeke 1986: 3575–3580].

Что касается второй группы, то анализ компонентов группы “грешные” обнаруживает достаточно высокую вариативность номинаций. В ХКМ эпохи Средних веков манифестированы общепринятые христианские представления о душах грешников, пребывающих в аду, в основе которых лежит «концепция суда над мертвыми» [Гофф 2009: 12]. Отличительной чертой этих номинаций является признак ‘нечистый (нечестивый)’. Эта группа репрезентирует самоубийц (ср.-в.-нем. *sêle wâren, <...> den daz leben was benomen von ir selber scholden* ‘души, <...> по собственной воле покончившие с жизнью’, ср.-в.-нем. *diu sich sô jâmerlîchen dorch sînen willen hete erslagen* ‘та, что по собственной воле столь жалко покончила с собой’), некрещенных детей (ср.-в.-нем. *lûterlîcher kinde <...> da di mûder wâren mite tôt* ‘нерожденных детей, <...> умерших в чреве своих матерей’, Приложение 2, пр. 250–252).

В аду (в загробном царстве Радаманта (ср.-в.-нем. *Râdamantus*) пребывают также свергнутые божества (ср.-в.-нем. *Tantalûs* ‘Тантал’, ср.-в.-

нем. *die resen* ‘гиганты (титаны)’, ср.-в.-нем. *Tîtûs* ‘Титан’), ср.: ср.-в.-нем. *dâ bî martet man die resen* ‘здесь подвергают мукам титанов’, ср.-в.-нем. *dâ inne sîzet ouch Tantalûs* <...> *vor hunger lîdet her grôze nôt* ‘там находится Тантал <...> страшные муки голода испытывает он’, ср.-в.-нем. *Tîtûs. den quelet Râdamantus* ‘Титан, его подвергает мукам Радамант’. Приведем два примера:

dâ bî martet man die resen, / den man ouch vil wê tût, / die dorch ir ubermût / ze himele stîgen wolden / und die gote enterben solden / und verstôzen mit gewalt; / der iegelîch sîn engalt [Heinrich von Veldeke 1986: 3508–3514].

dâ inne sîzet ouch Tantalûs / <...> vor hunger lîdet her grôze nôt, / daz her gerner wâre tôt [Heinrich von Veldeke 1986: 3484–3493].

dâ was einer under, / der des wolde wânen, / daz her Dîanen / ze wîbe solde gewinnen / und sîn solde minnen, / der was geheizen Tîtûs. / den quelet Râdamantus / mit wunderlîchen dîngen [Heinrich von Veldeke 1986: 3516–3523].

Отдельно в пространстве загробного мира (ада) представлена группа воинов, погибших во время боя или рыцарского поединка (ср.-в.-нем. *sie funden der ein michel teil, die tôt wârn dorch ritterschaft; vil groz was der gesellschaft* ‘они встретили погибших рыцарей, много их было здесь’). Приведем пример:

sie funden der ein michel teil, / die tôt wârn dorch ritterschaft; / vil groz was der gesellschaft. / dâ was der kunich Adrastus, / Polinîces und Tydêus / Ypomedôn und Partonopeus, / Amphîorâs und Canepeus, / die ze Thêbîs den lîb verloren / und den tôt dâ erkoren [Heinrich von Veldeke 1986: 3310–3318].

Как следует из предыдущего примера, отличительным признаком группы “души погибших в бою” является детальное перечисление по именам: ср.-в.-нем. *Polinîces, Tydêus, Amphîorâs, Canepeus, Prîamûs, Trôilûs, Pârîs, Hectôr, Adrastus, Menelaus, Tytides, Agamemnôn, Achilles* и др. Данная группа имен собственных обнаруживает признак ‘благородного происхождения’, репрезентированный номинациями ср.-в.-нем. *kunich* ‘король’, ср.-в.-нем. *kûne* ‘принц’, ср.: ср.-в.-нем. *kunich Adrastus* ‘король Адраст’, ср.-в.-нем. *kunich Prîamûs* ‘король Приам’, ср.-в.-нем. *kûne Trôilûs*

‘принц Троил’. Последние манифестированы посредством неотъемлемых атрибутов образцового немецкого рыцаря, к примеру, ср.-в.-нем. *hovesch* ‘галантный, придворный’, ср.-в.-нем. *wîs* ‘мудрый’, ср.-в.-нем. *fromig* ‘благочестивый’, ср.: ср.-в.-нем. *der wîse Anthênôr* ‘мудрый Антенор’, ср.-в.-нем. *der hovesche Athanas* ‘галантный Атанас’, ср.-в.-нем. *der fromige Aiax* ‘благочестивый Аякс’ (Приложение 2, пр. 253–254). Интересно в этом плане отметить, что согласно христианской этике, героическая смерть воина во время сражения есть подвиг, героическими и благородными деяниями воин может заслужить место в раю. С точки зрения язычника, смерть на поле боя, как и смерть в результате самоубийства, – “греховная” смерть. Следовательно, и самоубийца, и герой, падшие на поле битвы, попадают в ад [Левкиевская 2000: 186–187].

Важным в определении группы “грешные” является актуализация страданий и мучений душ в загробном мире: ср.-в.-нем. *lîden* ‘страдать’, ср.-в.-нем. *nôt* ‘нужда’, ср.-в.-нем. *wê* ‘муки, страдания’, ср.-в.-нем. *arbeit* ‘страдание, нужда’ (ср.-в.-нем. *lîdet her grôze nôt* ‘терпят страшные лишения’, ср.-в.-нем. *vil wê tût* ‘причиняют много боли’, ср.-в.-нем. *liden michel nôt* ‘испытывают ужасные страдания’, ср.-в.-нем. *dolen solden nôt unde arbeit* ‘должны претерпевать нужду и страдания’).

Как следует из анализа фактического материала, в представлениях средневекового человека о существовании душ умерших и погибших нет строгой грани между жизнью грешных и добродетельных. Подобный размытый характер обусловлен, с нашей точки зрения, синкретизмом языческих воззрений и христианской религии о грехе.

Выводы по главе 3

Анализ материала исследования позволяет утверждать, что номинации с пространственной семантикой, служащие для языковой объективации ключевых образов пространства в ХКМ эпохи Средних веков, обладают высокой степенью рекуррентности.

Анализ особенностей концептуализации пространственных отношений на языковом уровне, механизмов и моделей категоризации представлений носителей средневековой культуры о мире, позволил выявить доминантные средства репрезентации пространства, в роли которых выступают номинации, вербализующие ключевые пространственные категории: ср.-в.-нем. *himele* / ср.-англ. *space (heuen)* / ст.-франц. *ciel* / ср.-лат. *sydera sedes (summum deinceps Olympum)*; ср.-в.-нем. *werlde (ertrîche)* / ср.-англ. *worlde (erþe, “syȝt of pes”)* / ст.-франц. *tere* / ср.-лат. *terrarum orbis*; ср.-в.-нем. *abgrunde (helle)* / ср.-англ. *helle* / ст.-франц. *enfer* / ср.-лат. *Tartareum*; ср.-в.-нем. *hō – nider* / ср.-англ. *vpon – adoun* / ст.-франц. *desuz* / ср.-лат. *summum (superum)*; ср.-в.-нем. *sîne – fremde* / ср.-англ. *ferly* / ст.-франц. *estrange* / ср.-лат. *patriae (solum patrium)*.

Универсум сакрального мира концептуализируется в ХКМ эпохи Средних веков как “мир бытия божественных сущностей”. Языковое сознание выделяет номинации царства единого Бога лексемы ср.-в.-нем. *himelrîche* букв. ‘царство небесное’, ср.-англ. *heuenryche* ‘Град Небесный’, ср.-англ. *godes y-hold* ‘владенья Бога’, ср.-англ. *kyngdom of God* ‘Божье царство’. Манифестация Бога в языке обусловлена христианским догматом о Пресвятой Троице: Бог-Отец (ср.-в.-нем. *got hêrre*; ср.-англ. *god, Dryȝtyn, lorde*; ст.-франц. *Deu*), Бог-Сын (ср.-в.-нем. *der gotes sun, der vil tugehafte Crist, herr Jêsu Krist*; ср.-англ. *Krist (Jesu Kryst)*; ст.-франц. *chrestiens*) и Бог-Святой Дух (ср.-в.-нем. *der heilige geist*).

На языковом уровне политеистические представления находят отражение в употреблении форм ед.ч. и мн.ч. лексемы ср.-в.-нем. *got / gote* и ст.-франц. *deu / li deu* ‘Бог’ / ‘боги’, а также номинации ср.-лат. *diuinos*; ср.-в.-нем. *oberst – hôst (hō(ch) / niderst – nider* ‘высший / низший’; ср.-в.-нем. *got – gote / abgote* ‘бог(и)/ ложные боги (идолы)’; ср.-в.-нем. *got – engel / valant – tiuvel – hellegeiste* ‘Бог – ангел / дьявол – призраки ада’; ср.-в.-нем. *sayntez – legyounes of aungelez – deuele* ‘святые – сонм ангелов – дьявол’; ст.-франц.

deu – (*li*) *deu* ‘бог / языческие боги’; ст.-франц. *deu* – *d’angele* – *diabls* ‘Бог – ангел – дьявол’).

Мир земной в ХКМ репрезентирован номинациями ср.-в.-нем. *werlt* ‘мир’, ср.-в.-нем. *êrde* ‘земля’, ср.-в.-нем. *riche* ‘государство’, *lant* ‘страна’; ср.-англ. *worlde* ‘мир’, *erþe* ‘земля’, “*syȝt of pes*” ‘мир зримый’; ст.-франц. *tere* ‘земля’; ср.-лат. *terrarum orbis* ‘земной мир’, *terra* ‘земля’. Мир земной эксплицирован в ХКМ эпохи Средних веков 4 концептуальными образами: 1) “земля – родина (родной дом/родная страна)”; 2) “земной мир – окружающий мир”; 3) “земной мир – мир страданий”; 4) “земля – владение, собственность.

“Земля – родной дом (родина)” манифестирует идею родины, родного дома (ср.-в.-нем. *heim* ‘родной кров’, *hûs* ‘дом’ *lant* ‘страна’; ср.-англ. *home* ‘родной дом’, *londe* ‘страна’; ст.-франц. *la lur tere* ‘родной край’, *sun meillor repaire* ‘родное жилище’). “Земля – владение” инкорпорирует ценностную значимость земельного владения в сознании средневекового человека. Ключевым фактором в этом отношении является положительно маркированная коннотация “защищенность и безопасность земли и собственности. “Земной мир – окружающий мир” объективирован следующими доминантами: лес (ср.-в.-нем. *walt* ‘лес’, *wilde* ‘чаща’, *waltriviere* ‘роща на берегу’; ср.-англ. *forest (wod)* ‘лес’; ст.-франц. *bois* ‘лес’), поле, равнина (ср.-в.-нем. *velt* ‘поле’, *wissen (wissen)* ‘луг’, *ouwe* ‘луговое пространство’, *wase* ‘небольшая поляна’, *tal* ‘долина’, *prâerîe* ‘открытое луговое пространство’, *plaine* ‘открытое пространство’, *ein gras* ‘участок земли, покрытый травой’; ср.-англ. *felde* ‘поле’; ст.-франц. *el camp* ‘поле’, *la pree* ‘луговая долина’, *la pleine tere* ‘луговое пространство’, *la tere* ‘поляна, поле’, *la pree* ‘луг’), море (ср.-в.-нем. *mere* ‘море’, *sê* ‘море’; ср.-англ. *mer* ‘море’; ст.-франц. *la mer* ‘море’; ср.-лат. *fretum* ‘море’, *equoreos fluctus* ‘морское течение’). Репрезентированные реалии окружающего мира дифференцированы по двум основным признакам: ‘опасный’, ‘враждебный’ – ‘безопасный’. В ХКМ эпохи Средних веков находят отражение

характерные для средневековых христианских учений представления о земном мире, полным греха, бедствий и страданий.

Универсальной составляющей пространства наряду с сакральным и земным миром является инфернальный мир, который объективирован в ХКМ Средневековья доминантами ср.-в.-нем. *helle*, ср.-англ. *helle*, ст.-франц. *enfer*, ср.-лат. *Tartareum que subit* в значении ‘ад, преисподняя’. В эпоху Средних веков представления человека о пространстве инфернального мира демонстрируют определенность в толковании его положения, строения и границ и имеют устойчивые параллели с его локализацией. Инфернальный мир представляет собой закрытое пространство, организованное по модели античного ада, неотъемлемыми атрибутами которого являются реалии земного мира: реки, леса и долины, замок (ср.-в.-нем. *flûz* ‘река’, ср.-в.-нем. *tal* ‘долина’, ср.-в.-нем. *walde* ‘лес’, ср.-в.-нем. *borch* ‘замок’), репрезентирующие проекцию объектов реального мира в инфернальное пространство.

В ХКМ эпохи Средних веков нет четкого разделения загробного мира для праведников и для грешников, во всяком случае, такие различия размыты.

Рай объективирован в ХКМ Средневековья следующими номинациями: ср.-в.-нем. *paradise* (*paradys*), ст.-франц. *seint pareis* (*pareis*), ср.-лат. *Paradysum*. Рай (ср.-в.-нем. *Elysû gevilde* ‘Елисейские поля’; ср.-лат. *Eiecisise hominem* ‘Елисейские поля’) метафорически представлен в ХКМ в виде цветущего сада и характеризуется как ‘место вечного блаженства и радости (ср.-в.-нем. *saelic ie geborn* ‘рожден быть блаженным’; ср.-англ. *the joys of paradys* ‘райская радость’).

В анализируемых средневековых текстах общераспространенные представления об окружающем мире детализированы социо- и этнокультурными доминантами эпохи XII–XIV вв. Так, например, в языковой манифестации Бога имплицативно актуализируется коннотация ‘светский’, ‘куртуазный’ (ср.-в.-нем. *höfscheit* ‘рыцарское благородство

Бога’). Признак ‘куртуазный’ актуализирован в контекстуальном окружении в отражении пространства земного мира: ср.-в.-нем. *über hof und über lant* ‘во всем дворце и в стране’, ср.-в.-нем. *ze hove und in dem lande* ‘при дворе и в стране’; ст.-франц. *en la cort al rei mult i avez ested <...> en dulce France* ‘давно вы состоите при дворе <...> в родной Франции’.

Особо следует отметить, что актуализация лексических единиц с пространственной семантикой во многом специфична и обусловлена жанровой спецификой текстов западноевропейской литературы Средневековья.

Заключение

В общей системе современных лингвистических исследований актуальной является проблема изучения особенностей процесса познания мира, механизмов концептуализации и категоризации окружающей действительности. В аспекте когнитивных исследований соотношения языка и мышления, способов восприятия и познания человеком окружающего мира основной формой объективации и репрезентации представлений и знаний об окружающей действительности является вербальный текст. В связи с этим в настоящем исследовании вербальный текст рассматривается как универсальная концептуальная структура, на основе которой изучаются моделирующие возможности механизмов языковой концептуализации и категоризации действительности.

Пространство играет важную роль в человеческом мышлении, выступает в качестве базового (онтологического) конструкта, на основе которого формируются представления и суждения человека об окружающем мире. Пространство является фундаментальной реалией бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком в процессе его когнитивной деятельности. В ходе работы нашло подтверждение положение о том, что в сознании средневекового человека формируется своеобразная модель пространства, аккумулирующая приемы видения мира, моделирующая и фиксирующая представления о действительности в единую систему. Когнитивная модель представляет собой “концептуальный каркас”, заключающий в условные модальные рамки объективированные в языке структурные элементы (образы действительности) и тематически объединяемые общими представлениями (ключевыми/миромоделирующими категориями) этноса в целом, отдельной страты. Эта особенность концептуализации, категоризации и систематизации знаний о мире соответствует общим законам когнитивной науки.

Формирование системы пространственных представлений и знаний об окружающей действительности детерминировано способами познания и

осмысления мира, релевантной для каждого культурно-исторического социума мировоззренческой системой. В основе системы мировоззренческих взглядов средневекового социума лежат универсальные (онтологические) представления и знания человека, обусловленные рядом экстралингвистических фактов: знания о Мироздании, социальное устройство, свод нравственных и религиозных норм.

В соответствии со сложившейся в западноевропейской культуре Средневековья системой мировоззренческих координат, религиозно-аскетические максимы христианской идеологии, божественное провидение, создают общий порядок Мироздания и эксплицируют иерархическую структуру пространства. Согласно этому иерархическому представлению, образ мира членится в пространстве на “верхний” (сакральный или небесный мир), “срединный” (земной мир) и “нижний” (инфернальный мир). Иерархия пространственных отношений находит выражение в виде вертикали – важного пространственного вектора в когнитивной модели пространства. Подобное видение организации пространства связано с господствующей в эпоху Средних веков теорией двух реальностей, согласно которой образ мира членится на потусторонний мир и земной мир.

Аксиологически значимой для когнитивной модели пространства выступает горизонталь, которая ставит в центр системы пространственных координат человека. В основе механизмов моделирования пространства по горизонтальному вектору лежит пространственный образ микромира (“свое пространство”) и макромира (“чужое пространство”). И если в основе системы пространственных отношений в проекции вертикали лежат теоцентрические представления о мире (Бог есть вершина мира, центр Мироздания), то в моделировании пространства по принципу горизонтали прослеживается идея антропоцентризма (эгоцентрическая организация пространства).

В пределах когнитивной модели пространства наряду с универсальной составляющей зафиксированы элементы трех культурно-религиозных

систем: древнегерманской, мифологической и древнеримской. В то же время значительный спектр представлений и знаний о мире, актуализированных в когнитивной модели пространства, отличается специфическими для каждой этнической группы особенностями. Этно- и социокультурные особенности прослеживаются прежде всего в гетеростереотипах (взгляд на других) и автостереотипах (взгляд на себя), которые прямо или опосредованно отражают этнокультурную специфику языкового сообщества, а также выступают средствами категоризации пространства (“свое пространство” – “чужое пространство”, освоенное (безопасное) пространство – неосвоенное (враждебное) пространство).

В результате комплексного анализа в настоящей работе реконструируется когнитивная модель пространства, специфика которой в значительной степени определяется не только универсальными (миромоделирующими) категориями западноевропейской культуры Средневековья, но прежде всего особенностями языковой категоризации окружающего мира в ХКМ Средневековья.

В ходе исследования находит подтверждение выдвинутая гипотеза. Когнитивная модель аккумулирует концентрированные знания носителей средневековой культуры об окружающей действительности, объективированные семантикой и прагматикой языковых и речевых единиц, структур, композиций, тематически объединяемых общей или частичной характеристикой окружающего мира. В этом аспекте когнитивная модель пространства представляет собой комплекс мировоззренческих координат и ценностей, зафиксированных в вербальном (художественном) тексте в виде особо организованной системы знаний и представлений о мире – универсального знакового комплекса, репрезентированного в ключевых / миромоделирующих категориях.

Результаты исследования показывают, что формирующаяся в процессе познавательной деятельности человека система знаний о мире, отраженная в ХКМ, опосредована соответствующими когнитивными моделями. Эта

проблематика открывает перспективы для дальнейшего исследования роли когнитивного моделирования, описания средств и способов концептуализации и категоризации знаний на диахронных срезах разной хронологической отнесенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев, С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции / С.С. Аверинцев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 448 с.
2. Аверинцев, С.С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья (Общие замечания) / С.С. Аверинцев // Античность и Византия. – М.: Издательство «Наука», 1975. – С. 266–285.
3. Аверинцев, С.С. Символика раннего средневековья / С.С. Аверинцев // Другой Рим: Избранные статьи [предисл. А. Алексеева]. – СПб.: Амфора, 2005. – С. 59–90.
4. Алефиренко, Н.Ф. Лингво-когнитивное моделирование картины мира / Н.Ф. Алефиренко // Картина мира: язык, литература, культура: Сборник научных статей. Вып. 2. – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2006. – С. 102–107.
5. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2005. – 416 с.
6. Апресян, В.Ю., Апресян, Ю.Д., Бабаева, Е.В. и др. Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.В. Бабаева. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
7. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
8. Афанасьев, А.Н. Мифология Древней Руси / А.Н. Афанасьев. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 608 с.
9. Аюпова, С.Б. Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале художественной прозы С. Тургенева): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / С.Б. Аюпова. – Уфа, 2012. – 51 с.
10. Бабушкин, А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.

11. Баева, Л.В. Ценности изменяющегося мира: Экзистенциальная аксиология истории: монография / Л.В. Баева. – Астрахань, 2004. – 275 с.
12. Бартелеми, Д. Рыцарство: От Древней Германии до Франции XII в / Д. Бартелеми. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. – 584 с.
13. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – М.: «Художественная литература», 1986а. – 542 с.
14. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986б. – 445 с.
15. Бельская, Ю.В., Бычков, Д.М., Громова, Т.Ю. и др. Художественная картина мира в фольклоре и творчестве русских писателей: коллективная монография / Ю.В. Бельская, Д.М. Бычков, Т.Ю. Громова и др. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. – 335 с.
16. Березович, Е.Л. Географический макромир и микромир в русской народной языковой традиции / Е.Л. Березович // Славяноведение. – М., 2002. – № 6. – С. 60–71.
17. Березович, Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей / Е.Л. Березович // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 3–24.
18. Березович, Е.Л. Топонимическая этносемантика / Е.Л. Березович // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. – М., 2003. – С. 19–35.
19. Берестнев, Г.И. Мифология пространства сквозь призму языка / Г.И. Берестнев // Категоризация мира: пространство и время: материалы науч. конф. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 76–78.
20. Беркович, М.Е. Из истории формулы средневековой Германской империи / М.Е. Беркович // Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1967. – Вып. 30. – С. 227–241.

21. Беркович, М.Е. К вопросу об особенностях формирования немецкой народности / М.Е. Беркович // Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1965. – Вып. 27. – С. 182–195.
22. Бессмертный, Ю.Л. Рыцарское счастье – рыцарское несчастье (Западная Европа, XII–XIII вв.) / Ю.Л. Бессмертный // Средние века. – М.: Изд-во «Наука», 1967. – Вып. 30. – С. 138–156.
23. Бижева, З.Х. Культура и языковая картина мира: Учебное пособие / З.Х. Бижева. – Нальчик: Каб.-Балк. Ун-т, 2003. – 34 с.
24. Бицилли, П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / П.М. Бицилли. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 808 с.
25. Богуславская, О.Ю. Динамика и статика в семантике пространственных прилагательных / О.Ю. Богуславская // Логический анализ языка. Языки пространств / РАН. Ин-т языкознания. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 20–29.
26. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. – № 1. – С. 18–36.
27. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие / Н.С. Болотнова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
28. Боэций «Утешение Философией» и другие трактаты / Боэций. – М.: Издательство «Наука», 1990. – 413 с.
29. Брайант, А. Эпоха рыцарства в истории Англии / А. Брайант. – СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001. – 576 с.
30. Брунова, Е.Г. Архаичные пространственные отношения в англосаксонской языковой модели мира: автореф. дисс. д-ра филол. наук: 10.02.04 / Е.Г. Брунова. – Москва, 2007. – 42 с.
31. Буркхардт, Я. Размышления о всемирной истории / Я. Буркхардт. – М.; СПб.: «Центр гуманитарных инициатив», 2013. – 560 с.

32. Вахтель, Н.М., Фридман, Ж.И. Морально-нравственная лексика в русском языковом сознании / Н.М.Вахтель, Ж.И. Фридман // Язык и национальное сознание, 2002. – Вып. 3. – С. 38–45.
33. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
34. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание слов / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
35. Вендина, Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания / Т.И. Вендина // Вопросы языкознания. – 2002а. – № 4. – С. 42–72.
36. Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т.И. Вендина. – М.: Индрик, 2002б. – 336 с.
37. Виллер, Э.А. Учение о Едином в античности и средневековье / Э.А. Виллер. – СПб.: Алетейя, 2002. – 668 с.
38. Витгенштейн, Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – Ч 1. – 612 с.
39. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
40. Гачев, Г.Д. Ментальности народов мира / Г.Д. Гачев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 544 с.
41. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством / Г.Д. Гачев. – М.: Раритет, 1997. – 680 с.
42. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца / Г.Д. Гачев. – М.: Институт ДИДИК, 1999. – 368 с.
43. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Космо-психо-логос / Г.Д. Гачев. – М.: Издательский сервис, 2002. – 416 с.
44. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Общие вопросы русский, болгарский, киргизский, грузинский, армянский / Г.Д. Гачев. – М.: Советский писатель, 1988. – 396 с.

45. Гжергочикова, Р. Понятийная оппозиция верх – низ, (пол. ‘wierzch’ – ‘spyd’) и языковая модель пространства / Р. Гжергочикова // Логический анализ языка. Языки пространств / РАН. Ин-т языкознания. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 78–83.
46. Глазанова, Е.В. Проблемы социо- и психолингвистики / Е.В. Глазанова. – Пермь, 2004. – Вып. 5: Языковая личность в условиях диглоссии и билингвизма. – С. 46–55.
47. Головин, Б.Н. Язык и статистика / Б.Н. Головин. – М.: «Просвещение», 1970. – 190 с.
48. Гофф, Ж. ле Рождение чистилища / Жак ле Гофф. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 544 с.
49. Гофф, Ж. ле Средневековый мир воображаемого Запада / Жак ле Гофф. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. – 440 с.
50. Гофф, Ж. ле Цивилизация средневекового Запада / Жак ле Гофф. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 560 с.
51. Григорьева, Т.П. Образы мира в культуре: встреча Запада с Востоком / Т.П. Григорьева // Культура, человек и картин мира. – М.: Наука, 1987. – С. 262–299.
52. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
53. Гуревич, А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы / А.Я. Гуревич. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. – 544 с.
54. Гуревич, А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе / А.Я. Гуревич. – М.: Издательство «Российская политическая академия», 2005. – 424 с.
55. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
56. Гуревич, А.Я. Средневековый мир / А.Я. Гуревич // Избранные труды в 2 т. – Т. 2. – М.: Университетская книга, 1999. – 560 с.

57. Гуревич, А.Я. Средневековье как тип культуры / А.Я. Гуревич // Антропология культуры. – Вып. 1. – М.: ЩГИ, 2002. – С. 39–55.
58. Гутнова, Е.В. Историография истории средних веков: Учеб. для студентов, обучающихся по спец. «История» / Е.В. Гутнова. – М.: Высш. шк., 1985. – 479 с.
59. Гухман, М.М. Развитие языка немецкой народности / М.М. Гухман // От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. – В 2 ч. – Ч. 1. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. – С. 162.
60. Гынгазова, Л.Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры / Л.Г. Гынгазова // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. – Томск: UFO-Plus, 2007. – С. 78–109.
61. Даниленко, В.П. Языковая картина мира в теории Л. Вайсгербера [Электронный ресурс] / В.П. Даниленко // Филология и человек. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2009. – № 1. – С. 7–17. – URL: <http://old.islu.ru/danilenko/articles/sepirkart.htm> (дата обращения: 05.12.2012).
62. Дейк, Т. ван, Кинч, В. Стратегии понимания связного текста / Т. Ванн Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. – С. 153–211.
63. Демченко, А.И. Всеобщее (универсальное) искусствознание как новое научное направление / А.И. Демченко // Успехи современного естествознания. – М.: «АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ», 2011. – №3. – С. 16–20.
64. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание. – Воронежский государственный университет, 2001. – С. 36–44.

65. Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
66. Звегинцев, В.А. Очерки по общему языкознанию / В.А.Звегинцев. – М.: Издательство Московского университета, 1962. – 384 с.
67. Зимняя, И.А. Способы формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания / И.А. Зимняя // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993. – С. 51–58.
68. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского / Г.А.Золотова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 368 с.
69. Зусман, В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания. Понятие и концепт [Электронный ресурс] / В.Г. Зусман // «Вопросы литературы», 2003. – № 2. – С. 3–29. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/2/zys.html#top> (дата обращения: 12.01.2010).
70. Иванов, В.В., Топоров, В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) / В.В. Иванов, В.Н.Топоров. – М.: Издательство «Наука», 1965. – 246 с.
71. Иванова, С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / С.В. Иванова. – Уфа, 2003. – 364 с.
72. Карасик, В.И. Оценочные доминанты в языковой картине мира / В.И. Карасик // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. – Белгород, 1999. – С. 39–40.
73. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
74. Кардини, Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини. – М.: Прогресс, 1987 – 384 с.
75. Кин, М. Рыцарство / М. Кин. – М.: Научный мир, 2000. – 520 с.
76. Колесницкий, Н.Ф. Исследование по истории феодального государства в Германии (IX–первая половина XII века) / Н.Ф. Колесницкий //

Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1963. – Вып. 23. – С. 183–197.

77. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 108 с.

78. Корнева, В.В. Наречие как специализированное средство объективации испанской пространственной картины мира: Автореф. дис.... д-ра филол. наук: 10.02.05 / В.В. Корнева. – Воронеж, 2008. – 40 с.

79. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

80. Костюшкина Г.М., Озонова, Л.Г., Попова, А.А., Федотова, М.А., Фетисова, С.А., Фофин, А.И., Эрдынеева, Д.В. Концептуализация и категоризация в языке / Г.М. Костюшкина, Л.Г. Озонова, А.А. Попова, М.А. Федотова, С.А. Фетисова, А.И. Фофин, Д.В. Эрдынеева. – Издательство Иркутского государственного лингвистического университета, 2006. – 584 с.

81. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

82. Кубрякова, Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – М.: Институт языкознания; Тамбов: Тамбовский гос. университет им. Г.Р. Державина, 2007. – № 4. – С. 8–16.

83. Кузнецова, Т.Ф. Картина мира [Электронный ресурс] / Т.Ф. Кузнецова // Информационный портал «Знание. Понимание. Умение». Культурология, 2008. – №4. – URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Kuznetsova/> (дата обращения: 20.01.2014).

84. Кузнецова, Т.Ф., Луков В.А. Культурная картина мира в свете тенденций развития культурологи / Т.Ф. Кузнецова, В.А. Луков // Вестник Международной Академии Наук (Русская Секция), 2009. – № 1. – С. 61–69.

85. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
86. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. – С. 12–51.
87. Левкиевская, Е. Мифы русского народа / Е. Левкиевская. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2000. – 528 с.
88. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. – 287 с.
89. Леонтьев, А.А. Языковое сознание и образ мира / А.А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993. – С. 16–21.
90. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения / А.Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – Т. II. – 320 с.
91. Лихачев, Д.С. Внутренний мир художественного произведения / Д.С. Лихачев // Вопросы литературы, 1968. – № 8. – С. 74–87.
92. Лихачев, Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре / Д.С. Лихачев. – СПб.: СПбГУП, 2006. – 416 с.
93. Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – 204 с.
94. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Издательство «Индрик», 1999. – 424 с.
95. Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
96. Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М.: Индрик, 2004. – 720 с.
97. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.

98. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
99. Лотман, Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя [Электронный ресурс] / Ю.М. Лотман // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С. 251–292. – URL: <http://philologos.narod.ru/lotman/gogospace.htm> (дата обращения: 09.11.2010).
100. Маковский, М.М. Язык – Миф – Культура / М.М. Маковский. – М.: Изд-во «Русские словари», 1996а. – 330 с.
101. Маковский, М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М.М. Маковский. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996б. – 416 с.
102. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.
103. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
104. Михайлов, А.Д. Языки культуры. Учебное пособие по культурологии / А.Д. Михайлов. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 912 с.
105. Морковина, И.Ю., Сорокин, Ю.А. Социоментальные картины мира: опыт моделирования коллизий сознания / И.Ю. Морковина, Ю.А. Сорокин // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 118–134.
106. Мякшева, О.В. Пространственная семантика: реализация языковых ресурсов в разных сферах и средах общения: автореф. дис.... д-ра филол. наук: 10.02.01 / О.В. Мякшева. – Саратов, 2008. – 50 с.
107. Никитина, Л.Б. Образ-концепт “homo sapiens” в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Л.Б. Никитина. – Омск, 2006а. – 41 с.

108. Никитина, Л.Б. Языковая картина мира и основные черты языковой концептуализации действительности / Л.Б. Никитина // Картина мира: язык, литература, культура. Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2006б. – Вып. 2. – С. 42–47.

109. Николова, А. Категория пространства, ее языковая репрезентация и лингвистическое описание [Электронный ресурс] / А. Николова // Проблемы когнитивного и функционально-коммуникативного описания русского и болгарского языков: сб. ст. – Шумен, 2002. – С. 59–92. – URL: <http://www.russian.slavica.org/article113.html> (дата обращения: 22.07.2010).

110. Опарина, Е.О. Лингвокультурология: Методологические основания и базовые понятия / Е.О. Опарина // Язык и культура: Сб. обзоров. – Вып. 2 – М.: ИНИОН РАН, 1999. – С. 27–48.

111. Первушина, О.В. Картина мира: возможность феноменологического подхода / О.В. Первушина // Мир науки, культуры, образования, 2009. – № 5 (17). – С. 123–126.

112. Петров, В.В., Герасимов, В.И. На пути к когнитивной модели языка (вступительная статья) / В.В. Петров, В.И. Герасимов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. – С. 5–11.

113. Петрова, Л.А. Художественное мышление – художественная картина мира / Л.А. Петрова // Культура народа Причерноморья. – Симферополь, 2006. – № 92. – С. 18–21.

114. Пименова, М.В. Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Антология концептов. Том 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 15 – 19.

115. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Язык и национальное сознание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2007. – 61 с.

116. Порядина, Р.Н., Гынгазова, Л.Г., Эммер, Ю.А. и др. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эммер и др. – Томск: UFO-Plus, 2007. – 384 с.

117. Ракитина, С.В. Соотношение понятий «картина мира», «модель мира», «образ мира», «научная картина мира», «языковая картина мира» / С.В. Ракитина // Картина мира: язык, литература, культура: Сборник научных статей. – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2006. – Вып. 2. – С. 118–124.
118. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.
119. Рекеляйн, Х. Формирование ценностей и гендерные отношения. Об относительности ценностных представлений в средние века / Х. Рекеляйн // В своем кругу. Индивид на Западе и Востоке Европы до начала нового времени. – М.: ИВИ РАН, 2003. – С. 31–48.
120. Репина, Л.П. Западная Европа в X–XI вв.: Общие процессы и региональные особенности социально-политического развития / Л.П. Репина // Средневековая Европа глазами современников и историков. Книга для чтения. – В 2 ч. – Ч. 2. – М.: Интерпакс, 1995. – С. 46–61.
121. Роулинг, М. Европа в средние века. Быт, религия, культура / М. Роулинг. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 223 с.
122. Рылов, Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки / Ю.А. Рылов. – М.: Гнозис, 2006. – 304 с.
123. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс» 1993. – 656 с.
124. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
125. Степин, В.С. Философский анализ универсалий культуры / В.С. Степин // Гуманитарные науки. – М.: 2011. – № 11. – С. 8–16.
126. Стеценко, А.П. О специфике психологического и лингвистического подходов к проблеме языкового сознания / А.П. Стеценко // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993. – С. 22–34.
127. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Издательство «Наука», 1973. – 366 с.

128. Сухина, И.Г. Ценности и культурная картина мира: к вопросу об аксиологии культуры / И.Г. Сухина // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология», 2012. – Том 24 (65). – № 1–2. – С. 232–243.
129. Тарасов, Е.Ф. Введение. / Е.Ф. Тарасов // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993. – С. 6–15.
130. Тимофеева, Н.К. Религиозно-мифологическая картина мира этрусков / Н.К. Тимофеева. – Новосибирск: Наука, 1980. – 112 с.
131. Толстая, С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира / С.М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – № 1 (3). – С. 112–127.
132. Толстой, Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – Изд-е 2-е. испр. – М.: Издательство «Индрик», 1995. – 512 с.
133. Топоров, В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы / В.Н. Топоров. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – Т. 1. – 448 с.
134. Топоров, В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) [Электронный ресурс] / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1980. – Т. 2. – С. 161–166. – URL: <http://philologos.narod.ru/myth/modelmira.htm> (дата обращения: 23.02.2012).
135. Топоров, В.Н. Пространство и текст [Электронный ресурс] / В.Н. Топоров // Семантика и структура. – М., 1983. – С. 227–284. – URL: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Toporov_Space.html (дата обращения 25.04.2011).
136. Топорова, Т.В. Об антропоцентризме древнегерманского космогонического мира / Т.В. Топорова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С. 252–260.

137. Топорова, Т.В. О типах познания в древнегерманской мифопоэтической модели мира / Т.В. Топорова // Вопросы языкознания. – М.: «Наука», 2000. – № 2. – С. 35–46.
138. Топорова, Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира: Монография / Т.В. Топорова. – Москва: Радикс, 1994. – 190 с.
139. Топорова, Т.В. Язык в зеркале культуры: древнегерманские двучленные имена собственные / Т.В. Топорова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 253 с.
140. Уорф, Б.Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. I. – С. 169–182.
141. Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогии в семантике / Е.В. Урысон. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
142. Уфимцева, Н.В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян / Н.В. Уфимцева // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание. – Воронежский государственный университет, 2001. – С. 65–71.
143. Уфимцева, Н.В. Человек и его сознание: проблема формирования / Н.В. Уфимцева // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993. – С. 59–75.
144. Ушакова, Т.Н. Психолингвистика: Учебник для вузов / Т.Н. Ушакова. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 416 с.
145. Ушакова, Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования [Электронный ресурс] / Т.Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sbomiki/Book2000/html_204/1-2.html (дата обращения: 15.02.2011).
146. Фефилов, А.И. Морфотемный анализ единиц языка и речи / А.И. Фефилов. – Ульяновск: УлГУ, 1997. – 246 с.

147. Филичева, Н.И. История немецкого языка: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / Н.И. Филичева. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 304 с.
148. Фоссье, Р. Люди средневековья / Р. Фоссье. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. – 352 с.
149. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Р.М. Фрумкина. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.
150. Фрумкина, Р.М. Цвет, смысл, сходство (аспекты психолингвистического анализа) / Р.М. Фрумкина. – М.: Издательство «Наука», 1984. – 173 с.
151. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
152. Хвостова, К.В. Контент-анализ в исследованиях по истории культуры / К.В. Хвостова // Одиссей. Человек в истории. 1989. – М.: «Наука», 1989. – С. 136–143.
153. Хильшер, Э. Поэтические картины мира: Генрих Манн, Томас Манн, Герман Гессе, Роберт Музиль, Лион Фейхтвангер / Э. Хильшер. – М.: Худож. лит., 1979. – 195 с.
154. Цивьян, Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т.В. Цивьян. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
155. Чекалов, Д.А., Кондратов В.А. История мировой культуры. Конспект лекций / Д.А. Чекалов, В.А. Кондратов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 352 с.
156. Шамне, Н.Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении / Н.Л. Шамне. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2000. – 392 с.
157. Шведова, Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над “Русским лексическим словарем” / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1999. – № 1. – С. 3–16.

158. Шмелев, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
159. Эко, У. Эволюция средневековой эстетики [Электронный ресурс] / У. Эко. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 288 с. – URL: http://www.erlib.com/Умберто_Эко/Эволюция_средневековой_эстетики/3/ (дата обращения: 12.02.2010).
160. Эксле, О.Г. Как возникали ценности в средневековом обществе. / О.Г. Эксле // В своем кругу. Индивид и группа на Западе и Востоке Европы до начала нового времени. – М.: ИВИ РАН, 2003. – С. 7–30.
161. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 344 с.
162. Ястребицкая, А.Л. Западная Европа XI–XIII веков / А.Л. Ястребицкая. – М.: «Искусство», 1978. – 175 с.
163. Backman, Clifford R. The worlds of medieval Europe / Clifford R. Backman. – New York: Oxford University Press, 2003. – 462 p.
164. Boockmann, H. Einführung in die Geschichte des Mittelalters / H. Boockmann. – München: Beck, 1992. – 165 S.
165. Diels, H. Doxographi Graeci. Collegit regensuit prolegomenis indicibusque instruxit / H. Diels. – Berolini, 1879. – 876 p.
166. Dijk, Teun A. van Context and cognition: knowledge frames and speech act comprehension / Teun van Dijk // Journal of Pragmatics 1, 1997. – p. 211–232.
167. Dijk, Teun A. van Semantic Macro-Structures and Knowledge Frames in Discourse Comprehension [Электронный ресурс] / Teun van Dijk // Cognitive Processes in Comprehension. Marcel Adam Just and Patricia A. Carpenter (Eds.). – Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1977. – URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Semantic%20MacroStructures%20and%20Knowledge%20Frames%20in%20Discourse.pdf> (дата обращения: 16.03.2012).

168. Dinzelbacher, P. Angst im Mittelalter: Teufels-, Todes- und Gotteserfahrung: Mentalitätsgeschichte und Ikonographie / P. Dinzelbacher. – Paderborn; München; Wien; Zürich; Schöningh, 1996. – 295 S.
169. Fleckenstein, J. Herrschaft und Stand: Unters. Zur Sozialgeschichte im 13. Jh. / J. Fleckenstein. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1979. – 328 S.
170. Gillingham, J., Griffiths, R.A. Medieval Britain. A Very Short Introduction / J. Gillingham, R.A. Griffiths. – New York: Oxford University Press Inc., 1984. – 177 p.
171. Goetz, H.-W. Leben im Mittelalter vom 7. bis zum 13. Jh. / H.-W. Goetz. – München: Beck, 1996. – 302 S.
172. Hesse, Chr. Elitenbildung in den Fürstentümern des spätmittelalterlichen Reiches / Chr. Hesse // Europa im späten Mittelalter. Politik – Gesellschaft – Kultur. – München, 2006. – Beiheft 40. – S. 263–289.
173. Knight, J. Middle Ages Almanac / J. Knight. – Detroit, San Francisco, London, Boston, Woodbridge CT, 2001. – 226 p.
174. Power, D. The central Middle Ages Europe 950 – 1320 / D. Power. – New York: Oxford University Press, 2006. – 304 p.
175. Schwinges, R.C. Bern, die Eidgenossen und Europa im späten Mittelalter / R.C. Schwinges // Europa im späten Mittelalter. Politik – Gesellschaft – Kultur. – München, 2006. – Beiheft 40. – S. 167–190.
176. Vedel, V. Ritterromantik. Mittelalterliche Kulturideale / V. Vedel. – Leipzig: Verlag von Lubeck, 1911. – S. 170.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ

1. Большой психологический словарь. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 672 с.

2. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / под ред. А.М. Прохорова. – М.: Большая рос. энцикл., 1997. – 1434 с. – URL: <http://www.vedu.ru/bigencdic/> (дата обращения: 21.07.2014).
3. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
4. Махов, А.Е. Сад демонов – hortus daemonum: словарь inferнальной мифологии Средневековья и Возрождения / А.Е. Махов. – INTRADA, 1998. – 319 с.
5. Мещерякова, М.И. Краткий словарь литературных терминов; Методические рекомендации для учителя и учеников / М.И. Мещерякова. – М.: Мегатрон, 1998. – 58 с.
6. Мифы народов мира. Энциклопедия. – В 2 Т. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – 719 с.
7. Общие проблемы философии науки: Словарь для аспирантов и соискателей. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – 318 с.
8. Психологический словарь. – М.: ОЛМА Медиа Групп, ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007. – 800 с.
9. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.
10. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
11. Философский словарь. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
12. Философский словарь. – М.: Республика, 2003. – 575 с.
13. Энциклопедический словарь юного литературоведа. – М.: Педагогика, 1988. – 416 с.
14. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон», РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
15. Benecke, G.F. Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Mit Benutzung des Nachlasses von Georg Friedrich Benecke ausgearbeitet von Wilhelm Müller und

Friedrich Zarncke [Электронный ресурс] / G.F. Benecke. – Stuttgart: S. Hirzel, 1990. – URL: <http://germa83.uni-trier.de/MWV-online/MWV-online.html> (дата обращения: 15.02.2012).

16. Duden Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. – Mannheim: Dudenverlag. Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 2001. – 960 S.

17. Etymological Dictionary of the Gaelic Language [Электронный ресурс]. – MacBain, Alexander Gairm Publications. Printed by Clark Constable (1982) Let. – Edinburgh. – URL: <http://www.ceantar.org/Dicts/MB2/> (дата обращения: 12.01.2014).

18. Grimm, J. und W. Deutsches Wörterbuch [Электронный ресурс] / J. und W. Grimm. – Leipzig: S. Hirzel 1854 – 1961. – Quellenverzeichnis Leipzig 1971. – URL: <http://germazope.uni-trier.de> (дата обращения: 12.01.2014).

19. Hederich, B. Gründliches mythologisches Lexikon [Электронный ресурс] / B. Hederich. – Leipzig, Gleditsch, 1770. – URL: <http://woerterbuchnetz.de/Hederich/?sigle=Hederich&mode=Vernetzung&lemid=HC00196#XHC00196> (дата обращения: 16.10.2012).

20. Köbler, G. Deutsches Etymologisches Wörterbuch [Электронный ресурс] / G. Köbler. – 1995. – URL: <http://www.koeblergerhard.de> (дата обращения: 12.01.2014).

21. Lexer, M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer. Zugleich als Supplement und alphabetischer Index zum Mittelhochdeutschen Wörterbuche von Benecke-Müller-Zarncke [Электронный ресурс] / M. Lexer. – Stuttgart: S. Hirzel, 1992. – URL: <http://www.dwb.uni-trier.de/index.html> (дата обращения: 12.01.2014).

22. Mills, A.D. A Dictionary of British Place-Names [Электронный ресурс] / A.D. Mills. – Encyclopedia. com., 2003. – URL: <http://www.encyclopedia.com> (дата обращения: 15.04.2011).

23. Mackensen, L. Ursprung der Wörter. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / L. Mackensen. - Wiesbaden: VMA-Verlag, без даты издания. – 446 S.

24. Online etymology dictionary [Электронный ресурс]. – Douglas Harper, 2001. – URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 16.04.2011).

25. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch / G. Wahrig. – Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag GMBH. 6. Auflage, 1997. – 1420 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Aue, H. von Der arme Heinrich / H. von Aue. – Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek, 2006. – 135 S.

2. Castiglione, G de Alexandreis [Электронный ресурс] / Galteri de Castellione. – Padua 1978. – URL: http://www.hs-ugsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost12/Gualterus/gua_al00.html (дата обращения: 20.09.2014).

3. La chanson de Roland / Publiée d'après le manuskript d'Oxford et traduite par Joseph Bédier de l'Académie Française. – Paris. L'Édition d'Art; 1922. – 358 pp.

4. Sir Gawayn and þe grene knyzt / Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь: [сб. средневековых англ. поэм]. – М. Аграф, 2006. – С. 14–151.

5. Sir Orfreo / Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь: [сб. средневековых англ. поэм]. – М. Аграф, 2006. – С. 218–249.

6. Straßburg G. von Tristan / G. von Straßburg. – Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek, 2007a. – Bd. 1. – 595 S.

7. Straßburg G. von Tristan / G. von Straßburg. – Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek, 2007б. – Bd. 2. – 590 S.

8. Teh Pearl / Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь: [сб. средневековых англ. поэм]. – М. Аграф, 2006. – С. 152–217.

9. Veldecke H. von Eneasroman / H. von Veldecke. – Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek, 1986. – 895 S.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1. Пространственные и географические обозначения
(частота употреблений на корпус языковых единиц (110 250 слов³²) романа «Тристан»
Готфрида Страсбургского)

Ключевые категории		Доминантные слова	Частота употребления доминантных слов (<i>m</i>)	% от общего количества (<i>p</i>)
мир земной	земля/мир земной	<i>lant</i> (<i>lantherr, lantman, lantvolk, lantgesinde, lantsaeze, lantbarûne, lantvürsten, lantsuone, lantsprache, lantrecht, lantlêhen</i>)	824	0,0747
		<i>rîche</i> (<i>ertrîche, künicrîche</i>)		
		<i>erde/êrde</i>		
		<i>werlde/werlt</i> (<i>werltlich, werltwunne</i>)		
		<i>werlde/werlt</i> (<i>werltlich, werltwunne</i>)		
		<i>marke</i>		
		<i>herzentuom</i>		
	ТОПОНИМЫ	<i>Curnewâle, Îrlant, Engelant, Britanje, Almânje, Sachsen, Parmenje, Norwagen, Normandie Franze, Swâles, Gâles, Weisfort, Rôme, Develîne, Lunders, Carliune, Thamîse, Arundêle</i>		
	город	<i>stete</i>		
	крепость	<i>burc</i> (<i>vest, palas, castêle, Tintajêl</i>)		
		<i>hove/hof</i> (<i>höfisch, hovesite, hôvelich, hovemaere, hovegesinde, hoveluote, hoverâte</i>)		
	лес	<i>walt / walde</i>		
		<i>wilde</i> (<i>wiltnisse</i>)		
		<i>boum</i> (<i>loup</i>)		
	поле	<i>gevilde</i> (<i>dürre</i>)		
сад	<i>garten</i> (<i>boumgarten, boume</i>)			
луг	<i>wisen/ouwe</i>			
	<i>tal</i> (<i>plaine, weide, prêrêre</i>)			

³² За исходную общую данную нами было взято общее количество слов, зафиксированных в текстах немецких рыцарских романов.

		<i>heide</i>				
		<i>gras</i>				
	море	<i>mere mer (la meir)</i>				
		<i>sê</i>				
		<i>Occêne</i>				
	река/водный поток	<i>wazzer (vlôz, bechelîn, rinnelîn)</i>				
		<i>rivâge (riviere, vluzze, Rîn)</i>				
		<i>brunne</i>				
	гора	<i>vels (herte)</i>				
		<i>berc (stein)</i>				
инфернальный мир	подземный мир, царство мертвых	<i>abgrunde</i>	27	0,00024		
		<i>vâland/vâlant</i>				
		<i>nider</i>				
		<i>under</i>				
	углубление в земле или в скале	<i>graben</i>				
<i>grab</i>						
сакральное пространство	мир высший, мир божественных сущностей	<i>got/gotinne (hêrre, trehtîn, Crist)</i>	309	0,0028		
		<i>hô</i>				
		<i>himel (ûf in diu wolken, himelrîche, himelîcher her, himelîche künigîn)</i>				
		<i>paradise/ pardîs</i>				
		<i>Avaliu / Avalûn (feinen lant)</i>				
		<i>heilig</i>				
		<i>ûffe ûf</i>				
свое – чужое пространство	микромир (домашний очаг, родная земля)	<i>hûs</i>	60	0,0005		
		<i>heim</i>				
		<i>herbergen</i>				
	далеко, дальний	<i>verre</i>				
	близко, близлежащий	<i>nâh</i>				
		<i>bî (bîland)</i>				
	чужой/свой	<i>fremde/vremd/vremede</i>			165	0,0014
		<i>vînd/ vînt (vîntlîch)</i>				
		<i>gast/geste</i>				

		<i>heinlîch</i>		
		<i>vriunt/vriundîn (vriuntlîch, vriuntschaft)</i>		
		<i>unser, iuwer (lant)</i>		
		<i>sîn/sîne (hûs, hûsgenôz, liut, geselle, gesinde, vriund/vriunt/gevriund, companîe, mâge, man, masseniê)</i>		

Таблица 2. Пространственные и географические обозначения
(частота употреблений на корпус языковых единиц (9 120) романа «Бедный Генрих»
Гартмана фон Ауэ)

Ключевые категории		Доминантные слова	Частота употребления доминантных слов	% от общего количества
мир земной	земля/мир земной	<i>lant, lande</i>	47	0,0051
		<i>rîche</i>		
		<i>erde</i>		
	<i>werlt (werltlich, werltvreude, werltoë)</i>			
топонимы	<i>Ouwe, Absalône, Munpasiliere, Salerne</i>			
крепость	<i>hove (hövesch)</i>			
инфернальный мир	углубление в земле или в скале	<i>grap, grabe</i>	11	0,0012
		<i>loch</i>		
		<i>helle</i>		
	подземный мир	<i>tiuvel</i>		
	<i>hellegeist</i>			
под/вниз	<i>hin (zer helle)</i>			
сакральное пространство	мир высший, мир божественных сущностей	<i>got (unser herr)</i>	65	0,0071
		<i>himele (himelkrône)</i>		
		<i>daz êwige rîche</i>		
		<i>gote (der hôhe portenære)</i>		
		<i>engel</i>		
		<i>heilic geist</i>		
		<i>(unser herr) Jêsu Krist, der heilic Krist</i>		
		<i>sant Niklauses</i>		
		<i>hôste (hôchvart)</i>		
		<i>ûfe / ûf</i>		
свое – чужое пространство	микромир (домашний очаг, родная земля)	<i>heim</i>	5	0,0005
		<i>verre</i>		
	далеко, дальний	<i>vremed</i>	9	0,0009
		<i>(der gnâdelôse) gast</i>		

Таблица 3. Пространственные и географические обозначения
(частота употреблений на корпус языковых единиц (63 961 слов) «Энеида» Генриха фон
Фельдеке (Heinrich von Veldeke «Eneasroman»))

Ключевые категории		Доминантные слова	Частота употребления доминантных слов	% от общего количества
мир земной	земля/мир земной	<i>lant</i>	565	0,0088
		<i>riche</i>		
		<i>êrde</i>		
		<i>oben ûf der erden</i>		
		<i>ertrîche</i>		
		<i>werlde</i>		
		<i>lanthêrren</i>		
	ТОПОНИМЫ	<i>Rôme, Italjen, Lybia, Kartâgô, Troîa, Laurente, Pallantê, Lankparten, daz lant zu Tuscâne, Doringen, Sassen)</i>		
	крепость	<i>palas (veste, borg / borch, castel, bargâre)</i>		
		<i>hove/hof (hoveslîch, hobisch, unhovesch)</i>		
	город	<i>borch (houbestat, stat, Troie, Kartâginê, Albâne, Rôme, Montalbâne, Laurente, Nûwenborch)</i>		
	лес	<i>walt/walde</i>		
		<i>wiltnisse</i>		
		<i>holz</i>		
		<i>boum</i>		
	поле	<i>velt/velde</i>		
		<i>gevilde</i>		
		<i>acker lank</i>		
	луг	<i>wisen</i>		
		<i>tal</i>		
		<i>gras</i>		
<i>wîte</i>				
море	<i>mere</i>			

		<i>sê</i>		
	река/водный ПОТОК	<i>flut</i>		
		<i>flôz</i>		
		<i>flûme</i>		
		<i>Tiver</i>		
		<i>Flêgetôn</i>		
		<i>wazzer</i>		
		<i>brunne</i>		
	гора	<i>berch</i>		
		<i>hôhe</i>		
		<i>vels</i>		
		<i>steine</i>		
		<i>halsberge</i>		
<i>Montalbâne</i>				
сад	<i>boumgarden</i>			
инфернальный мир	пещера, кратер	<i>grûben</i>	123	0,0019
		<i>holen steine</i>		
		<i>helle</i>		
		<i>loch</i>		
	углубление в земле или в скале	<i>graht</i>		
		<i>grûben</i>		
		<i>graben</i>		
		<i>grab</i>		
		<i>loch</i>		
		<i>under der erde</i>		
	подземный мир, царство мертвых	<i>helle</i>		
		<i>abgrunde</i>		
		<i>hie nidere</i>		
		<i>niderste</i>		
		<i>drunder</i>		
		<i>hêrschaft</i>		
		<i>stat</i>		
		<i>zer werlde tôt</i>		
		<i>dar inne lebet der Tôt</i>		
		<i>under der erde</i>		

		<i>grôze vinsternisse</i>				
		<i>nider/neder (drunter, underz, unten, abe)</i>				
сакральное пространство	мир высший, мир божественных существей	<i>hôte</i>	71	0,0011		
		<i>himele</i>				
		<i>gote/gotinnen</i>				
		<i>gote/der niderste und der hôste</i>				
		<i>Volkâne smidegote</i>				
		<i>Vênûs diu gotinne</i>				
		<i>hêre Mars des wîges got</i>				
		<i>Arânjen</i>				
		<i>diu gotinne Pallas</i>				
		<i>ûf/ ûffe (oben/obene, hô)</i>				
свое – чужое пространство	микромир (домашний очаг, родная земля)	<i>hûs</i>	71	0,0011		
		<i>heim</i>				
	далеко, дальний	<i>verre</i>				
		<i>veit</i>				
		<i>breit</i>				
	близко, близлежащий	<i>nâ</i>				
	чужой/свой	<i>fremde (der Troiân, die trôischen diet, der von Troie is geboren)</i>			219	0,034
		<i>gast/geste</i>				
		<i>vîant (vîentschaft)</i>				
		<i>sîn/sîne (hûsgenôz, frunt, man, ingesind, lûte, hergeselle, vartgenôz, vehtgenôz, verwânde, mâge, here, hûs, lant, rîche, kneht, kamerâre)</i>				
<i>frunt (fruntschaft)</i>						
<i>heimlîch</i>						

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Примеры к главе 2. Моделирование пространства в художественной картине мира Средневековья

2.1. Проекция вертикального членения мира и миромоделирующие элементы пространства

1. Ne no gome bot God bi gate with to karp [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 696].
2. On þe morne, as vch mon mynez þat tyme / þat Dryȝtyn for oure destynè to deȝe watz borne, / Wele waxez in vche a won in worlde for his sake [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 995–997].
3. dô des hôchmuotes/ den hôhen portenære verdrôz,/ die sælden porte er mir beslôz [Hartmann von Aue 2006: 404–406].
4. vûrbaz riten si dô zehant/ und kâmen ûf den serpant./ nu was des tiuvels genôz/ als ungehiure und alsô grôz,/ diu liehte vrouwîne schar/ daz diu wart also ein tôte var/ vor angesten, dô s' in ersach [Gottfried von Straßburg 2001a: 9341–9344].
5. sie hânt michel unheil,/ die dar inne mûzen sîn./ daz wirt in dicke wole schîn/ immer ze allen stunden/ under den hellehunden [Heinrich von Veldeke 1986: 3396–3400].
6. si sagetim daz ez gût was/ wider den helleschen stank [Heinrich von Veldeke 1986: 2854–2855].
7. dô wart sîn Melôt, ine weiz wie,/ daz vertâne getwerc,/ des vâlandes antwerc,/ von ungelücke gewar/ und sleich allez nâch im dar [Gottfried von Straßburg 2001b: 14510–14514].
8. »got« sprach »hêrre guoter,/ mîn vater und mîn muoter/ wie hânt si mich alsus verlorn!« [Gottfried von Straßburg 2001a: 2589–2591].
9. Alsus bezzerte sich/ der guote herre Heinrich,/ daz er ûf sînem wege/ von unsers herren gotes phlege/ harte schône genas [Hartmann von Aue 2006: 1371–1375].
10. »hêrre got der rîche,/ der elliu herze rîche tuot,/ der rîche iu herze unde muot!« [Gottfried von Straßburg 2001a: 746–748].
11. Und sprach vil dicke wider sich:/ »owê got hêrre, wie leb ich!« [Gottfried von Straßburg 2001a: 981–983].
12. On þe morne, as vch mon mynez þat tyme/ þat Dryȝtyn for oure destynè to deȝe watz borne, / Wele waxez in vche a won in worlde for his sake [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 995–997].

2.2. Категоризация пространства в проекции горизонтального членения мира

2.2.1. Пространственные аспекты языковой категоризации «свой» – «чужой»

13. her sach dâ sitzen unde stân/ manege magete wol getân/ und manech wol getânez wîb,/ die wol heten ir lîb/ gezieret nâch ir lantsîten [Veldeke 1986: 12857–12861].
14. mille diu rîche/ und der frouwen iegelîche,/ die mit ir dare wâren komen,/ die heten alle genomen/ sîdîne rîsen,/ nach ir lantwîsen/ umbe den helm gewunden [Veldeke 1986: 8817–8823].
15. dô der wirt daz vernam/ und sîn tochter diu maget,/ dô wart dâ vil geklaget./ die sune ez ouch vernâmen./ <...> do si alle dar quâmen/ und si in tôten vunden / <...> und als die borgâre/ ûf diu ros quâmen,/ ir schilde sie dô nâmen/ unde ir spere unde ir bogen [Veldeke 1986: 4658–4730].
16. ez waere ritter oder kneht,/ sô diuchte mich und waere ouch reht/ und êret ouch mich starke,/ swer mînem hêrren Marke/ liep oder sippe waere,/ daz ich dem êre baere [Gottfried von Straßburg 2001b: 14781–14786].
17. unde liez in gesehen/ allez daz im solde geschehen:/ rouwe unde wunne/ und allez sîn kunne,/ daz sint von ime quam,/ und wie getân ende ez allez nam/ umb in und sîn geslehte [Heinrich von Veldeke 1986: 3619–3625].

18. zir vater vüezen, dâ sî lac,/ und ouch ir muoter,/ sô sî phlac [Hartmann von Aue 2006: 471–472].
19. jâ soltû, liebiu tohter mân,/ unser beider vreude sîn,/ unser liebe âne leide,/ unser liehtiu ougenweide,/ unser lîbes wünne,/ ein bluome in dînem künne,/ unsers alters ein stap [Hartmann von Aue 2006: 653–657].
20. her was doch trûrech genûch/ mit sînem ingesinde [Heinrich von Veldeke 1986: 2536–2537].
21. Die lieben hûsgehôze/ heten sorge grôze,/ Helenôr und Lîcûs,/ die dâ wâren ûf dem wîchûs,/ und ander Ênêases man,/ dô man si sûchen began./ dô ir Turnûs wart gewar,/ des heres leiter vile dar/ bî der brucke an eine stat./ her gebôt unde bat/ frunt unde holden,/ daz sime helfen wolden [Heinrich von Veldeke 1986: 6977–6988].
22. »got hât uns an iu wider gesant/ beidiu vater unde muoter./ getriuwer hêrre guoter./ <...> als unser vater mit iu genas,/ der iuwer ingesinde was,/ als ouch wir iemer gerne sîn [Gottfried von Straßburg 2001b: 18630–18639].
23. dar abe heten sie lêhen./ die frouwen mûsten si alle flêhen/ die rîchen hûsgehôzen [Heinrich von Veldeke 1986: 369–370].
24. die hânt mich mînem vater benomen./ von der schulden bin ich komen/ von vriunden und von kunden./ und alle, die mir gunden/ gelûckes unde guotes,/ die sint nu swaeres muotes/ und sêre trûric umbe mich [Gottfried von Straßburg 2001a: 2597–2603].
25. Dô der hêre Turnûs gwan/ alsô manegen rîchen man,/ als ir wole habet vernomen,/ und si ze samene wâren komen/ dâ her trôst hete zû,/ eines morgenes frû/ die forsten her zû zime gewan,/ die im gerne wolden gestân./ her leite sie ane stat/ und si giengen swar hers bat/ in ein boumgarden an ein gras./ her saget in des im nôt was,/ her sprach »lieben frunt mân,/ die dorch mich her komen sîn,/ mîne lanthêren [Heinrich von Veldeke 1986: 5313–5327].
26. Ênêas der hêre,/ dem will ich gût und êre/ und dienstes tûn alsô vil./ <...> ich und al frunt mân/ unde borch unde lant/ unde schaz unde gewant/ daz stêt ze sîneme gebote [Heinrich von Veldeke 1986: 535–553].
27. swâslîchen her geriet/ mit den sînen holden./ di im dar zû râten solden/ und getrûwelîchen wîsen [Heinrich von Veldeke 1986: 1972–1977].
28. des ne wâre dehein nôt,/ daz sis immer gedehten:/ sie hânt ime ir vehten/ unsanfte bescheinet./ <...> ez wirt alsô gerochen,/ daz ime nie dehein vart,/ ze solhen schanden ne wart,/ daz sie unser lant/ verhêret hânt und verbrant/ und des mannes veste./ wir mohten solher geste/ hie vile wole enberen [Veldeke 1986: 4866–4887].
29. dar umbe warne ich dich des/ umbe den helt lussam/ und wis Ênêase gram,/ dem unsâligen Troiân,/ der in ze tode will erslân,/ den, dir is von herzen holt./ dar zû hâstû rehte scholt,/ daz dû im ungenâdich sîs/ unde im neheine wîs/ niemer êre getûst,/ want duz wole lâzen mûst/ und in von rehte hazzen salt [Veldeke 1986: 9766–9771].
30. schaden und unêre/ von disen Troiânen mûzen dolen/ und ouch verschalket wesen solen:/ got hône in, der ez geriet,/ entrouwen ich ne volges niet [Veldeke 1986: 11874–11788].
31. ich wil, ob mirs got gan,/ die bôsen trôischen zagen/ ûzer diseme lande jagen/ hin wider uber mere/ mit michelme here/ daz ich schiere gewinne [Veldeke 1986: 4971–4977].
32. alsolher cûrtôsîe/ treip er vil und sô vil an,/ biz aber die werbenden man/ ze râte wurden under in:/ kunden s'in iemer bringen hin/ mit keiner slahte sinnen,/ sî möhten sîn gewinnen/ grôzen vrumen und êre./ <...> si stiezen an und vuoren dan:/ sô lîse, daz es Tristan/ noch Curvenal nie wart gewar/ wol eine grôze mîle brâht [Gottfried von Straßburg 2001a: 146].

2.2.2. Топонимическое ПРОСТРАНСТВО в художественной картине мира Средневековья

33. Li empereres Carles de France dulce/ En cest pais nos est venuz cunfundre [La chanson de Roland 1922: 16–17].
34. L'ost des Franceis verrez sempres desfere./ Francs s'en irunt en France la lur tere [La chanson de Roland 1922: 49–50].

35. Set anz ad pleins, que en Espagne venimes;/ Jo vos cunquis e Noples e Commibles,/ Pris ai Valterne e la tere de Pine/ E Balasgued e Tuele e Sezilie [La chanson de Roland 1922: 197–200].
36. Sine vriunde und sîne man/ die gerieten ime zehant;/ daz er ze Lunders z’Engelant/ ein concîlje leite [Gottfried von Straßburg 2001b: 15300–15303].
37. als ez ouch allez gendet wart,/ wie er volante sîne vart:/ wie manz verswîgen solte,/ daz er z’Îrlanden wolte;/ wie man solte sagen maere,/ daz er in Salerne waere/ durch sînes lîbes genist [Gottfried von Straßburg 2001a: 7325–7331].
38. sô vil zuo Salerne/ von arzenîen meister ist,/ wie kumet, daz ir deheines list/ ziuerm ungesunde/ niht geraten kunde? [Hartmann von Aue 2006: 372–375].
39. Er las daz selbe mære,/ wie ein herre wære/ ze Schwâben gesezzen [Hartmann von Aue 2006: 29–31].

Примеры к главе 3. Особенности языковой репрезентации когнитивной модели пространства в художественной картине мира Средневековья

3.1. Особенности языковой объективации сакрального пространства

40. Vênûs <...> / Si quam ze Volkâne/ ze deme smidegote ir man,/ flêgen sie in began/ Vênûs diu gotinne,/ si bôt ime ir minne/ (daz was im grôz miete),/ daz her sie beriete/ des si in gebâte,/ und den rât tâte/ und daz niene lieze/ daz sie in hieze/ dorch kost noch dorch arbeit./ her was der frouwen vil gereit/ ir willen ze tûne./ dâ wart ein grôz sîne/ gemachet under in zwein,/ daz si trûgen einen,/ dô her ir wolde volgen./ sie was ime erbolgen/ siben jâr dâ bevoren/ umb einen wênegne zoren,/ den ich û wol sagen kan./ Volcânûs ir man/ der weste wol âne spot,/ daz hêre Mars des wîges got/ bî frouwen Vênûse lach./ daz heter manegen tach/ verswigen unde verholen./ ... eines âbends spâte/ <...> und also Mars dar in gienk/ und bî Vênûse was gelegen/ und der minnen wolde phlegen,/ dô dûhtes Vulcânûm genûch:/ <...> er sie beslûch/ dâ zehant beide./ dâ lach ir Vênûs leide,/ wander braht al die gote dare [Heinrich von Veldeke 1986: 316–318].
41. »schoene» sprach er » nû enist mir/ niht herzeclîche lieb wan ir./ und ich von iu nu scheiden sol,/ daz wizze got von himele wol,/ daz nimet mir mîne sinne.« [Gottfried von Straßburg 2001b: 13873–13877].
42. ê sî dar nâher kaemen,/ daz s’aldort her vernaemen/ einen alsô sûezen harpfen clanc/ und mit harpfen einen sanc./ got môhte in gerne hoeren/ in sînen himelkoeren [Gottfried von Straßburg 2001a: 7640–7646].
43. Jesus þenne hem sweetly sayde:/ “Do way, let chylder vnto Me tyzt/ suche is heuenryche arayd” [Sir Gawayn and þe grene knyzt 2006: 716–719].
44. daz swûr her bî sînem gote,/ swaz sô her in hieze,/ daz her des niht ne lieze/ dorch deheiner slahte arbeit/ unde er sîne wârheit/ nimmer an ime gebrâche [Heinrich von Veldeke 1986: 3882–3887].
45. Dô daz alsô geredet was,/ dô solde der hêre Ênêas,/ der mâre und der wîse,/ varen nâch dem rîse/ alsez ime was geboten./ ein opher machete her den goten/ zêren und ze holden,/ das siz im wîsen solden./ innechlîchen her sis bat./ dô sanden sie in an die stat/ rehte dâ her ez sis bat./ dô sanden sie in an die stat/ rehte dâ her ez vant [Heinrich von Veldeke 1986: 2821–2831].
46. Dô daz geschaffet was alsus,/ dô hiez der kunech Latînûs/ den kreiz breiten,/ einen teppich breiten/ an der wisen ûf das gras./ ein phelle drûf geleet was/ vil tûre und rîche,/ den lobeten grôzlîche/ alle die in gesâgen./ sîn gote dar ûffe lâgen,/ dar ûffe sie solden sweren,/ die sich dâ wolden weren/ Ênêas und Turnûs [Heinrich von Veldeke 1986: 11645–11657].
47. Dar nâch tete Ênêas/ alsô dô site was:/ her oppherde sînen goten [Heinrich von Veldeke 1986: 12781–12783].
48. il guerpirat ses deus/ E tuz ses ydeles que il soelt adorer,/ Si recevrat sainte chrestientet [La chanson de Roland 1922: 2618–2620].
49. daz wîb, dar ich dich umbe bat,/ die salt dû mir bringen/ mit gûtlîchen dîngen/ mit listlîchen sachen./ ich mûz ein opher machen/ dem gote von der minne/ und Venerî der gotinne/

- daz si mir genâde tû./ swester, dâ hôret zû/ ein fûre grôz unde heiz./ daz ich so vil dar umbe weiz./ daz mach ich balde gote klagen [Heinrich von Veldeke 1986: 2308–2319].
50. Dô wart der hêre Ênêas / ze kunige gekrônnet./ dô wart om wol gelônnet/ aller sîner arbeit/ mit schônem wîbe und rîcheit./ ze êren opherde er den goten./ die im die vart dar enboten./ und lônnde wol den sînen [Heinrich von Veldeke 1986: 13120–13127].
51. »die gote enlânt mich hie niht sîn«./ »ir getrôstet ûch wol mîn.«/ »frowe, ichn hâns deheinen rât.« [Heinrich von Veldeke 1986: 2031–2033].
52. Sie sprach »edel jungelink./ diz is ein angestlîch dink/ daz dû hâst bestanden./ die dich dâ her sanden./ unser meister die gote./ bistû rehte ir bote/ und wellent siz gebieten./ dune darft mich niht mieten./ ich wil mit dir dâ hin varen [Heinrich von Veldeke 1986: 2759–2766].
53. ze êren opherde er den goten./ die im die vart dar enboten./ und lônnde wol den sînen./ dô krônnde man Lavînen/ zeiner kunenginne./ sie was dô ir minne/ komen ze gûtem ende/ ân alle missewende [Heinrich von Veldeke 1986: 13125–13132].
54. Ênêas, (sprach her) sun mîn./ desn mach ander rât sîn./ wandez wellent die gote./ nû volge ir gebote [Heinrich von Veldeke 1986: 2595–2598].
55. helfe her dô bat/ die gote sîne mâgen [Heinrich von Veldeke 1986: 4048–4049].
56. Dô sprach aber mêre/ Ênêas der hêre/ »got gebiete û daz ir wol tût./ wande disiu borch is gût./ die uns got hie hât bescheret./ sie is immer erweret/ vor storme und vor mangel./ lâzet ûch niht belangen./ ich kume wider schiere/ uber drî tage oder viere./ ze langest in sehs tagen./ ûwer nehein sal verzagen...«/ (sprach Ênêas der wîse) [Heinrich von Veldeke 1986: 5961–5973].
57. Dô her geredete alsô./ dô wordens alle vile frô./ ir leides sie vergâzen./ niht langer sie ne sâzen./ schiere sie ûf sprungen./ si spilden unde rungen/ und opherden ir abgoten./ daz wart in allen geboten./ daz si alsô tâten/ und die gote bâten./ daz sis mûsten gewalden/ unde in hulfen behalden/ daz lant dâ si wâren an [Heinrich von Veldeke 1986: 3815–3827].
58. ich sage dir wer sîn vater was:/ der alde Trojâr Anchîses./ ze deme her her komen is/ mit geleite und mit gebote/ unser obersten gote./ unde die hie nidere/ sprechent dar niht widere./ fûre uns uber unde swîch! [Heinrich von Veldeke 1986: 3122–3129].
59. dô des hôchmuotes/ den hôhen portenære verdrôz/ die sælden porte er mir beslôz [Hartmann von Aue 2006: 404–406].
60. man mohte wol genôzen/ ir kintlich gemüete/ hin zuo der engel güete [Hartmann von Aue 2006: 464–466].
61. Legyounes of aungelez togeder uoched/ þer kesten ensens of swete amelle [Teh Pearl 2006: 817–818].
62. »daz riuwe got./ daz der vâlant sînen spot/ mit uns alsus gemachet hât! <...>« [Gottfried von Straßburg 2001b: 12127–12129].
63. daz ich ouch diu beide/ von dem tiuvel scheidet/ und mich gote müeze geben [Hartmann von Aue 2006: 685–687].
64. dâ sol der tôt uns lœsen/ von den hellengeisten bæsen./ des tôdes genese wir/ und ich verre baz dan ir [Hartmann von Aue 2006: 853–855].
65. Wel bisemez þe wyze wruxked in grene/ Dele here his deuocioun on þe deuelez wyse [Sir Gawayn and þe grene knyzt 2006: 918–919].
66. Penne hatz he handly of his helme, and hezly he þonkez/ Jesus and sayn Gilyan, þat gentyle ar boþe [Sir Gawayn and þe grene knyzt 2006: 773–774].
67. Enoit m'avint un avisiun d'angele [La chanson de Roland 1922: 836].
68. E! Durendal, cum es bele, e clere, e blanche!/<...> Quant Deus del cel li mandat par sun angle [La chanson de Roland 1922: 2316–2319].
69. vil jaemerlîche er aber began/ ze gote clagen sîn ungemach;/ ze himel er inneclîche sach:/ »got« sprach »hêrre guoter./ mîn vater und mîn muoter/ wie hânt si mich alsus verlorn!« [Gottfried von Straßburg 2001a: 2586–2591].

70. durch daz wil ich ez übersehen,/ und swenne der tac sol geschehen,/ daz ir von hinnen müezet varn,/ hêrre, sô müeze iuch got bewarn./ der himelischen künigîn/ der müezet ir bevohlen sîn! [Gottfried von Straßburg 2001b: 14874–14876].
71. vil tugenhaftiu künigîn,/ sô müezet ir gesenet sîn/ von allem himelischen her!/ wan got weiz wol, erde unde mer/ diun getruogen nie sô reine wîp./ vrouwe, iuwer sêle und iuwer lîp,/ iuwer êre und iuwer leben/ diu sîn iemer gote ergebn! [Gottfried von Straßburg 2001b: 14899–14906].
72. got selbe möhte ez gerne sehen. <...>/ die riten ouch zuo den zîten/ vaste ûf ein ander strîten [Gottfried von Straßburg 2001a: 6865–6861].
73. dâ rief an der stunde/ von herzen und von munde/ manec edeliu zunge hin ze gote,/ daz got mit sînem gebote/ bedaechte ir laster und eir leit/ und lôste sî von schalcheit [Gottfried von Straßburg 2001a: 6473–6478].
74. ouwe, gewaltiger Krist <...> [Hartmann von Aue 2006: 1297].
75. swaz dir got hât beschert,/ daz lâ allez geschehen [Hartmann von Aue 2006: 1254–1255].
76. ze gote vil inneclîche:/ >>ei<< sprach er >>got der rîche,/ sô rîche dû genâden bist,/ sô vil güete als an dir ist,/ vil süezer got, sô bite ich dich,/ daz dû genâde wider mich/ und dîne güete noch begâst,/ sît daz du des verhenget hâst,/ daz ich bî liuten müge gesîn! [Gottfried von Straßburg 2001a: 2498–2499].
77. dô sprach der helt lussam/ >ôwê ungelucker man,/ daz ich daz leben je gewan!/ nû bin ich sêre missetrôst./ doch hât mich dicke got erlôst/ ûzer maneger grôzer nôt./ wâre ich ûf der erde tôt/ bleiben, sô wâre ich lîhte verklaget [Heinrich von Veldeke 1986: 7670–7677].
78. If I þis mote þe schal vnhyde,/ Bow vp towarde þys bornez heued [Teh Pearl 2006: 973–974].
79. God hatz geuen vus his grace godly for soþe,/ þat such a gest as Gawan grauntez vus to hae [Sir Gawain and þe grene knyçt 2006: 920–921].
80. And I wolde loke an þat lede, if God me wolde/ Gladloker, bi Goddez sun, þen any god welde! [Teh Pearl 2006: 1063–1064].
81. alsus hiez man Îsolde/ ir schulde an disen sünden/ got unde der werlde künden./ nu haete Îsot êre unde leben/ vil verre an gotes güete ergebn./ si bôt ir herze unde ir hant/ vorhtlîche, als ez ir was gewant,/ dem heiltuom unde dem eide./ hant unde herze beide/ ergap si gotes segene/ ze bewarne und ze pflgene [Gottfried von Straßburg 2001b: 15670–15680].
82. >>ich hân lange/ vil anclîch und vil ange/ mîne marschandîse/ im armeclîcher wîse/ durch dînen willen her getriben./ deist aber allez nû beliben/ an einem guoten ende./ dar umbe ich mîne hende/ iemer ze gote bieten sol.<< [Gottfried von Straßburg 2001a: 4353–4361].
83. got lône iu, lieber herre/ daz ir mir alsô verre/ hat diu wârheit gesaget [Hartmann von Aue 2006: 1111–1112].
84. gotes wille müeze an mir geschehen! [Hartmann von Aue 2006: 1276].
85. Þe sauter hyt satz þus in a pace:/ “Lorde, quo schal klymbe þy hyç hylle,/ Oþer rest withinne þy holy place?” [Teh Pearl 2006: 716–720].
86. A la grant feste seint Michel del Peril./ Mis avoez la vos sivrat, ço dit;/ Enz en voz bainz que Deus pur vos i fist,/ La vuldrat il chrestiens devenir [La chanson de Roland 1922: 152–155].
87. und bitet den alle derzuo/ durch gotes willen allermeist,/ daz ime der heilige geist/ gelücke gebe und êre,/ und envührte niht ze sêre/ Môrôldes groeze und sîne craft./ sî et an gote genuothaft,/ der nie dekeinen man verlie,/ der mit dem rehten umbe gie [Gottfried von Straßburg 2001a: 6120–6128].
88. si begunde ir swaere beide lân/ an den genaedigen Crist,/ der gehülfc in den noeten ist./ dem bevalch si harte vaste/ mit gebete und mit vaste/ alle ir angest unde ir nôt [Gottfried von Straßburg 2001b: 15544–15549].
89. >>âmen!<< sprach diu schoene Îsot./ in gotes namen greif si’z an/ und truog ez, daz si niht verbtan./ dâ wart wol g’offenbaeret/ und al der werlt bewaeret,/ und al der werlt bewaeret,/ daz der vil tugehafte Crist/ wintschaffen also ein ermel ist [Gottfried von Straßburg 2001b: 15730–15736].

90. bî des zîten wart der gotes sun/ geboren ze Bethelêhêm,/ der sint gemartert wart ze Jersalêm/ uns allen ze trôste,/ wander uns erlôste/ ûz der freislîchen nôtt,/ wandern êwigen tôtt/ mit sînem tôde ersterbete,/ den Âdâm an uns erbete./ alsô hât her uns erlôst./ daz is uns ein michel trôst,/ ob wirz selbe behalden./ sîn gnâde sal es walden/ und sal uns gesterken/ an solîchen werken,/ als uns zer sêle gût sî./ âmenin nomine dominî [Heinrich von Veldeke 1986: 13412–13428].
91. »gentil rois,/ edeler künic curnewalois,/ ir und iur gesinde/ ir sît von gotes kinde/ iemer gebenedîet!« [Gottfried von Straßburg 2001a: 3355–3659].
92. Deme Dryžtyn, euer Hym adypte;/ Of þe way a fote ne wyl He wryþe./ <...> And sech Hys blyþe ful swefte and swyþe;/ þy prayer may Hys pytè byte,/ þat mercy schal hyr craftz kype [Teh Pearl 2006: 349–352].
93. Whider thou gost, Ichil with thee,/ And whider Y go, thou schalt with me [Teh Pearl 2006: 128–129].
94. Sir Gauan, on Codez halue, þaz hym no gomen þpožt./ Oft leudlez alone he lengez on nyžtez/ þer he fonde nožt hym byfore þe fare þat he liked./ Hade he no fere bot his fole bi frythez and dounez,/ Ne no gome bot God bi gate with to karp [Sir Gawayn and þe grene knyžt 2006: 692–696].
95. In Jerusalem, Jordan, and Galalye,/ þeras baptysed þe goude Saynt Jon [Teh Pearl 2006: 817–818].
96. »Vriunt, troumet iu?« sprach Tristan/ »waz maere trîbet ir mich an?/ waz ist der hovelîute wân?/ waz hât mîn vrouwe und ich getân?/ ûz! strîchet balde in gotes haz! <...>« [Gottfried von Straßburg 2001b: 14571–14575].
97. die saelde haete im got gegeben:/ er kunde und wolte in allen leben./ lachen, tanzen, singen,/ rîten, loufen, springen,/ zuchten und schallen, daz kunde er mit in allen [Gottfried von Straßburg 2001a: 3495–3500].
98. daz iegelîcher sunder tete/ unschamalîch unde untougen,/ mit reizenden ougen,/ mit inneclîchem smerzen/ des lîbes unde des herzen:/ daz im got der guote/ beschirmete unde behuote/ sîn edelkeit und ouch sîn kint./ nu s’alle an ir gebete sint,/ Tristan kam zuo gegangen [Gottfried von Straßburg 2001a: 6040–6049].
99. got unde reht diu riten dô înt/ mit rehtem urteile,/ ir rotte ze heile,/ ir vînden ze valle [Gottfried von Straßburg 2001a: 6996–6999].
100. Dist al paien: “Deus tut mal te tramette!/ Tel ad ocis dunt al coer me rêgrette. ” [La chanson de Roland 1922: 1608–1609].
101. Ryžt þus I know wel I þis cas/ Two men to saue is God – by skylle [Teh Pearl 2006: 672–673].
102. For I haf founden Hym, boþe day and nažte/ A God, a Lorde, a frende ful fyin [Teh Pearl 2006: 1204–1205].
103. My body on balke þer bod. In sweuen/ My goste is gon in Godez grace [Teh Pearl 2006: 62–63].
104. Pur Deu vos pri, ne vos cuntraliez! [La chanson de Roland 1922: 1741].
105. Ne worþe no wrathþe vnto my Lorde,/ If rapely raue, spornande in spelle [Teh Pearl 2006: 361–362].
106. To Hym þat matz in synne rescoghe -/ No blysse betz fro hem reparde,/ For þe grace of Go dis gret inoghe [Teh Pearl 2006: 361–362].
107. ob got wil, vrouwe künigîn,/ der untaete der sult ir sîn/ unschuldic und âne [Gottfried von Straßburg 2001b: 15449–15451].
108. got lône û der êren,/ die ir mir habet getân./ moht ich ûch sô wol enphân,/ als mir lieb wâre/ (sprach der helt mâre),/ dâ hâ ich gûten willen zû [Heinrich von Veldeke 1986: 5328–5333].

109. ›frowe, ne weinet niht mê!/ mir tût unmâzen wê/ ûwer clage die ir tût./ got lône û allez daz gût, daz ir mir dicke habet getân./ solde ez an mir stân, von û geschiede ich niemer./ ich enweiz, ob mich iemer/ got dare gesende,/ dâ ich frunt vinde,/ als ich nû mûz lâzen hie...‹ [Heinrich von Veldeke 1986: 2049–2059].
110. sus giengen sî dô beide/ in ir gemeinem leide/ und al ir ingesinde/ nach ir verlornem kinde/ weinen ûf des meres stat./ manec zunge dâ mit triuwen bat,/ daz got sîn helfe waere./ dâ wart manic clagemaere [Gottfried von Straßburg 2001a: 2381–2388].
111. ›hêrre, ez kam hie vor alsô,/ als ir wol wizzet unde die,/ die bî den zîten wâren hie,/ daz mîn hêrre Riwalîn,/ des man ich was und solte sîn,/ ob ez got alsô wolte,/ daz er noch leben solte [Gottfried von Straßburg 2001a: 4172–4178].
112. diu marschalkîn Floraete,/ diu triuwe und êre haete,/ dui leite marter an ir lîp/ als mit allem rehte ein wîp,/ der got ein gerehtez leben/ an wîbes êren hât gegeben [Gottfried von Straßburg 2001a: 5861–5866].
113. ›dêu sal, bêâs amîs!/ vil lieber vriunt, swer sô du sîs,/ got mûeze dich gehalten.‹/ Tristan geneic den alten:/ ›ei‹ sprach er ›dê benîe/ si sainte companie!/ sus heilege gesellschaft/ die gesegene got mit sîner craft!‹ [Gottfried von Straßburg 2001a: 2681–2688].
114. ›‹...› nu hât got unser aller nôt/ genaedeclîche an iu bedâht,/ daz er iuch uns her wider hât brâht.‹ [Gottfried von Straßburg 2001b: 18642–18644].
115. ›‹...› Rûâl und Floraete,/ die got der werlt sô haete/ gewerdet unde geschoenet,/ si sint ouch dort gecroenet,/ da diu gotes kint gecroenet sint‹ [Gottfried von Straßburg 2001b: 18665–18669].
116. daz sich got erbarmen/ geruochte über der sêle heil [Hartmann von Aue 2006: 254–255].

3.2. Языковое выражение пространства земного мира

117. Dunc le remembret des fius e des honurs,/ E des pulcele e des gentilz oixurs [La chanson de Roland 1922: 820–821].
118. De tantes teres cum li bers conquist,/ De dulce France, des humes de sun lign [La chanson de Roland 1922: 2378–2379].
119. mit manegem jâmer vuorten dan/ hin heim ze Tintajêle wider/ <...> des wart ein jaemerlîchez clagen/ in dem hove und in dem lande [Gottfried von Straßburg 2001a: 1139–1148].
120. got weiz wol, den Swâben muoz/ Ieglich biderber man jehen,/ der sî da heime hât gesehen,/ daz bezzers willen niene wart,/ dan als in an der heimvart/ sîn lantliut emphienge [Hartmann von Aue 2006: 1422–1427].
121. Marke iuwer hêrre und ir, ir sît/ heime unde gesellen alle zît./ sô bin ich vremede und eine [Gottfried von Straßburg 2001b: 19493–19495].
122. sîme vater hern sande/ wider heim ze lande/ harde hêrlîche./ Ênêas der rîche,/ der hetes grôze rouwe [Heinrich von Veldeke 1986: 7971–7976].
123. mit im her al daz sande/ sîme vater heim ze lande,/ der vil unfrô wart [Heinrich von Veldeke 1986: 8107–8109].
124. ›â!‹ dâhte er ›hêrre trehtîn,/ diz mac wol dîn genâde sîn./ ‹ist Tristan, alse ich hân vernomen,/ alsus ze Curnewâle komen,/ sô ist er rehte komen hin heim;/ wan Marke der ist sîn oeheim <...>‹ [Gottfried von Straßburg 2001a: 3835–3840].
125. im sollte billîch unde wol/ ein rîche dienen oder ein lant,/ des dinc alsô waere gewant./ diu werlt stât wunderlîche,/ sô vil manic künicrîche/ besetzte ist mit swacher art,/ daz ime der einz niht erwart [Gottfried von Straßburg 2001b: 10020–10026].
126. wan daz man in gewerte/ vrides dâ nâch mêre,/ swenne er dekeine kêre/ naeme in daz künicrîche [Gottfried von Straßburg 2001b: 6094–6102].
127. sol er nu dirre lande pflegen,/ die wîle und ir sît underwegen,/ ist daz iu danne missegât,/ als lîhte an verten ûf erstât,/ sô nimet er mir êre unde lant [Gottfried von Straßburg 2001b: 14193–14197].

128. in wes huote waere ich baz/ und iuwer liut und iuwer lant/ danne in iuwers neven hant,/ der unser wol gepflegen kann? [Gottfried von Straßburg 2001b: 13692–13695].
129. Sus wart der vlôz alsê grôz,/ der von Urgânes wunden vlôz,/ daz der vâlamdes man/ vil
130. ich lieze hie diu lant bewarn/ und berihten, swer der wolte,/ er daz ich mit iu sollte./ über daz allez sô tuot ir/ mit den landen und mit mir,/ reht also iuch selbe dunke guot [Gottfried von Straßburg 2001b: 14210–14215].
131. mit disen zwein insigelen,/ mit disen reinen rigelen/ sô ist der Minnen hûs bewart,/ valsch und gewalte vor bespart [Gottfried von Straßburg 2001b: 17027–17029].
132. dô hete Tyrrêûs/ gerne erweret sîn hûs,/ daz liez her vil wole schîn./ desn mohte aber niht sîn,/ sîn helfe was ze kleine [Heinrich von Veldeke 1986: 4783–4787].
133. And þou me smopely hatz smyten, smartly I þe teche/ Of my hous and my home and myn owen nome [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 407–408].
134. Who stiȝtlez in þis sted me steuen to holde?/ For now is gode Gawayn goande ryȝt here [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 2212–2213].
135. A lui lais jo mes honors e mes fieus [La chanson de Roland 1922: 315].
136. mîn lant, mîn liut und swaz ich hân,/ trût neve, daz sî dir ûf getân [Gottfried von Straßburg 2001a: 4461–4462].
137. diz lant is unser erbe:/ wâr halt Ênêas begraben,/ dannoch sô wold ich behaben/ mit den frunden mînen/ die schônen Lavînen/ und daz kunichrîche/ und wolde namelîche/ kunich hie belîben [Heinrich von Veldeke 1986: 12000–12006].
138. »Hêrre« sprach Tristan »unser leben,/ unser geburt und unser lant/ darumbe ist ez alsô gewant,/ als ich iu hie bediute« [Gottfried von Straßburg 2001a: 8796–8799].
139. daz sie unser lant/ verheret hânt und verbrant/ und des mannes veste./ wir mohten solher geste/ ich wil in unser lant weren/ sô daz siz rûmen mûzen [Heinrich von Veldeke 1986: 4888–4889].
140. der hât uns laster getân,/ <...> unde dar zû unser lant/ geroubet unde verbrant/ und unser lûte erslagen [Heinrich von Veldeke 1986: 5401–5407].
141. er was der werlde ein wunne,/ der ritterscheft ein lêre,/ sîner mâge ein êre,/ sînes landes ein zuoversiht [Gottfried von Straßburg 2001a: 256–259].
142. er bevalch sîn liut und sîn lant/ an sînes markschalkes hant,/ eines hêrren von dem lande,/ an dem er triuwe erkande [Gottfried von Straßburg 2001a: 465–468].
143. Jo vos durrai or e argent asez,/ Teres e fiez tant cum vos en vuldrez [La chanson de Roland 1922: 75–76].
144. Quant co vos mandet li reis Marsiliun,/ Qu’il devendrat jointes ses mains tis hom,/ E tute Espagne tendrat par vostre dun [La chanson de Roland 1922: 222–224].
145. Intuitus, «quis, cum terris excessero,» dixit/ «Talibus inueniet dignum? iam sufficit orbem/ Terrarum rexisse michi. satis axe sub isto/ Prospera successit parentibus alea bellis [Galteri de Castellione 1978: 398–402].
146. Tristan sprach: »hêrre, ist iuwer muot/ ze einem lantstrîte guot,/ sô kêret umbe zehant,/ vart wider heim in iuwer lant,/ besendet iuwer ritterschaft,/ besamenet alle iuwer craft <...>« [Gottfried von Straßburg 2001a: 6407–6413].
147. ich lieze hie diu lant bewarn/ und berihten, swer der wolte,/ er daz ich mit iu sollte./ über daz allez sô tuot ir/ mit den landen und mit mir,/ reht also iuch selbe dunke guot [Gottfried von Straßburg 2001b: 14210–14215].
148. Que nus requert ca en la nostre marche? [La chanson de Roland 1922: 374].
149. Si recevrat la nostre lei plus salve;/ Chrestiens ert, de mei tendrat ses marches [La chanson de Roland 1922: 189–190].
150. Kartâgô diu mâre/ houbstat wâre/ uber alliu diu rîche,/ und daz ir gelîche/ diu lant wâren undertân [Heinrich von Veldeke 1986: 421–425].

151. bî dem ungetrouwen man,/ der nie landes teil gewan/ alsô breit als ein schaft,/ daz wâre ein unsâligiu schaft,/ diu ime ze teile worde./ im ni svon geborde/ solich êre niht geslaht [Heinrich von Veldeke 1986: 4179–4183].
152. sô michel wirt ir kraft,/ daz si gemachent zinshaft/ diu lant alliu gelîche/ ze rômescheme rîche [Heinrich von Veldeke 1986: 3687–3690].
153. in klageten elliu diu lant,/ dâ er inne was erkant,/ und ouch von vremeden landen/ die in nâch sage erkanden [Hartmann von Aue 2006: 263–266].
154. Whyle oure luflych lede lys in his bedde,/ Gawayn grayþely at home, in gerez ful ryche/ of hewe [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 1469–1471].
155. und was doch heimelîch genûch/ mit den rittern allen tach./ ich sage û wes si nahtes phlach:/ dâ si herberge gewan/ dar ne mûste dehein man/ neheine wîs nâher komen [Heinrich von Veldeke 1986: 5228–5233].
156. Tristan zen herbergen kam./ sîn ingesinde er aller nam/ und zogete sich mit in/ wol balde gein der habe hin [Gottfried von Straßburg 2001b: 18405–18408].
157. wande si dorch sîne bete/ ze sîner helfe komen was./ vor Laurente an ein gras,/ als man ûz der borch reit,/ an eine scône wîsen breit/ heten herberge genomen/ <...> vil nâch eine mîle/ wâren geslagen ir gezelt [Heinrich von Veldeke 1986: 5302–5311].
158. Dô Turnûs solde dannen/ varen mit sînen mannen/ hin ze herbergen/ und sie die halsberge/ sumelîche heten ûz getan [Heinrich von Veldeke 1986: 6469–6474].
159. dô hiez der hêre Ênêas/ alle sîne holden,/ die im helfen solden,/ herbergen an daz velt/ und selbe sîn gezelt/ vor der borch ûf slân [Heinrich von Veldeke 1986: 9198–9203].
160. Dô kêrde hêre Turnûs/ mit dem here von dem hûs,/ ze den herbergen her reit./ her hete michel arbeit/ erliden unde grôze nôt./ sîm marschalke her gebôt/ unde hiez gebieten,/ daz si daz berieten/ und holfen ahten/ umb die schiltwahte [Heinrich von Veldeke 1986: 7245–7254].
161. What more honour moȝte he acheue/ þat hade endured in worlde strong [Teh Pearl 2006: 475–476].
162. disiu jæmerlîche geschiht/ diu was sîn eines klage niht:/ in klageten elliu diu lant,/ dâ er inne was erkant,/ und ouch von vremeden landen,/ die in nâch sage erkanden [Hartmann von Aue 2006: 261–266].
163. He fonde a foo hym before, bot ferly hit were/ And þat so foule and so felle þat feȝt hym byhode./ So mony meruayl bi mount þer þe mon fyndez,/ Hit were to tore for to telle of þe tenþe dole./ Sumwhyte wyth wormez he werrez, and with wolues als,/ Sumwhyte wyth wodwos, þat woned in þe knarrez,/ Boþe wyth bullez and berez, and borez oþerquyle,/ And etaynez, þat hym aneledede og þe heȝe felle [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 716–723].
164. Jo l'ai lesset en une estrange marche!/ Deus! se jol pert, ja n'en avrai escange! [La chanson de Roland 1922: 839–840].
165. Þe water is baptem, þe soþe to telle,/ þat folȝed þe glayue so grimly grounde,/ þat waschez away þe gyltez felle/ þat Adam wyth inne deth vus drounde [Teh Pearl 2006: 653–656].
166. Sich treit der werlde sache/ vil ofte z'ungemache/ und aber von ungemache/ wider ze guoter sache [Gottfried von Straßburg 2001a: 6094–6102].
167. »owê mir armen!« sprach s` »owê,/ daz ich zer werlde ie wart geborn!/ ich arme, wie hân ich verlorn/ mîn êre und mîne triuwe!« [Gottfried von Straßburg 2001b: 11696–11699].
168. mir behaget diu werlt niht sô wol:/ ir gemach ist michel arbeit,/ ir meiste lieb ein herzeleit,/ ir süezer lôn ein bitter nôt,/ ir lanclîp ein gæher tôt [Hartmann von Aue 2006: 708–715].
169. jâ gebôt er unde bater,/ daz man muoter unde vater/ minne und êre biete,/ und geheizet daz ze miete,/ daz der sêle genist werde/ und lanclîp ûf der erde/ dû gihst, dû wellest dîn leben/ durch unser beider vreude geben:/ dû wilt iedoch uns beiden/ daz leben vaste leiden [Hartmann von Aue 2006: 640–650].

170. dem selben risen dem was Gilân/ und sîn lant Swâles undertân/ und sollten ime den zins geben,/ daz er daz lantliut lieze leben/ âne nôt und âne leit [Gottfried von Straßburg 2001b: 15922–15928].
171. nû wes unwert und wes nôt/ wart ie zer werlte merre?/ hie vor was ich dîn herre/ und bin dîn dürftige nû [Hartmann von Aue 2006: 427–429].
172. Dô die helide balde/ gefûren after walde/ alle wîle erre,/ dô quâmen si alsô verre,/ da si eine strâzen funden. [Heinrich von Veldeke 1986: 273–276].
173. dâ bî wonde ein edil man,/ der was geheizen Tyrrêl,/ [und stunt] bî Laurente in dem walt [Heinrich von Veldeke 1986: 4566–4571].
174. in haete Tristan aber dô/ gelêret harte schiere/ nâch dem hirze und nâch dem tiere,/ nâch aller slahte wilde/ durch walt und durch gevilde/ ze wunsche loufen ûf der vart,/ sô daz er niemer lût wart [Gottfried von Straßburg 2001b: 17254–17260].
175. Bi a mounte on þe morne meryly he rydes/ Into a forest ful dep, þat ferly watz wylde,/ Hiȝe hillez in vchce a halue, and holtwodez vnder/ Of hore okez ful hoge a hundredth togeder [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 740–743].
176. Into wilderness Ichil te/ And livether ever more/ With wilde bestes in holtes hore [Sir Orfeo 2006: 212–214].
177. “Lord,” quath he, “in uncouth thede/ Thurch a wilderness as Y yede,/ Ther Y founde in a dale/ With lyouns a man totorn smale...” [Sir Orfeo 2006: 535–538].
178. »hêrre, in dirre wilde alhie.«/ »in dirre wüesten wilde?«/ »jâ.«/ »ist aber ieman lebender dâ?« [Gottfried von Straßburg 2001b: 17466–17469].
179. dise grôze wilde die vürht ich./ swar ich mîn ougen wende,/ da ist mir der werlde ein ende./ swâ ich mich hin gekêre,/ niwan ein toup gevilde/ und wüeste unde wilde,/ wilde velse und wilden sê [Gottfried von Straßburg 2001a: 2502–2509].
180. Tristan zehant gewîset wart/ vil rehte ûf Urgânes vart/ in einen harte wilden walt/ und stiez der an des risen gewalt/ des endes, dâ der roup ie/ über eine brucke wider gie [Gottfried von Straßburg 2001b: 15963–15968].
181. ir ungemach was vile grôz/ in dem vinstern walde./ si liden michil kalde/ von îse und vin snêwe./ die trachen und die lêwen/ und die lintworme/ die sûchten sieze storme/ und die lêbarde/ mûten sie vil harde,/die si sêre bizzen./ daz fleisch si in zerizzen/ und von dem beine nûgen./ <...> wande si wâren zer werlde tôt [Heinrich von Veldeke 1986: 2950–2968].
182. He fonde a foo hym before, bot ferly hit were/ And þat so foule and so felle þat feȝt hym byhode./ So mony meruayl bi mount þer þe mon fyndez,/ Hit were to tore for to telle of þe tenþe dole./ Sumwhyle wyth wormez he werrez, and with wolues als,/ Sumwhyle wyth wodwos, þat woned in þe knarrez,/ Boþe wyth bullez and berez, and borez oþerquyle,/ And etayneȝ, þat hym aneledede og þe heȝe felle [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 716–723].
183. di gesellen in dem walde./ ... nieman weste war si quam,/ wan der hêre Ênêas,/ mit dem si gerne eine was./ do gesâgen si einen boum stân/ dicken unde wol getân,/ dar zû quamen si zehant [Heinrich von Veldeke 1986: 1818–1829].
184. ir staetez ingesinde/ daz was diu grüene linde,/ der schate und diu sunne,/ diu riviere unde der brunne./ bluomen, gras, loup unde bluot,/ daz in den ougen sanfte tuot./ ir dienest was der vogele schal,/ diu cleine reine nahtegal,/ diu troschel unde daz merlîn/ und ander waltvogelîn [Gottfried von Straßburg 2001b: 16881–16890].
185. And ay þe lorde of þe londe is lent an his gamnez,/ To hunt in holtez and heþe at hyndez barayne [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 1319–1320].
186. si riten under stunden,/ sô si des geluste,/ mit dem armbruste/ pirsen in die wilde/ nâch vogelen und nâch wilde [Gottfried von Straßburg 2001b: 17244–17248].
187. und wîlen gienk her in den walt/ weiden mit deme wilde [Heinrich von Veldeke 1986: 4592–4593].

188. Dô wâfende sich balde/ der junge und der alde./ Turnûs reit dô dannen/ mit den sînen mannen,/ die dâ volgeten sîme van./ die halsberge leitens an./ dô der helt lussam/ Turnûs ûz der borch quam/ vor die stat an daz velt [Heinrich von Veldeke 1986: 8762–8771].
189. nu sach er verre dort hin dan/ vier gewâfende man/ über ungeverte und über velt/ ein lützel balder danne enzelt/ vlihende gâlopiere [Gottfried von Straßburg 2001a: 8943–8947].
190. With bugle to bent–felde he buskez bylyue./ By þat any daylyȝt lemed vpon erþe/ He with his hapeles on hyȝe horses weren./ þenne þise cacheres þat coupe cowpled hor houndez./ Vnclosed þe kene dore and calde hem þeroute [Sir Gawayn and þe grene knyȝt 2006: 1136–1140].
191. dô reit der edele Troiân/ frôliche uber daz velt/ und erbeizte von sîn gezelt [Heinrich von Veldeke 1986: 10444–10446].
192. dô der hêre Ênêas/ ze Laurente zû reit/ uber daz velt vile breit/ her und die sîne,/ do gesach in Lavîne/ diu junkfrouwe lussam,/ daz her dar zû geriten quam [Heinrich von Veldeke 1986: 11490–11496].
193. Li amiralz chevalchet par le camp,/ Si vait ferir le cunte Guneman [La chanson de Roland 1922: 3463–3464].
194. Li quens Rollant el champ est repairet./ Tient Durendal, cume vassal i fiert [La chanson de Roland 1922: 1869–1870].
195. Entr’els nen at ne pui ne val ne tertre,/ Selve ne bois; asconse n’i poet estre;/ Ben s’entreveient en mi la pleine tere [La chanson de Roland 1922: 3293–3294].
196. Hern wiste waz her solde tûn./ dô quam Ascânjûs sîn sun/ und sîner manne viere./ si brahten in vil schiere/ von dem strîte uber daz velt/ und leiten in in sîn gezelt [Heinrich von Veldeke 1986: 11887–11892].
197. ir wart vil schiere ein michel her./ die ungewarneten man/ si kâmen alle ir vînde an/ mit manlichem muote./ warnunge unde huote/ der nam dâ lützel ieman war,/ wan drungen er mit hâfen dar/ und tâten s’alle mit gewalt/ âz hin ze velde vür den walt [Gottfried von Straßburg 2001a: 5466–5474].
198. Nu was diu hôhgezît geleit,/ benennet unde besprochen/ die blüenden vier wochen,/ sô der vil süeze meie in gât/ unz an daz, dâ er ende hât,/ bî Tintajêl sô nâhen,/ daz sî sich undersâhen,/ in die schoenesten ouwe,/ die keines ougen schouwe/ ie überlûhte ê oder sît [Gottfried von Straßburg 2001a: 536–545].
199. des meien vriunt, der grüene wase/ der haete ûz bluomen ane geleit/ sô wunneclîchiu sumercleit,/ daz sî den lieben gesten/ in ir ougen widerglesten [Gottfried von Straßburg 2001a: 564–568].
200. Dâ haete diu geselleschaft/ vrô unde sêre vrôudehaft/ gehütet ûf daz grüene gras,/ also iegeliches wille was [Gottfried von Straßburg 2001a: 587–590].
201. dô was er zer fontaine/ ûf Tristandes plaine./ Des selben morgens was Tristan/ und sîn gespil geslichen dan/ bihanden gevangen/ und kâmen hin gegangen/ vil vruo und in dem touwe/ ûf die gebluoten ouwe/ und ûf daz wunneclîche tal [Gottfried von Straßburg 2001b: 17345–17353].
202. Dô was der hêre dannen/ gevaren mit sînen mannen/ verre ûf den hôhen sê [Heinrich von Veldeke 1986: 2529–2531].
203. der wint quam von dem lande/ und treib si verre ûf daz mere [Heinrich von Veldeke 1986: 152–153].
204. dô daz Ênêas gesach,/ daz sich daz mere slihte,/ sîn houbet her ûf rihte / der wol gelobete wîgant./ her gesach von Libîa daz lant/ und die berge vile hô [Heinrich von Veldeke 1986: 224–229].
205. quem terra fretumque perhorrent [Galteri de Castellione 1978: 27].
206. ich vuor von lande über mer/ mit einem heinlîchen her/ und kam vil vridelîche/ her in disiu rîche,/ als ich ê mâles hân getân [Gottfried von Straßburg 2001a: 6395–6399].

207. Hie mite so stiezen s'an den sê./ sus vuoren sî von dannen/ niwan mit ahte mannen [Gottfried von Straßburg 2001a: 7362–7364].
208. Der hêre unde sîne here/ fûren dô uber mere/ dar si gelucke sande./ dô quâmen sie ze lande./ da diu Tiber in daz mere gêt./ dâ noch Montalbâne stêt [Heinrich von Veldeke 1986: 3741–3746].
209. quâme ich ouch immer mêre/ lebende ze lande./ ...sô mûz ich jâmerlîche/ ûf diseme mere ligen tôt [Heinrich von Veldeke 1986: 7696–7704].
210. sunder daz dâ was versunken./ dâ lûte inne irtrunken./ des si sint iemer mêre enbâren./ diu ander in komen wâren./ des wâren si alle vile frô./ Ênêas was vile hô/ ûf einen berch gegangen <...> [Heinrich von Veldeke 1986: 589–595].
211. Îsôt und ir gesinde./ in wazzer unde in winde/ des ungevertes ungewon./ unlanges kâmen sî dâ von/ in ungewonlîche nôt./ Tristan ir meister dô gebôt./ daz man ze lande schielte/ und eine ruowe hielte./ nu man gelante in eine habe./ nu gie daz volc almeistic abe/ durch banekîe ûz an daz lant [Gottfried von Straßburg 2001b: 11649–11659].
212. Verrimus equoreos fluctus uitamque perosi/ Et caput et merces tumidis committimus undis [Galteri de Castellione 1978: 440–441].
213. ich bin mit micheler nôt/ vil manegen ûbelen wec geslagen/ in disen swaeren ahte tagen./ und gester umbe den mitten tac./ dô sturm unde wint gelac./ dô erkande ich berge unde lant./ durch ruowen kêrte ich zehant/ und ruowete unze hiute dâ [Gottfried von Straßburg 2001a: 8824–8831].
214. als dû geverest dannen./ sô kumestû vil gereite/ uber daz mere breite/ ... sun, gedenke vil wol des, / daz ich dich wîse:/ û sal aver diu spîse/ ein teil tûre werden./ êr ir komet zer erden/ jenehalb uber mere./ sô daz dû und dîn here./ die helide wol vermezzen./ dorch nôt solt ir ezzen [Heinrich von Veldeke 1986: 3700–3712].
215. Que il ne voelent ne tenir ne garder./ Einz qu'il oussent .III. liues siglet./ Sis aquillit e tempeste e ored/ La sunt neiez, jamais nes en verrez [La chanson de Roland 1922: 687–690].
216. Tristan beleip al eine dâ./ der swebete dâ wâ unde wâ/ mit jâmer und mit sorgen/ unz an den liechten morgen [Gottfried von Straßburg 2001a: 7503–7506].
217. zuo gesellen ich gewan/ einen rîchen koufman/ und luode wir zwêne einen kiel/ mit allem dem, als uns geviel./ dâ heime ze Hispanje/ und wolten ze Britanje./ alsus bestuont uns ûf dem mer/ in einem schiffe ein roupher./ die nâmen uns cleine unde grôz/ und sluogen mînen kuofgenôz/ und allez, daz dâ lebende was [Gottfried von Straßburg 2001a: 7575–7585].
218. dô fûr her vor dem winde/ ûf dem mere freissam [Heinrich von Veldeke 1986: 2538–2539].
219. diz wilde mere is mir gram./ ouch hazzent mich die winde./ als ich ez wol bevinde./ die mich von danne hânt getriben [Heinrich von Veldeke 1986: 7706–7709].
220. >...alsus bin ich in ir gebote/ komen mit arbeit here/ uber diz breite mere/ an mîn rechtez erbe./ daz ich hie gerne erwerbe.< [Heinrich von Veldeke 1986: 11700–11704].
221. si haeten sich mitalle ergeben/ an die vil armen stiure./ diu dâ heizet âventiure./ si liezen ez an die geschiht/ weder si genaesen oder niht./ wan ir dinges was nimê./ wan daz si mit dem wilden sê <...> [Gottfried von Straßburg 2001a: 2404–2413].
222. mit manegem trahene liezen s'in/ swebende ûf dem wilden sê./ in getete nie scheiden alsô wê [Gottfried von Straßburg 2001a: 7492–7494].
223. ouch ist ez alwaere./ swer saget, daz Tristan ûf daz mer/ nâch wâne schiffete mit her/ und ensolte des niht nemen war./ wie lange er vûere oder war./ und enwiste ouch niht wen suoehen [Gottfried von Straßburg 2001a: 8615–8621].
224. daz mere is freissam getân./ die unde gênt vile hô./ niht enzornet ir mir sô./ daz ir ûrn lîb iet verlieset/ unde den tôt kieset [Heinrich von Veldeke 1986: 2146–2150].
225. si triben die tobenden ûnde/ wîlent ûf und wîlent nider./ iezuo dar und iesâ wider [Gottfried von Straßburg 2001a: 2430–2433].

226. sus bin ich eine sider geswebet/ mit marter und mit maneger clage/ wol vierzic naht und vierzic tage,/ swar mich die winde sluogen,/ die wilden ünde truogen/ wîlent her und wîlent hin [Gottfried von Straßburg 2001a: 7596–7600]
227. daz lant is uns geverret:/ uns hât weter unde wint/ misselîchen getriben:/ uns is daz leben kûme bliben/ vor des meres unden [Heinrich von Veldeke 1986: 483–489]. als der wolte unde der gebôt,/ dô huop sich ein sô michel nôt/ von stumwetere ûf dem sê,/ daz s'alle samet in selben mê/ enmohten niht ze staten gestân,/ wan daz s'et ir schif liezen gân,/ dar ez die wilden winde triben,/ und si selbe âne trôst beliben/ umbe ir lîp und ir leben [Gottfried von Straßburg 2001a: 2411–2419].
228. der stormwint zerteilde dô/ diu schif vile wîten./ alsô mûstens rîten,/ wan sie sich vor den unden/ berihten niene kunden [Heinrich von Veldeke 1986: 208–212].
229. sus begunde er sich versinnen,/ l'ameirdaz waere minnen,/ l'ameirbitter, la meir mer./ der meine der dûhte in ein her./ <...> mer unde sûr beredete er./ »ich waene« sprach er »schoene Îsôt,/ mer unde sûr sint iuwer nôt./ iu smecket mer unde wint./ ich waene, in diu zwei bitter sint?«/ »nein hêrre, nein! was saget ir?/ der dewederez wirret mir,/ mirn smecket weder luft noch sê./ lameir al eine tuot mir wê.« [Gottfried von Straßburg 2001b: 11993–12010].

3.3. Языковая репрезентация пространства inferнального мира

230. To dyȝe in doel out of delyt/ And syþen wende to helle hete,/ þerinne to won withoute respyt./ Bot þeron com a bote astyt [Teh Pearl 2006: 641–646].
231. Dô dem hêren diu vart/ zû der helle geboten wart,/ daz dûhte in vile freissam [Heinrich von Veldeke 1986: 2653–2655].
232. daz her wole solde komen,/ dar her varen wolde,/ <...> und missetrôste sich des,/ daz in sîn vater Anchîses/ zû der helle varen hiez,/ wander daz ungerne liez [Heinrich von Veldeke 1986: 2642–2648].
233. Ahî, ein sô getân pardîs,/ daz alsô vrôudebaere/ und sô gemeiet waere,/ dâ möhte ein saeliger man/ sînes herzen saelde vinden an und sîner ougen wunne sehen [Gottfried von Straßburg 2001b: 18088–18093].
234. And at þat syȝt vche douth con dare,/ In helle, in erþe, and Jerusalem [Teh Pearl 2006: 839–840].
235. E l'arcevesque lor ocist Siglorel,/ L'encanteür ki ja fut en enfer:/ Par artimal l'i cundoist Jupiter [La chanson de Roland 1922: 1390–1392].
236. Bot suppleantorez none withhinne þis place;/ þat emperise al heuenz hatz –/ And vrþe and helle – in her bayly;/ Of erytage ȝet non wyl ho chace,/ Dor ho is quen of cortaysye [Teh Pearl 2006: 440–444].
237. der wart saelic ie geborn,/ der ist geborn unde erkorn/ ze lebenden saelden alle wîs,/ der hât daz lebende paradîs/ in sînem herzen begraben./ der endarf dekeine sorge haben,/ daz in der hagen iht ange <...> [Gottfried von Straßburg 2001b: 18062–18066].
238. in disem paradîse/ dâ enspringet an dem rîse,/ engruonet noch enwahset niht,/ wan daz daz ouge gerne siht [Gottfried von Straßburg 2001b: 18078–18081].
239. Ahî, ein sô getân pardîs,/ daz alsô vrôudebaere/ und sô gemeiet waere,/ dâ möhte ein saeliger man/ sînes herzen saelde vinden an und sîner ougen wunne sehen [Gottfried von Straßburg 2001b: 18088–18093].
240. Dâ vant der helt milde/ zierheit maneger slahte,/ daz nieman konde gahten [Heinrich von Veldeke 1986: 3586–3588].
241. der wart saelic ie geborn,/ der ist geborn unde erkorn/ ze lebenden saelden alle wîs,/ der hât daz lebende paradîs/ in sînem herzen begraben./ der endarf dekeine sorge haben <...> [Gottfried von Straßburg 2001b: 18062–18065].

242. The dubbement dere of doun and dalez,/ Of wod and water and wlonk playnez,/ Bylde in me blyse, abated my balez,/ Forbidden my stresse, dystried my paynez/ <...> Forby I boȝt þat paradys [Teh Pearl 2006: 121–137].
243. That onus Orpheo sat byforn,/ And he myght of his harpyng her,/ He schulde thinke that he wer/ In one of the joys of paradys [Sir Orfeo 2006: 42–45].
244. He com into a fair cuntray/ As bright so sonne an somers day <...>/ Al that lond was ever light,/ For when it schuld be therk and night,/ The riche stonnes light gonne/ As bright as döth at none the sonne./ No man may telle no thence in thought/ The riche werk that ther was wrought./ Bi al thing him think that it is/ The proude court of paradys [Sir Orfeo 2006: 351–376].
245. Dô hern berihtet hete des,/ dô leite in Anchîses/ an ein wazzer daz dâ flôz/ scône und niht ze grôz,/ lûter und reine./ edile gesteine/ was aller der grunt [Heinrich von Veldeke 1986: 3610–3615].
246. Der helle torwarde/ der zornde vile harde,/ dô her die menschen gesach./ niht langer her ne lach,/ zornlîche her ûf sprank./ sîn âdem freislîche stank,/ wîte ginete im der munt./ her was gestalt alsam ein hunt/ hinden unde vorne./ her strûbete sich vor zorne./ die nateren und die slangen,/ da her mite was bevangen,/ si bliesen unde gullen./ freislîche si bullen./ sô daz diu helle erwagete./ und als der tûvel jagete./ grôzliche daz gescrei was [Heinrich von Veldeke 1986: 3239–323225].
247. dô sach her zer winsteren hant/ eine grôze borch stân,/ diu was vil egeslîche getân,/ sô si von rehte solde sîn/ diu mûre was îsenîn/ und glûte vone fûre;/ sie was ungehûre [Heinrich von Veldeke 1986: 3354–3360].
248. dô sach her zer winsteren hant/ eine grôze borch stân/ diu was vil egeslîche getân,/ sô von rehte solde sîn [Heinrich von Veldeke 1986: 3354–3358].
249. dô si wâren in dem tal,/ do gesâgen si lûte âne zal,/ die weinenden unde liefen./ ,/ sie scriwen unde riefen,/ beidiu man unde wîb./ naket was aller ir lîb./ <...> ir ungemach was vile grôz/ in dem vinstern walde [Heinrich von Veldeke 1986: 2942–2952].
250. dô daz Ênêas gesach/ die jâmerlîche wîze dâ,/ dô frâgete her sâ/ Sibillen von den lûten,/ waz daz mohte dûten./ Sibille diu alde/ si sagete ime balde,/ daz daz sêle wâren./ die vor manegen jâren/ sumelîche wâren dar komen./ den daz leben was benomen/ von ir selber scholden/ und dâ dolen solden/ nôt unde arbeit./ unz es den meister dûhte zît,/ daz man si fûrde uber den flût [Heinrich von Veldeke 1986: 2972–2987].
251. Dô daz alsô ergangen was,/ daz Sibille und Ênêas/ in die porte quâmen,/ als wir ê vernâmen,/ zû den selben stunden/ vile sie dâ vunden/ lûterlicher kinde/ vor der helle an einem ende./ da di mûder wâren mite tôt./ sie liden michel nôt/ si scriren vile sêre [Heinrich von Veldeke 1986: 3273–3283].
252. Ênêas der wîgant/ michel here her dô vant,/ die tôt wârn von minnen./ dâ mûste her erkennen/ froun Dîdônen die rîchen./ diu sich sô jâmerlichen/ dorch sînen willen hete erslagen [Heinrich von Veldeke 1986: 3293–3299].
253. di er alle wole erkande./ das was der kunich Prîamûs und der kûne Trôilûs,/ Pârîs unde Hectôr/ und der wîse Anthênôr/ und der hovesche Athanas [Heinrich von Veldeke 1986: 3322–3327].
254. Menelaus und Tytides,/ Agamemnôn und Achilles,/ und der fromige Aïax/ und der junge Protesilax./ den erkande wol Ênêas,/ wande her der êrste was./ der vor Troue erschlagen wart [Heinrich von Veldeke 1986: 3345–3351].